МВД России

Санкт-Петербургский университет

К. В. Злоказов, Н. А. Самойлик, О. А. Чопик

ДЕСТРУКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Монография

Санкт-Петербург

2026

УДК 159.9.072
ББК Ю9в85я73
З 86

План-график2026., поз. 107

З 86 **Злоказов, Кирилл Витальевич.** Деструктивное социальное поведение криминогенной личности : монография / Кирилл Злоказов, Наталья Самойлик, Ольга Чопик ; Санкт-Петербургский университет МВД России. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. — 172 с. : таб.; 21 см. — 100 экз.

Авторский коллектив:
Злоказов К. В., Самойлик Н. А., Чопик О. А.
Вклад авторов в работу над монографией пропорционален и не может быть разделен.

ISBN 978-5-00277-110-3
EDN: EVQZNZ

В монографии рассматривается деструктивное социальное поведение криминогенной личности, обобщаются отечественные и зарубежные теории деструктивного поведения применительно к криминогенной личности, представлена методика исследования деструктивного взаимодействия.

Издание предназначен для обучающихся, изучающих дисциплины «Криминальная психология», «Юридическая психология» по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности, а также будет полезна всем интересующимся возрастными и педагогическими проблемами формирования криминогенной личности и профилактики риска ее антиобщественного поведения.

УДК 159.9.072
ББК Ю9в85я7

Рецензенты:
Сучкова Е. Л., доктор психологических наук, доцент
(Академия управления МВД Росси);
Осипова А. С., кандидат психологических наук
(Краснодарский университет МВД России)

ISBN 978-5-00277-110-3

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ....4
ГЛАВА 1. ДЕСТРУКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ 9
1.1. Феномен деструктивного поведения в научных исследованиях....9
1.2. Психосоциальный подход к изучению деструктивности личности 41
Выводы первой главы 58
ГЛАВА 2. ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ....61
2.1. Социальная обусловленность деструктивного поведения криминогенной личности 61
2.2. Антропологический подход к объяснению деструктивности криминогенной личности 85
Выводы второй главы 99
ГЛАВА 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ .. 101
3.1. Психологическая характеристика криминогенной личности 101
3.2. Отношения криминогенной личности к социальному окружению 118
3.3. Проявления деструктивного социального поведения криминогенной личности 127
Выводы третьей главы 151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 156
ПРИЛОЖЕНИЕ 168

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество, несмотря на развитие институтов права и морали, продолжает сталкиваться с формами антиобщественного поведения, в т. ч. лиц, которые несмотря на уголовное наказание, продолжают вести криминальный образ жизни. В этом контексте особую значимость приобретает изучение поведения криминогенных лиц, которое не только нарушает уголовный закон, но разрушает признанные обществом структуры взаимодействия и взаимоотношения, ухудшает благополучие окружающих их людей. С учетом наступающих последствий данное социальное поведение определяется в рамках данной работы как деструктивное[1]. Считая, что сущность деструктивного поведения личности заключается в разрушении существующих социальных структур в целях формирования собственной идентичности, полагаем, что его осуществление криминогенной личностью побуждается стремлением противопоставить себя окружающим, в т. ч. и общественно-опасным способом.

Актуальность исследования деструктивного поведения обусловлена взаимосвязанными причинами теоретического и практического характера.

Теоретическая актуальность заключается в том, что в психологической науке внимание традиционно уделяется феноменам девиантного и деструктивного поведения, свойственным право-послушным лицам. В парадигме представления о деструктивности, ведущее место занимает философско-антропологический анализ деструктивности современного человека[2]. При этом, деструктивное поведение криминогенной личности, чья ценностно-смысловая направленность характеризуется антиобщественными и противоправными стремлениями

[1] См.: Куликов В. Б., Злоказов К. В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). С. 89–92.

[2] См.: Антропология деструктивности : коллективная монография / П. Е. Суслонов, А. А. Исаев, А. Г. Кислов [и др.]. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2012. 214 с. ; Богдан С. С. Человеческая деструктивность как социокультурный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 310–320 ;Лысак И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. Таганрог : СКНЦ ВШ, 2004. 160 с.

недостаточно представлено в предметном поле гуманитарной науки[1]. Вместе с тем подобное поведение криминогенной личности выступает и индикатором ее общественной опасности и важнейшим показателем ее криминогенности.

Деструктивное поведение негативно сказывается на криминогенной личности, снижая возможности получения поддержки окружающих, их помощи в формировании ее самоотношения и соучастия в ее самореализации. Фактически, деструктивное поведение разрушает социальное взаимодействие криминогенной личности и препятствует ее социальному функционированию. Учитывая, что личность с высоким уровнем криминализации самостоятельно не всегда способна реинтегрироваться в общество, деструктивное поведение не только не способствует решению ее жизненных задач, но блокирует возможности построения системы отношений помощи и поддержки с окружающими. Можно полагать, что деструктивное поведение криминогенной личности выступает связующим звеном между проблемами социального развития личности в обществе и криминальным поступком. В этой связи его исследование позволит получить новые данные как о сущности деструктивного поведения в целом, так и его специфике, присущей криминогенной личности[2]. Таким образом, исследование заполняет теоретический пробел в понимании психологической сущности и функций деструктивного поведения правопослушной и криминогенной личности.

Актуальность исследования для практики выражается в том, что предпосылки деструктивного поведения криминогенной личности не подвергаются соответствующей ее антиобщественной сущности профилактике, что приводит к росту криминальной виктимности и субъекта и окружения. Так, для субъекта деструктивного поведения, осуществляемые действия ведут к изоляции и исключению из правопослушных групп. Для непосредственного окружения (семьи, родственников, формального и неформального окружения) подобное поведение приводит к негативно-отчуждающим последствиям, оно

---

[1] См.: Антипова Е. А., Ларионова А. В., Орлова В. В. Деструктивное поведение в проблемном поле гуманитарной науки // Векторы благополучия. 2020. № 4 (39). С. 128–137.

[2] См.: Самойлик Н. А. Диагностика деструктивного поведения: постановка проблемы // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1 (21). С. 80–86.

провоцирует конфликты, наносит психологический ущерб, ведет к материальным потерям и побуждает к прекращению (разрыву) отношений. Для общества существование представлений о допустимости деструктивного поведения расширяет границы применения различных форм злонамеренной агрессии, вызывает дифференциацию его членов по способности осуществлять насилие и, в целом, подрывает доверие к органам охраны правопорядка. Практическая актуальность обосновывается тем, что установление закономерностей и характеристик деструктивного социального поведения позволяет разрабатывать более эффективные инструменты его диагностики и противодействия[1]. В целом, игнорирование деструктивного поведения, пока оно не перешло в дисциплинарные, административно- или уголовно -наказуемые формы является ошибочным. Поэтому изучение данного феномена прямо отвечает на запрос общества на поддержание общественного порядка и общественной безопасности и улучшение благополучия населения.

Цель исследования заключается в психологическом анализе деструктивного социального поведения криминогенной личности, предполагающем описание его феноменологии, психологических причин, а также разработке методики его диагностики в межличностном взаимодействии.

Для достижения цели сформулирован ряд задач:

1. Обобщить современные теоретические представления о деструктивном социальном поведении в современной психологической науке, охарактеризовав его как объект познания. Эта задача предполагает обращение различным подходам к определению, классификации деструктивного поведения в целом, что станет основой для его спецификации применительно к криминогенной личности.

2. Рассмотреть обусловленность деструктивного социального поведения криминогенной личности. В рамках данной задачи будет выполнена дифференциация деструктивного поведения право-послушной личности от его криминогенно-обусловленной формы через призму социального и антропологического подходов.

[1] См.: Самойлик Н. А. Указ. соч.

3. Изучить психологические проявления деструктивного социального поведения криминогенной личности в межличностном взаимодействии. Решение этой задачи будет способствовать определению специфических особенностей деструктивности, свойственных криминогенным лицам с разным уровнем криминализации и риском проявления насилия по отношению к лицам, составляющим социальное окружение.

Результаты позволяют углубить и систематизировать теоретические знания юридической, возрастной и педагогической психологии о докриминальных формах антиобщественного поведения; развить теоретические представления о генезе и динамике криминогенности личности, сместив акцент с анализа преступления на анализ предшествующего и сопутствующего ему образа взаимоотношений и стиля жизни; создать основу для дальнейших эмпирических исследований, в т. ч. лонгитюдных, изучающих траектории жизнедеятельности криминогенных лиц от право-послушного поведения к криминальному, а затем, через ресоциализацию и реинтеграцию в общество, вновь к правопослушному поведению.

С практической точки зрения результаты могут быть использованы для оценки риска проявления деструктивности в межличностном взаимодействии, как составной части успешности ресоциализации лиц, осужденных условно или готовящихся к освобождению[1]. Для сотрудников правоохранительных органов материалы монографии будут полезны для расширения представлений о целях и направлениях профилактики правонарушений, раннего выявления лиц и групп с высоким криминогенным потенциалом в молодежной среде, что повысит степень целенаправленности индивидуальной и групповой работы с различными категориями населения.

Специалисты, работающие с девиантным и деструктивным поведением несовершеннолетних, осуществляющие мероприятия превентивно-профилактического, коррекционного воздействия могут

[1] См.: Самойлик Н. А. Деструктивное поведение в исправительных учреждениях: реалии времени / Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : сборник научных статей по материалам XXIV Всероссийской научно-практической конференции, г. Новокузнецк, 16–17 октября 2024 г. / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН, 2024. С. 164–166.

расширить собственные представления о задачах, методах и формах коррекционного воздействия.

Представленное в монографии исследование направлено на получение нового знания о деструктивном поведении специфического субъекта — криминогенной личности. Возможности его применения не ограничены фундаментальными исследованиями деструктивности личности, а ориентированы на повышение эффективности предупреждения и профилактики антисоциальных явлений, укрепление социального здоровья общества в контексте психологического сопровождения развивающейся личности, деятельности психологов образовательных организаций.

ГЛАВА 1
ДЕСТРУКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1.1. Феномен деструктивного поведения в научных исследованиях

Феноменология деструктивности на протяжении многих лет является одной из актуальных в научных исследованиях. Причем не только гуманитарные науки активно занимаются изучением данного феномена, но и естественные и технические. Несмотря на это, единое представление о рассматриваемой категории в науке до настоящего времени не сформировалось. Трудности с категоризацией понятия обусловлены, с одной стороны, многогранностью и непредсказуемостью деструктивного поведения, а с другой, спецификой мотивов и способов его реализации в поведенческом и деятельностном аспектах. В связи с чем, Е. В. Сатыбалова отмечает, что «феномен человеческой деструктивности парадоксален и фиксирует неустранимое противоречие человечности и деструктивности в едином человеческом мироотношении»[1]. Вместе с тем попытки дифференцировать деструктивное поведение как самостоятельную категорию предпринимались неоднократно.

Традиции анализа деструктивного поведения уходят корнями в философские учения периода Античности. Так, Платон в трактате «Государство» предлагает свое представление о душе, отмечая, что она состоит из трех частей[2]. Первая часть «рациональная» или «логос» отвечает за разум и мышление. Вторая часть «эмоциональная» или «тимос» определяет эмоционально-чувственную сферу личности. Третья часть «вожделеющая» или «эпитимиа» выражает желания и инстинкты. Проявление деструктивного поведения между частями души

[1] Сатыбалова Е. В. Метаморфозы человека в мире: между негативностью и позитивностью. Опыт анализа человеческой деструктивности : монография. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. С. 7.

[2] См.: Титаренко И. Н. Философские идеи античности в контексте современности: о сакральном и человеческом : монография. Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2012. 137 с.

удачно показаны философом в диалоге «Федр», используя образ колесницы с возничим. Борьба между благородным белым конем («тимос») и непокорным черным конем («эпитимиа») демонстрируют постоянную борьбу, которая негативно отражается на возничем («логос»). В случае доминирования одной из частей над другими возникает дисбаланс, неизбежно приводящий к разрушительным действиям, как внутриличностного, так и внешнего личностного плана.

Несмотря на то, что философские воззрения Демокрита также напрямую не качались вопросов деструктивного поведения, однако он много размышлял о сущности и месте человека в мире. По его мнению, большое значение в процессе жизнедеятельности играют ценности, а именно ценности справедливости, честности и истины. Стремление человека к индивидуальным и социальным значимым категориям определяет и его поведенческие модели. В данном случае философ говорит следующее: «Не из страха, но из чувства долга должно воздерживаться от дурных поступков»[1]. Отсутствие страха позволяет человеку достичь безмятежного и счастливого состояния, которое автор назвал «эфтюмия». Нарушение же такого состояния приводит к потребности реализации деструктивного поведения, механизм формирования которого заключается в следующем: «У людей зло вырастает из добра, когда не умеют управлять и надлежащим образом пользоваться добром»[2]. Развивая далее свои идеи, автор констатирует, что «прекрасное постигается путем изучения и ценой больших усилий, дурное усваивается само собой, без труда»[3]. Таким образом, представления Демокрита о содержании деструктивного поведения отражают детерминистский характер его учения, где во главу угла ставятся потребности, эмоциональные переживания и воспитание личности.

Опосредованно рассматривает деструктивное поведение и Аристотель. В труде «Никомахова этика» он изучает природу добродетели и пороков, выделяя в структуре последних страсти и аффекты, которые приводят к личностному или социальному деструктивному

[1] Виц Б. Б. Демокрит. Москва : Мысль, 1979. С. 46.
[2] Там же. С. 59.
[3] Там же. С. 61.

поведению[1]. Безусловно, категория «деструктивности» в античной философии еще не была четко обозначена, однако Аристотель предлагает детальное описание психических состояний человека, приводящих к разрушительным последствиям. В качестве примера следует привести такие состояния, как «акрасия», выраженное в непостоянстве и отсутствии личностной саморегуляции, и «оргэй», проявляющееся в склонности к гневу и преобладании неконтролируемых эмоций. Кроме данных состояний автором названы и другие, а именно «филархи» (алчность), «менись» (негодование), «филасбия» (зависть), «бравасбиа» (тщестлавие). Переживание человеком данных состояний, по мнению философа, приводит к реализации деструктивного поведения, направленного как на себя, так и на социальное благо.

Продолжая проблематику влияния негативных эмоций на человека как условия формирования деструктивного поведения, Сенека в работе «О гневе» отмечал, что гнев выступает одной из наиболее опасных разрушительных эмоций, которая лишает человека разума и ведет к насилию и несправедливости. Он предлагает следующее определение: «гнев – это желание наказать того, кто, как нам кажется, нанес нам обиду»[2]. Разрушительная сила гнева проявляется в дезадаптивности личности, и приводит к необдуманным и деструктивным поступкам. Среди других причин, детерминирующих деструктивное поведение, философ также называет потерю контроля над собой, физическое истощение, разрушение межличностных связей, несправедливость действий и невозможность исправления ошибок. По мнению автора, профилактическими мерами разрушительной активности человека являются умеренность, терпимость и самообладание, что отражает качества добродетельной личности, которая является образцовым гражданином Античного общества.

Таким образом, в работах Платона, Демокрита, Аристотеля, Сенеки наблюдаются попытки формирования подхода к формированию связи между деструктивным поведением человека и конкретными социально-историческими условиями. В частности, проявление

---

[1] См.: Светлов Р. В., Алымова Е. В., Варламова М. Н., Лощевский К. В. История античной философии : учебное пособие для вузов / под общ. ред. Р. В. Светлова. Москва : Юрайт, 2024. 288 с.

[2] Сенека Л. О гневе // Философские трактаты. Москва : Алетейя, 2001. С. 103.

деструктивного поведения чаще всего находится в прямой зависимости от справедливости государственного устройства. По мнению Е. В. Сатыбаловой, в период античности «проблема человеческой деструктивности практически не осознавалась, а следовательно, и не ставилась»[1]. Очевидно, что рассмотрение вопросов деструктивного поведения в этот исторический период отражало потребность общества в профилактике негативного формирования личности, чьи принципы существенно отклонялись от принятых культурных форм социальной жизни.

Вопросы деструктивного поведения в средневековой науке отождествлялись с негативными аспектами человеческого поведения как результатом божественного предначертания или одержимости злыми духами. Одним из наиболее влиятельных католических богословов и философов XIII века был Фома Аквинский. В своей работе «Сумма теологии» он подробно анализирует природу греха и отрицательных качеств характера людей, совершающих преступления. Потребность в разрушительных действиях у них связана с проявлением индивидуальных недостатков характера, которые обусловлены нарушением естественного порядка добродетели и справедливости и предпочтением пути порока. К недостаткам характера философ относит: наследование последствий первородного греха, влияние семиглавых грехов, разрыв между рациональностью и желаниями, отсутствие развитых добродетелей, использование свободной воли для неправильных выборов. Все эти категории создают целостную картину, позволяющую оценить степень деструктивности личности[2].

В рамках нашего исследования особой интерес представляет концепция «акцидентального зла» Ф. Аквинского. Определяя данный тип зла, как лишенный божественного начала, философ утверждает его вторичный и несамостоятельный характер. Разрушительная сила зла всегда имеет причину и цель. В данном контексте философ отмечает, что «зло есть простая лишенность в порядке расположения средств, направленных на достижение определенной цели»[3]. В связи с этом, автор выделяет два вида зла, служащие причиной деструктивного

[1] Сатыбалова Е. В. Указ. соч. С. 9.
[2] См.: Аквинский Ф. Сумма теологии. Москва: АСТ, 2019. 320 с.
[3] Там же. С. 209.

поведения. Первый вид — физическое зло, возникающее вследствие несовершенства мира и, как правило, проявляющееся в страданиях, болезнях и смерти. Второй вид — моральное зло, отражающее неверный и иллюзорный личностный выбор. Зачастую наблюдать данный вид зла можно в грехах и девиантных поступках человека. Представления Ф. Аквинского о деструктивном поведении носят универсальный характер и противопоставляется любви и милосердию, демонстрирующие тесную взаимосвязь человека и Бога.

Продолжает тему греховности как ведущего фактора формирования деструктивного поведения Августин Блаженный. Его идеи о первородном грехе на несколько десятков лет определили направления размышлений философов о природе и условиях возникновения разрушительной активности человека. В работе «Исповедь» он размышляет о грехе Адама, который имеет деструктивное начало не только для него самого, но и для его потомков. Причину совершения первородного греха философ видел в невозможности противостоять чувственной природе человека, а значит, деструктивное поведение является врожденным и присущим всем людям без исключения[1]. Грех разрушает нравственную природу человека и заставляет его совершать деструктивные действия.

Идея антропоцентризма в рамках средневековой теологии позволило Августину наметить пути спасения человеческой души. Одним из таких путей философ обозначил необходимость выполнения предписании творца и ориентация на помыслы и действия к Богу. Второй путь спасения заключается в развитии волевых качеств, которые должны находиться в плоскости изначальной, божественной природы. В работе «О свободе воли» он пишет следующее: «Если, в самом деле, человек есть некое благо и не может поступать правильно, если не захочет, он должен обладать свободной волей, без которой не может поступать правильно»[2]. Выбор пути является достаточно сложным для личности и зачастую приводит ее в тупик. Одним из наиболее распространенных выходов из такой сложной ситуации, с точки зрения автора, является совершение противообщественных поступков. При этом, как утверждает

[1] См.: Августин А. Исповедь. Москва : АСТ, 2024. 384 с.
[2] Августин А. О свободе воли. Москва : Директ-Медиа, 2009. С. 9.

Августин, сознательно мотивированный на разрушительную активность человек, не становится таковым сразу, а проходит долгий путь морально-нравственной трансформации. Деформация проявляется в утрате способности к состраданию, гуманности, размывании границ доброго и прекрасного в окружающем мире.

В период Возрождения ученые-философы активно разрабатывают вопросы человеческой деструктивности через призму социальной обусловленности преступного поведения. Одним из наиболее ярких представителей данной исторической эпохи является Т. Мор. В «Утопии» он усматривает причину деструктивности в неподходящем устройстве социума, результатом чего становится появление в обществе таких негативных явлений, как неравенство, жадность и коррупция. Идеализируя утопическое государство, философ косвенно противопоставляет его несовершенству существующих общественных структур и искаженных традиций и ценностей. В своем произведении от утверждает, что «действительно, простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову, а с другой стороны, ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание»[1]. В связи с тем, что поведение человека, по мнению автора, социально обусловлено, то деструктивность выступает неотъемлемой частью личности[2].

В ином контексте трактует деструктивное поведение Т. Гоббс в работе «Левиафан». Он утверждает, что наиболее естественным состоянием человечества является «война всех против всех». Наиболее характерными признаками такого состояния выступают страх, конкуренция и желание славы и признательности. Пытаясь выжить в подобных условиях, люди следуют принципу эгоизма и инстинкту самосохранения, что приводит к разрушительным действиям. Для предотвращения деструктивности личности и в социальной среде, с точки зрения философа, требуется централизованная власть, способная прогнозировать и контролировать проявления разрушительных тенденций[3].

---

[1] Мор Т. Утопия / [пер. с лат. А. Малеина]. Москва : Э, 2018. С. 19.

[2] Мор Т. Указ. соч. С. 19.

[3] См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Н. Гутермана // Сочинения. Москва : Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–545.

Выдающийся теоретик эпохи Возрождения Н. Макиавелли в работе «Государь» также не оставил без внимания вопросы деструктивного поведения, хотя целенаправленно их не затрагивал. Разрабатывая проблемы радикальных форм социального протеста, автор выделяет наиболее характерные признаки разрушительной активности личности, а именно обман и лицемерие, жесткость и жестокость, недоверие и страх. Во многом данные категории присущи представителям государственной власти, однако некоторые отдельные черты могут встречаться и у людей. Один из постулатов Макиавелли гласит: «Человек изначально обладает злой природой», доказывая таким образом врожденный характер деструктивности[1]. Между тем, автор констатирует, что разрушительное и манипулятивное поведение правителей отражается и на простых людях, формируя у них латентную потребность в протестных действиях, являющихся активной формой деструктивного поведения[2].

Эпоха Просвещения принесла новые философские идеи, касающиеся в т. ч., условий и особенностей формирования деструктивного поведения человека. Большое значении в осмыслении проблематики деструктивности имели работы, традиционно посвященные изучению влияния социума на разрушительное поведение человека, а также причин преступного поведения, что стало новым исследовательским направлением.

Выдающийся французский мыслитель Ш. Монтескье видел причины появления деструктивного поведения в деспотизме государственного строя. В трактате «О духе законов» он пишет, что деспотизм возникает в ситуации отсутствия устойчивых социальных институтов и культуры уважения к законам государства[3]. Лидирующим принципом деспотизма является страх, основанный на слабости человека. Преодолеть эту слабость возможно путем объединения людей в группы, но в таком случае их сознание становится коллективным, и провоцирует между людьми и между народами войны, несущие мощное деструктивное начало. Противостоять разрушительной силе масс способны законы, которые настолько многочисленны (религиозный, канонический,

[1] Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. Г. Муравьевой. Москва : Эксмо, 2025. С. 39.
[2] Там же.
[3] См.: Монтескье Ш. Л. О духе законов. Москва : Азбука, 2023. 832 с.

естественный, государственный, политический, гражданский и т. д.), что могут контролировать весь процесс жизнедеятельности личности и целенаправленно препятствовать проявлениям различного рода социальных девиаций.

Другой представитель периода Просвещения Ж.-Ж. Руссо рассматривал деструктивное поведение через призму социально-экономических отклонений, а именно возникновение частнособственнических отношений, активное развитие которых и началось на данном историческом этапе. В работе «Рассуждение о начале и основаниях неравенства...» он детально размышляет о природе человека, утверждая, что человек рождается добрым и свободным. Однако, как констатируют А. Я. Иванюшкин и Е. В. Макушкин, такая свобода должна отличаться «благоразумием (социальный контекст) и здравомыслием (психологический контекст)»[1]. Вместе с тем именно социум искажает истинную природу человека, наделяя его отрицательными качествами и провоцируя потребность в реализации преступного поведения. Доказывая свои идеи, философ замечает, что «человек рождается свободным, но всюду он в оковах»[2]. Он ассоциировал преступное поведение с деструктивным, а его возникновение связывал с особенностями взаимодействия с обществом, в котором изначально существуют неравенство и конкуренция.

Не менее значимым условием появления разрушительных тенденций в поведении человека, по мнению Ж.-Ж. Руссо, выступает неправильное воспитание. В труде «Эмиль, или о Воспитании» он перечисляет признаки такого воспитания, отнеся к ним подавление природных склонностей ребенка, воспитание у него тщеславия

и гордыни, недостаточное внимание нравственным основам воспитания, неверное трактование свободы и невозможность объективного понимания ребенком закономерностей мира и природы. Все это неизбежно приводит к нарушению естественного развития ребенка и провоцирует реализацию деструктивного начала в нем[3]. Важной личностной характеристикой, позволяющей противостоять деструктивному поведению, согласно автору, является совесть.

---

[1] Злоказов К. В. Социальное пространство в представлении преступника : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 65.

[2] Рикерт Г. Философия жизни. Киев : Ника-Центр, 1998. С. 102.

[3] См.: Руссо Ж.-Ж. Избранное. Москва : Терра, 1996. 664 с.

Ж.-Ж. Руссо образно описывает ее влияние на человека следующим образом: «Совесть робка, она любит уединение и мир; свет и шум ее пугают: предрассудки, от которых иные ее производят, суть злейшие ее враги; она бежит или умолкает перед ними; их шумные голоса заглушают ее голос и мешают его понимать; фанатизм осмеливается подделываться под нее и ее именем подсказывает преступления. Она делается упрямой, наконец, если ее часто выпроваживают; ничего уже не говорит нам, не дает уже ответов, и, после столь продолжительного презрения к ней, ее столь же трудно призвать обратно, сколь трудно было изгнать» [1]. В своих философских трактатах автор убедительно показывает, что личность и ее пороки формируются в семье и социальном окружении.

Подводя промежуточный итог, согласимся с мнением С. С. Богдана, утверждающего, что «мыслители эпохи Просвещения видели причины деструктивного поведения в социальной неустроенности общества и в плохом воспитании граждан и предлагали законодателям смягчить репрессии и уделять больше внимания предупредительным мерам»[2]. При этом исследователи данного исторического периода внесли значимый вклад в формирование представлений о социальной природе человеческой деструкции.

Идеи западных ученых периода Просвещения проникли и в Россию. Так, Екатерина II знаменитом труде «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» указывала на необходимость и важность воспитания добродетельных граждан, которые обязаны соблюдать законы и поддерживать социальный порядок. Среди отличительных качеств данных граждан названы: соблюдение закона, патриотизм, нравственность, образование и трудолюбие. Отсутствие их приводит к нарушению дисциплины, искажению морали и неуважению к закону, что в целом и характеризует разрушительное начало. Вместе с тем следует подчеркнуть, что целенаправленно Екатерина II не занималась вопросами деструктивного поведения личности, но уделяла большое внимание анализу разрушительных факторов угрозы государственному строю. К числу таковых она относит коррупцию и злоупотребление

[1] См.: Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 226.

[2] Богдан С. С. Указ. соч. С. 312.

властью, которые дестабилизируют общественный строй и негативно влияют на поданных. Екатерина II обозначает и меры противодействия деструктивному влиянию, констатируя, что «законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе и без которых бы общество разрушилось»[1]

Одним из первых русских философов XVIII века, который обратил внимание на проблему деструктивного поведения, является М. В. Ломоносов. Несмотря на то, что понятие «деструктивное поведение» содержательно не было определено в это время, его идеи напрямую касались вопросов воспитания и его взаимосвязи с социальными условиями жизни людей. Понимая воспитание в широком контексте, основную его задачу философ видел в формировании патриотичной личности, которой присущи нравственность, любовь к науке и знаниям, трудолюбие и бескорыстное служение на благо Родины. Только такая гармоничная личность способна противостоять внутреннему и внешнему негативному разрушительному воздействию. В произведении «О воспитании и обучении юношества» автор теоретически обосновал тесную корреляцию между неправильным воспитанием и формированием деструктивного поведения, выраженного в неспособности адаптироваться к условиям социальной среды, повышенном уровне конфликтности и антисоциальном поведении в целом[2].

Вопросы аморального и разрушительного поведения отдельных индивидов интересовали и русского просветителя XVIII века Н. И. Новикова. Причину деструктивного поведения он рассматривал в отклонении от моральных и нравственных принципов общественного порядка. Конкретизируя свои размышления, отмечал, что развитие разрушительной мотивации обусловлено недостатками воспитания и образования. Так, например, он утверждал, что отсутствие в семье добра, справедливости и чести приводит к формированию у ребенка таких черт характера, как эгоизм, жестокость, равнодушие к окружающим людям. Вместе с тем, Н. И. Новиков указывал на роль родителей в формировании

---

[1] Наказ Екатерины II комиссии о составлении проекта нового уложения (1767 г.) // Совет законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации : [сайт]. URL: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/1scPZNBbgt.pdf?ysclid=mhfxwp6pul681842385 (дата обращения: 01.03.2026).

[2] См.: Ломоносов М. В. Антология гуманной педагогики / сост. С. Ф. Егоров. Москва : Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1995. 224 с.

личности ребенка, констатируя, что «родители должны быть детям почтеннее всех других особ, которых сии имеют случай видеть; ибо совершенная зависимость от родителей, чувствуемая ежедневно детьми, весьма натурально сама собою приводит их к сей должности, хотя бы родители не употребляли никакого к тому посредства, никакого наставления и увещания»[1]. Как и М. В. Ломоносов, он считал обучение и воспитание ведущими способами преодоления негативных черт поведения личности. Это позволило ему обосновать необходимость изучения культурного наследия для профилактики деструктивного поведения подрастающего поколения.

Наступление XIX века ознаменовало кардинальные изменение во всех сферах жизни. В политике, экономике, обществе и культуре наблюдается актуализация национального самосознания и идей Просвещения, а также научно-технический прогресс. Развитие естествознания и технических наук привело к открытиям, которые способствовали пересмотру традиционного уклада жизни людей. Так, например, в 1839 году сформулирована клеточная теория организма Т. Шванна, в 1859 году публикована работа Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», в 1868 году австрийский генетик И. Мендель открыл теорию закономерности наследственных признаков, в 1869 году Д. И. Менделеевым составлена периодическая система химических элементов, в 1895 году В. Рентгеном обнародованы рентгеновские лучи. Безусловно, представленный перечень научных достижений XIX века далеко не исчерпывающий, однако он позволяет предположить масштаб «золотого века» научных открытий.

Происходящие научно-технические изменения не обошли стороной и изучение феномена деструктивного поведения, проявление которого зачастую можно увидеть в эпоху глобальных изменений. Одним из первых научных направлений, откликнувшимся на динамичные вызовы времени, стала медицина. Появление психиатрии, как научного направления, обусловило формирование представлений о разрушительной силе, живущей в человеке и детерминирующей ее поведение и деятельность в кризисных и экстремальных ситуациях. Изучение психических отклонений сопровождалось тщательным описанием

[1] Новиков Н. И. Избранное. Москва : Правда, 1983. С. 352.

поведенческих характеристик личности, что и послужило дальнейшей основой рассмотрения деструктивности как медико-психологического явления.

Первым, кто обратил внимание на психические отклонения, сопровождающиеся деструктивными признаками, стал Ф. Пинель. Он считал подобное поведение следствием психического заболевания, течение которого не прогнозируемо и представляет «расстройство воли, неконтролируемую власть инстинктов»[1]. В то же время психиатр указывал на первопричину такого поведения, заключающуюся в моральных потрясениях, а такие физические потрясения, как повреждения центральной нервной системы, являются вторичными. Прежде всего, нравственный дефицит обозначался автором в качестве ключевого нарушения, детерминирующий особый путь возникновения деструктивного поведения. Согласно его научному подходу, кроме психологических факторов, оказывающих негативное влияние на деструктивное поведения, следует учитывать и социальные, к которым он относил изоляцию и неблагоприятные условия жизни человека. Одним из новаторских методов лечения душевнобольных в его практике стал отказ от использования «камзола» (смирительной рубашки). Такой шаг позволял показать не только гуманное отношение к пациенту, но и оказать положительное воздействие на специфическую категорию лиц с психическими отклонениями. Отмечая отрицательные факторы психопатологической предрасположенности к деструкциям, он указывал на наиболее эффективное средство профилактики, а именно трудотерапию, которая должна иметь замещающий характер. Идеи, предложенные Ф. Пинелем, на длительное время заложили медицинскую традицию изучения поведенческой деструктивности в плоскости «психическое здоровье — нездоровье».

Продолжая развивать идеи своего учителя Ф. Пинеля, Ж. Э. Д. Эскироль вводит понятие «сумасбродного поведения», или «нарушения нравственности», представляющего синдром, первоначально выявленный у лиц, совершивших преступления[2]. Лидирующими проявлениями такого

---

[1] Пинель Ф. Врачебно-философическое начертание душевных болезней, сочиненное Ф. Пинелем / перев. с фр. Москва : Типография И. Решетникова, 1829. С. 163.

[2] См.: Ковалев Ю. В. Расстройства личности и характера. Ижевск : Ижевская государственная медицинская академия, 2021. 108 с.

поведения выступают пьянство, поджигательство, нанесение увечий животным или людям разрушение имущества и т. д. Основными характеристиками разрушительного поведения, согласно ученому, выступают фиксированность на конкретном объекте или ситуации, к которым человек испытывает особую страсть или одержимость, импульсивность поведения или отдельных действий, отсутствие навыков самоконтроля, сложность определения провоцирующего фактора.

Проявляя научный интерес к феноменологии психических отклонений с признаками деструктивности, Ж. Э. Д. Эскироль обосновывает группы факторов, детерминирующих формирование данного типа поведения. Он выделяет группу органических факторов, к которым относит повреждения головного мозга, наследственность и физические заболевания и группу психологических факторов, отражающих психоэмоциональные травмы, подавленные эмоции и внутренние конфликты личности[1]. Для преодоления мотивации разрушительного поведения человека психиатр предлагал систематически осуществлять социальную поддержку и реабилитацию лиц, по разным причинам склонных психическим отклонениям с выраженными признаками деструкции.

Немецкий психиатр Э. Крепелин выделил и доказал ряд поведенческих проявлений у лиц, имеющих психотические (пограничные) расстройства, которые можно интерпретировать как проявления деструктивного поведения. Он утверждал, что некоторые формы психоза могут сопровождаться социальной дезадаптацией, выраженной в агрессивности, импульсивности и разрушительной активности человека. Зачастую это проявляется в форме аутоагрессии и агрессии, направленной на других. Немаловажной причиной поведенческих деструкций, согласно точке зрения исследователя, является и связь между повышенным уровнем эмоциональности и интеллектуальным дефицитом. В данном случае деструктивное поведение детерминировано значительным снижением способности самоконтроля и индивидуальной рефлексии. У таких людей можно наблюдать несдержанность или невозможность контроля эмоции, но при этом присутствует адекватность ситуативной реакции. В то же время, как отмечает психиатр, содержание

[1] См.: Каннабих Ю. В. История психиатрии. Москва : Юрайт, 2025. 384 с.

деструктивного поведения имеет существенные различия в зависимости от типа психического заболевания. Например, «пациенты с маниакально-депрессивным психозом могут проявлять агрессию преимущественно в периоды возбуждения, тогда как больные шизофренией проявляют разрушение себя и окружающей среды вследствие нарушений восприятия реальности и утраты чувства меры»[1].

Одним из значимых достижений Э. Крепелина в исследовании деструктивного поведения является определение его ключевого признака, а именно отсутствие у человека способности к прогнозированию последствий реализуемых действий и поступков. Ограниченное проявление данной способности, по мнению ученого, связано не только с психологическими факторами (расстройство памяти, неспособность к критическому мышлению), но в большей степени с социальными (дезадаптация и дезориентация, одиночество и изоляция)[2]. Таким образом, психиатр не отрицал факт формирования деструктивного поведения под влиянием социокультурной среды.

Кроме медицины к вопросам деструктивного поведения в XIX веке обратились и антропологи, которые трактовали данный вид поведения в широком контексте. Анализируя проблемы происхождения человека и человечества в целом, эволюции видов и культурных различиях народов мира, исследователи отождествляли деструктивность с такими категориями, как «дикость», «варварство», «агрессивность».

Обосновывая переход от примитивных форм существования, к цивилизации, Л. Г. Морган представил теорию стадиальности социального развития. Он считал, что на более ранних стадиях дикости и варварства для человека было характерно и необходимо деструктивное поведение, которое во многом определяло его способность к выживанию. В иных ситуациях уровень разрушительной активности первобытного человека был снижен вследствие общинного равенства. Однако оно претерпевало существенные изменения на стадии цивилизации, уступая место культурному и техническому прогрессу, в условиях которых происходит значительное расслоение общества. Уже на стадии варварства появляется иерархическая социальная структура,

---

[1] Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику. Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2004. С. 72.

[2] Крепелин Э. Указ. соч. С. 72.

детерминирующая формирование устойчивых моделей деструктивного поведения человека. Вместе с тем наличие остаточных явлений проявления разрушительной мотивации людей в цивилизованном обществе приводит к дестабилизации социума и замедлению технического прогресса[1].

В подобном контексте размышляет о феномене деструктивного поведения Э. Б. Тейлор, называя его «культурным пережитком». Переход от одной стадии к другой сопровождается перемещением особых поведенческих проявлений, которые «были перенесены из одной стадии культуры, являясь ее естественной частью, в другую стадию и остаются живым свидетельством или памятником прошлого»[2]. Вместе с тем, по мнению ученого, именно культура играет ведущую роль в формировании норм и ценностей, которые детерминируют поведение человека. Нормы и ценности образуют мощный культурный пласт и предполагают прогрессивное развитие. Вместе с тем конфликт между желаниями личности и принятыми в социуме нормами выступает одной из лидирующих причин разрушительной мотивации личности.

В связи с развитием социологии и криминологии, начиная с середины XIX века, различные проявления человеческой деструктивности стали изучаться в рамках девиантного поведения в контексте социальных процессов и норм, утвержденных внутри конкретного общества. По мнению С. С. Богдана такой подход обусловлен тем, что «девиантное поведение в целом приводит к разрушению чего-либо (здоровья, отношений, личности, общественного порядка) и даже – к прерыванию самой жизни»[3]. В этот период деструктивность отождествляется с девиантностью, а девиантность — с преступностью. Традиция такого восприятия деструктивного поведения надолго укоренилась в научной мысли и определяла познавательную активность исследователей. Особенностью данных исследований стало не только теоретическое обоснование

---

[1] См.: Камалетдинова А. Я. Становление стадиального подхода в теории «цивилизации» от Л. Г. Моргана до Ф. Энгельса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 68–78.

[2] Вершинин С. Е., Борисова Г. А. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ). Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2009. С. 11.

[3] Богдан С. С. Указ. соч. С. 313.

разрушительной активности личности, но и экспериментального объяснения данного феномена.

В рамках научного направления антропологического детерминизма занимался изучением деструктивности Ч. Ломброзо. В работе «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» он выдвинул и обосновал теорию «прирожденного преступника», доказывая биологических характер деструктивности. Обладая первобытными чертами лица (скошенный лоб, высокие скулы, крупные челюсти и др.), для такого человека характерны и общие психологические признаки разрушительной активности, а именно агрессивность, мстительность, эгоизм, жестокость. Данные преступники не способны на раскаяние, не мучаются угрызениями совести, у них отсутствует понимание ответственности. Он утверждал, что «многие преступники страдают психическими расстройствами, такими как импульсивность и отсутствие эмпатии»[1].

Длительная профессиональная деятельность в должности тюремного врача позволила Ч. Ломброзо разработать типологию преступных личностей с разным уровнем деструктивной мотивации. Так, он выделил прирожденных преступников, душевнобольных преступников, преступников «по страсти», случайных преступников и привычных преступников. Независимо от типа преступного поведения они склонны к разрушительным действиям, направленным, как против людей, так и против общества в целом. В данном контексте психиатр приходит к выводу о том, что «неспособные противостоять своим постоянно меняющимся капризам, будучи до известной степени инертными и в то же время импульсивными, преступники находятся в вечной войне с тем обществом, которое не соответствует их наклонностям»[2]. Однако особым опасным видом деструктивного поведения, наиболее часто встречающемся в обществе, по его мнению, является алкоголизм, «стирающий все грани разумного поведения ввиду своей деструктивности и самодеструктивности»[3]. Таким образом, Ч. Ломброзо заложил основы изучения деструктивности личности через призму биологических

[1] Ломброзо Ч. Человек преступный. Москва : Алгоритм, 2016.С. 21.
[2] Там же. С. 136.
[3] Там же. С. 166.

факторов, но не исключая социального аспекта, он приходит к выводу о биосоциальной природе изучаемого феномена.

Проблема деструктивного поведения в отечественной научной мысли представлена в работах физиолога и психиатра В. М. Бехтерева. Основной акцент в его профессиональной деятельности был сделан на изучение неврологии и психопатологии человека, однако некоторые его работы непосредственно касались девиантного и деструктивного поведения индивидов и отдельных групп. Он вводит понятие «собирательная личность», под которой понимается «всякая вообще толпа, общественное собрание, заседание советов, театральная публика и т. п., иначе говоря, все виды собраний, объединенных тем или другим настроением, той или другой целью или действием и т. п., безразлично, будет ли все это объединяться каким-либо случайным событием, предписаны ли цель или действие уставом или установлены обычаем или каким-либо иным образом»[1]. Биологическая основа более выражена у собирательной личности в связи с тем, что у нее превалирует инстинкт коллективного самосохранения. Именно коллективное самосохранение обусловило, по мнению В. М. Бехтерева, формирование социальной структуры поведения. Он замечает, что «поведение личности подчинено законам общественности. Каждая личность является до известной степени рабом обычая и формы, выработанных обществом»[2]. Вместе в тем, коллективное поведение определяет и некоторые деструктивные формы активности, к которым следует отнести негативизм, ненависть, насилие и эгоизм. Эти и другие личностные черты (например, импульсивность и агрессивность) могут способствовать формированию патологических поведенческих особенностей, результатом которых является деструктивное поведение. Согласно авторской позиции Н. В. Нятиной и Е. В. Головацкого, данный подход позволил В. М. Бехтереву детально объяснить «психологические особенности личности, способность реагировать на нестандартные ситуации, проявление эгоистических/альтруистических стремлений, а также внешние стимулы, которые влияют на проявление деструктивных действий»[3].

---

[1] Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. Москва : Наука, 1994. С. 87.

[2] Там же. С. 69–70.

[3] Нятина Н. В., Головацкий Е. В. Социально-политические основания деструктивного поведения: особенности формирования подходов российской социологической исследовательской перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 87.

Одним из факторов деструктивных действий является особая форма психического расстройства, при которой наблюдаются глубокие нарушения морально-нравственной сферы личности, неспособность переживать раскаяние и вину за содеянное и отсутствие чувства индивидуальной и социальной ответственности. Другими показателями данного состояния выступают аморальное поведение, безразличие, деформация социального взаимодействия, паразитарный образ жизни, нарциссизм и психическая нестабильность. Такое состояние В. М. Бехтерев назвал «нравственным помешательством»[1]. Оно возникает в результате «недостатка воспитания и испорченности, идущей с раннего возраста»[2]. Искажение морально-нравственных представлений личности сопровождается искажением, а в некоторых случаях, и серьезными необратимыми нарушениями эмоциональной и интеллектуальной сфер. При этом подобная морально-нравственная деформация имеет и физиологические основания, выраженные в нарушении работы мозга и нервной системы в целом.

В начале XX века проблемы деструктивного поведения личности стали активно рассматриваться в рамках формирующихся психологических направлений. Во многих работах представителей западной психологии в центр внимания помещается агрессивное поведение как наиболее распространенный и визуально диагностируемый вид деструктивного поведения. В подобном ракурсе предлагает изучать агрессию С. Н. Ениколопов, понимая под ней: «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям и вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.»[3]. Он дифференцирует понятия «агрессии» и «насилия», понимая под последним «принуждение, осуществляемое всегда через воздействие на психику человека средствами, посягающими на его

[1] См.: Бехтерев В. М. Психопатия и ее отношение к вопросу о вменении. Казань : Университетская типография, 1886. 32 с.

[2] Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека / под ред. А. В. Брушлинского, В. А. Кольцовой. Москва : Институт практической психологии ; 1997. С. 107.

[3] Ениколопов С. Н. Агрессия // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2009. С. 19.

физическое или духовное благополучие»[1]. Терминологическое разделение данных понятий способствовало осмыслению категории деструктивности в контексте агрессивно-насильственного поведения. Вместе с тем, ученый придавал большое значение условиям формирования деструктивного поведения человека. К социальным условиям он относит нестабильность общественно-экономических условий, постоянно ужесточающиеся требования к социальной роли человека, многочисленные стрессы, предпочтение виртуального взаимодействия, а также наглядные и избыточные примеры агрессивного поведения. Психологические условия включают в себя лидирование негативных защитных механизмов личности в нестабильные периоды жизни человека и мотивация на реализацию агрессивных поведенческих паттернов.

Теория социального научения, автором которой был А. Бандура, трактовала поведение человека как триаду взаимно обусловленных поведенческих, когнитивных и средовых факторов[2]. В таком контексте агрессия является моделью общественного поведения, приобретенная в процессе научения. Для формирования агрессивного поведения необходимы два условия: первое — фрустрированная потребность, вторая — наглядный пример агрессивных действий для подражания. Как справедливо замечает исследователь: «человек, наблюдающий за членами бандитских групп, имеет несравнимо больше возможностей изучить и осуществить агрессивное поведение, чем человек, общающийся исключительно с людьми, предпочитающими мирное времяпрепровождение»[3]. Таким образом А. Бандура заключает, что основным механизмом агрессивного поведения является подражание и в качестве доказательства приводит наглядный пример эксперимента с куклой Бобо. Об эффективности данного способа закрепления агрессивного поведения он отмечает следующее: «представление о том, как выстраивается поведение, а в дальнейшем его символическое выражение может служить руководством к действию»[4].

---

[1] Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. Москва : РОССПЭН, 2014. С. 213.

[2] См.: Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург : Евразия, 2000. 320 с.

[3] Там же. С. 41.

[4] Буняева М. В., Ковш Е. М. Агрессия и деструкция в фокусе психоанализа // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. № 13-4. С. 50.

По мнению А. Бандуры, наиболее часто встречаются негативные поведенческие образцы, способствующие формированию и закреплению агрессивного поведения, именно в семье. Он конкретизирует свою точку зрения тем, что «каждый член семьи обеспечивает аверсивное подстрекательство каждого другого и каждый из них периодически получает подкрепление принудительного поведения через подавление других посредством более сильных болезненных противодействий»[1]. В статье Я. В. Силаевой определены следующие семейные факторы риска, способствующие формированию агрессивного поведения детей и подростков: «нарушения психологического здоровья самих родителей, и в первую очередь их повышенная тревожность; неадекватный стиль воспитания ребенка, прежде всего гиперопека или сверхконтроль; нарушения механизмов функционирования семьи, конфликты между родителями или отсутствие одного из родителей»[2]. Безусловно, проблемы семейного воспитания играют значимую роль в процессе формирования деструктивного поведения взрослеющей личности. Однако основное внимание здесь необходимо сосредоточить на депривационных факторах, приводящих к фрустрации.

Представитель фрустрационной теории агрессии Д. Доллард отмечал, что фрустрация детерминирует агрессию, а агрессия является непосредственным и ведущим результатом фрустрации. В рамках данной теории агрессивное поведение представляет ситуативный, а не эволюционный процесс. Согласно точке зрения исследователя, выраженность агрессии будет напрямую зависеть от трех факторов:

«1) степень ожидаемого субъектом удовлетворения от будущего достижения цели;

2) сила препятствия на пути достижения цели;

3) количество последовательных фрустраций»[3].

Позднее Н. Д. Левитов доказал, что «при низкой толерантности и наличии фрустрации психические состояния индивида могут быть различными и зависеть от силы фрустраторов, значимости их

---

[1] См.: Буняева М. В., Ковш Е. М. Указ. соч.

[2] Силаева Я. В. Психологические причины возникновения агрессивного поведения у подростков и условия его коррекции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2009. Вып. 3, ч. II. С. 216.

[3] См.: Буняева М. В., Ковш Е. М. Указ. соч.

действий, привычки к ним»[1]. Таким образом, можно говорить о влиянии фрустраторов на формирование и реализацию деструктивного поведения личности, которая переживает данное состояние и реагирует на него в форме агрессивных действий.

Между тем Д. Доллард констатирует, что человек не всегда реагирует агрессией на фрустрацию. Ограничить или вовсе не реализовывать агрессивное поведение позволяют развитые у личности процессы торможения или замещения. Торможение возникает в ситуации ограничения или сворачивания агрессивных действий вследствие прогнозируемых личностью отрицательных последствий. Замещение отражает стремление человека принимать участие в действиях агрессивной направленности, косвенно причиняя ущерб истинному источнику фрустрации. При этом у агрессора возникает состояние катарсиса, означающее, что «физическое или эмоциональное выражение враждебных тенденций приводит к временному либо длительному облегчению, в результате чего достигается психологическое равновесие и ослабление готовности к агрессии»[2]. Анализируя данную теорию Е. Г. Шестакова констатирует, что «способу воздействия на цель не придавалось большого значения, поскольку разные формы агрессии рассматривались как взаимозаменяемые»[3]. В то же время, результат блокирования или фрустрирования усилий человека, направленных на достижение цели, отождествлялся с деструктивностью.

Принципиальные дополнения в фрустрационную теорию внес Л. Берковиц. Он аргументированно доказал, что фрустрация не обязательно реализуется в агрессивных действиях, но при этом она стимулирует психологическую готовность к ним через эмоциональную реакцию. Агрессивная реакция появляется при соответствующих сигналах, стимулах, ассоциирующихся с настоящими или предшествующими аналогичным ситуациями. Очевидно, что в таком случае сигнал или стимул должен иметь определенное значение для личности. В данном контексте он поясняет, что «стимул продуцирует внутренние связанные

---

[1] Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 118.

[2] Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. Санкт-Петербург : Питер, 2014. С. 121.

[3] Шестакова Е. Г. Фрустрационные теории агрессии (к истории проблемы) // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33.С. 37.

с агрессией реакции, которые усиливают интенсивность порожденных фрустрацией агрессивных побуждений»[1]. Выход из состояния фрустрации с помощью агрессивных действий позволяет сформировать устойчивую деструктивную модель поведения, применение которой в жизни становится обыденным явлением.

Л. Берковиц вводит термин «эмоциональная агрессия», демонстрируя тесную связь между агрессией и эмоциями. Связывающим звеном данных категорий является состояние гнева, которое он определял достаточно емко и категорично: «негативное эмоциональное возбуждение в ответ на фрустрацию»[2]. И далее автор констатирует, что «гневные реакции выражаются как в грубости и словесных оскорблениях, так и в росте количества преступлений, связанных с насилием, и массовых убийств»[3]. Проводя теоретические и эмпирические исследования, Л. Берковиц указывает, что «нет проблем, более злободневных для общества, чем поиск эффективных средств предотвращения и редуцирования деструктивного влияния того множества форм агрессии, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни»[4]. Таким образом, в отличие от теории Д. Долларда, он отказался от постулата о том, что фрустрационное состояние личности порождает деструктивное поведение в виде агрессивных действий. В качестве фактора, провоцирующего подобное поведение, он называет гнев, возникающий вследствие внешней блокировки достижения значимой для человека цели. Немалую роль при этом играют «пусковые раздражители», запускающие разрушительные процессы. Примерами таких раздражителей автор называет «оружие, нож, камень…», визуально воспринимаемые человеком во время агрессивных поступков как средства реализации данного вида поведения.

В работе К. Лоренца показано, что стержнем деструктивного поведения является агрессивность, «которая обусловлена биологическими и врожденными факторами, не подлежит контролю и способствует

---

[1] Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. Москва : Олма-пресс, 2002.С. 18.

[2] Там же. С. 43.

[3] Там же. С. 46.

[4] Там же. С. 97.

выживанию человека»[1]. Понимание агрессии как исторически обусловленной, генетически закрепленной на инстинктивном уровне программе, приводит автора к мысли о необходимости реализации данного поведения для сохранения видов животных и человека. Автор дифференцирует агрессию на межвидовую и внутривидовую. Межвидовая агрессия важная для сохранения вида, внутривидовая необходима для существования вида, но она более опасна, т. к. зачастую приводит к серьезным конфликтам на мировом уровне. Доказывая свою мысль К. Лоренц замечает, что «когда человек задает себе кантовский категорический вопрос: «Могу ли я возвысить принцип моего поведения до уровня естественного закона, или при этом возникло бы нечто противоречащее разуму?» — то все формы поведения, в т. ч. и чисто инстинктивные, оказываются вполне разумными, если они выполняют видосохраняющие функции»[2]. Однако он убедительно говорит о том, что инстинктивное поведение, служащее у животных сохранению вида, у человека «переходит в гротесковую и нелепую форму» и «выбивает его из колеи»[3]. Анализируя работу К. Лоренца, Ю. М. Антонян замечает, что «пагубная агрессивность, которое сегодня как злое наследство сидит в крови у нас, у людей, — это результат внутривидового отбора, влиявшего на наших предков десятки тысяч лет на протяжении всего палеолита»[4]. Между тем, К. Лоренц полагал, что уровень агрессивности можно уменьшить посредством определенных состояний (например, любовь и дружба), а также традиций, ритуалов и культуры общества.

Одним из важных выводов К. Лоренца является то, что агрессия выступает естественным механизмом улучшения генетического фонда человечества в целом. По мнению исследователя, оставить потомство сумеют только наиболее сильные и энергичные представители общества. Кроме того, на примере жизни животных он доказывает, что в борьбе за выживание и самоутверждение победит сильнейший[5].

---

[1] Лоренц К. Так называемое зло. К естественной теории агрессии. Москва : АСТ, 2016. С. 177.

[2] Там же. С. 180.

[3] Там же. С. 183.

[4] Антонян Ю. М. Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 25.

[5] См.: Лоренц К. Указ. соч.

Представление о том, что агрессия берет начало из врожденных форм инстинктивного поведения, наиболее целостно было представлено в теории З. Фрейда. Основатель психоанализа разработал целостную концепцию деструктивного поведения, в центр которой поместил человеческую агрессию, основанную на борьбе двух врожденных видов влечений: Танатоса — «влечение к смерти и разрушению» и Эроса — «влечения к любви и жизни». Как заключает Ю. Р Вагин: «Фрейд на самом деле долго исключал агрессивность и деструктивность из сферы своих интересов, рассматривая их как вторичные феномены в паре сексуального инстинкта и инстинкта самосохранения»[1]. Инстинкт смерти проявляется в агрессии и насилии, суицидальном поведении, злоупотреблении алкоголем или наркотическими препаратами. Реализацию инстинкта жизни можно наблюдать при осуществлении творческой деятельности, любви и привязанности, удовлетворении потребности в комфортном состоянии, а также личностной самореализации. По мнению М. В. Буняевой и Е. М. Ковш, «существование этих двух сил в отдельности обнаружить весьма сложно, каждое из влечений дополняет другое, сопровождая человеческую жизнь на всех уровнях: от удовлетворения биологических потребностей до социализации»[2].

В работе «Недовольство культурой» З. Фрейд использовал термин «деструктивность», позволяющее предположить тождественное понимание деструктивности и агрессивности. Доказывая свою идею, он констатирует следующее: «Первоначально деструктивное влечение направлено внутрь, против самой психики, затем оно направляется на внешний мир и выступает как агрессивность»[3]. Далее психолог указывает, что «инстинкт деструктивности направляется на объекты, предоставляя тем самым «Я» способ удовлетворения своих жизненных нужд и господство над природой»[4]. Характеризуя деструктивное поведение как врожденную агрессивную предрасположенность, психолог указывал на то, что конфликт влечений приводит к неизбежному выходу латентной деструктивной энергии вовне. Вместе с тем разрушительная

[1] Вагин Ю. Р. Теория деструктивного влечения Сабины Шпильрейн // Суицидология. 2012. № 1. С. 37.

[2] Буняева М. В., Ковш Е. М. Указ. соч. С. 56.

[3] Фрейд З. Недовольство культурой. Москва : Фолио, 2013. С. 48.

[4] Там же. С. 50.

энергия может быть направлена и на самого человека. В таком случае «осуществляющийся процесс саморазрушения» возвращает человека в «неорганическое состояние», для которого характерен высокий уровень нарциссического наслаждения, базирующийся на который удовлетворении желания власти (господства) над природой[1].

Проявление разрушительного поведения обусловлено такими ситуациями, когда инстинкт смерти является доминирующими и начинает преобладать над инстинктами жизни. Тесную взаимосвязь между Эросом и Танатосом можно наблюдать в процессе самодеструкции личности, а конкретно в двух актах насилия — садизме и мазохизме. Поэтому, как заключает Н. И. Сидоренко, «отсюда сущностной чертой деструкции как насилия над человеком становится удовлетворение инстинкта наслаждения через разрушение»[2]. Вместе с тем З. Фрейд считал, что большинство людей достаточно успешно справляются с подавлением влечения к смерти через использование защитных механизмов личности[3]. Вместе с тем, несмотря на усилия человека по подавлению негативной энергии, в некоторых случаях она выходит наружу, что и приводит к реализации деструктивного поведения.

Следует подчеркнуть, что деструктивность в теории З. Фрейда представляет собой неосознаваемую и инстинктивную потребность, формирующуюся в раннем детстве. Между тем, с точки зрения ученого, наиболее рискованным периодом для формирования тенденций деструктивного поведения, выступает подростковый возраст. Во время пубертатного кризиса происходит активное половое созревание, преобладающее значение в котором имеют сексуальные инстинкты, захватывающие личность подростка и определяющие направленность его поведенческих моделей. Негативным результатом переживания данной стадии может стать незрелость психосексуального развития с выраженными невротическими симптомами и деструктивностью.

Предложенная З. Фрейдом периодизация психосексуального развития ребенка отражает этапность формирования деструктивных качеств, проявление которых предполагает фиксацию или регресс,

---

[1] См.: Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой. Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. 251 с.

[2] Сидоренко И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск : БГУ, 2017. С. 41.

[3] См.: Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения…

характеризующую остановку или торможение развития на определенной стадии. Например, в ситуации острого стресса человек может регрессировать и проявлять деструктивность в виде переедания (оральная стадия), садистической жестокости (анальная стадия), беспорядочные половые связи (фаллическая стадия). В связи с чем З. Фрейд доказывал, что деструктивность свойственна всем людям, однако отличительным признаком выступает только ее направленность и степень проявления.

Идею врожденности деструктивного начала личности продолжает в своих работах К. Г. Юнг. Говоря об архетипах, под которыми понимаются первичные образы и символы, он выделял Тень, отражающую страхи, желания и агрессивные импульсы человека. Автор определял данный архетип следующим образом: «Тень является инстинктивной, проявленной в течение жизни, и входит в структуру деструктивной личности, которая является потенциальным источником зла»[1]. Таким образом, Тень относится к внутренней структуре личности, демонстрируя «опасный аспект непризнанной, темной половины личности»[2]. Доказывая разрушительное начало Тени, он заключает: «Пугающее в том, что человек имеет теневую сторону, которая состоит не просто из маленьких слабостей и изъянов, а из прямо-таки демонической динамики»[3]. Далее К. Г. Юнг предостерегает от негативного влияния теневого архетипа, констатируя, что «соединиться с этой тенью — значит сказать «да» инстинкту и тем самым также сказать «да» той чудовищной динамике, которая маячит на заднем плане жизненной сцены»[4].

Признавая наличие в бессознательной сфере личности вытесненных желаний и импульсов, психолог вводит в научный обиход два вида Тени: личная и коллективная. Личная Тень носит индивидуальный характер и проявляется в тревожных и напряженных ситуациях. При этом, по мнению К. Г. Юнга, личная Тень «демонстрирует ряд положительных качеств, таких как нормальные инстинкты, адекватные реакции, реалистичное восприятие, творческие порывы и т. д.»[5]. В то же

[1] Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. Москва : Когито-Центр, 2013. С. 33.
[2] Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва : АСТ, 2023. С. 114.
[3] Там же. С. 40.
[4] Там же. С. 41.
[5] Там же. С. 209.

время коллективная представляет собой сплав негативных сторон социума, провоцируя такие явления общественной действительности, как войны, массовые убийства и геноцид.

Безусловно, деструктивное поведение у К. Г. Юнга отождествляется с архетипом Тени, но ее роль среди других индивидуальных и коллективных паттернов поведения зависит и от условий внешней среды, а в большей степени социума. Несмотря на то, что Тень уходит своими корнями в коллективное бессознательно, она является продуктом социализации. Именно поэтому, он называл Тень «моральной проблемой, бросающей вызов личностному Эго в целом»[1]. Следовательно, деструктивное поведение в теории К. Г. Юнга связано с архетипом Тени и отражает конструктивную либо деструктивную направленность личности.

Обобщая исследования З. Фрейда и К. Г. Юнга, С. Н. Шпильрейн предложила альтернативное понимание деструктивности, которую она выявила в сексуальном влечении, через призму сексуальных желаний и представлений о смерти, доказав амбивалентность сексуального влечения. Разрушительное поведение личности, выходящее из сексуальности, она описывает следующим образом: «соответственно содержащимся в сексуальном инстинкте разрушающим элементам, более активно настроенный мужчина имеет также и более садистические желания: он хочет разрушить возлюбленную. Женщина, представляющая себя, по преимуществу, как объект любви, хочет быть разрушенной, <…> направленная против себя любовь ведет к самодеструкции, так, например к самоумерщвлению плоти, мученичеству, да и к полному уничтожению собственной сексуальности как при кастрации. Это лишь различные формы и степени самоуничтожения»[2].

В своей статье «Деструкция как причина становления» С. Н. Шпильрейн показывает, что неотъемлемым компонентом сексуального влечения является деструкция, представляющая «разрушение своего индивидуального «Я» ради общего универсального «Мы»[3]. Введенный ей принцип «никакое изменение не может происходить без уничтожения

---

[1] Юнг К. Г. Эон. Москва : АСТ, 2009. С. 20.

[2] Шпильрейн С. Н. Деструкция как причина становления // Антология российского психоанализа. Москва, 1999. Т. 1, № 5. С. 131.

[3] Там же. С. 121.

старого состояния», позволяет обеспечить «непрерывное развитие живой субстанции»[1]. Доказывая неизбежность и тотальность деструкции в жизни человека и мира в целом, она выделяет два вида инстинктов. Инстинкт самосохранения предполагает сохранение индивида в уже имеющемся состоянии. Инстинкт сохранения вида имеет целью сохранение рода путем систематических изменений и новообразований. Проявление разрушительных тенденций, с точки зрения автора, можно наблюдать на биологическом уровне (у некоторых видов животных смерть происходит после воспроизведения нового поколения) и на психологическом (размывание личностных границ и Эго).

В русле психоаналитической традиции продолжает трактовать деструктивное поведение австрийский психотерапевт А. Адлер. В его понимании разрушительное начало в структуре личности обусловлено ответной реакцией на чувство неполноценности, а точнее потребностью его компенсации путем самоутверждения на других. В своей работе он отмечает, что «чувство неполноценности возникает из-за плохой социальной адаптации»[2], что в свою очередь детерминирует личностную и социальную деструкцию.

Согласно авторской точке зрения, деструктивное поведение возникает в ситуациях переживания трудностей и преодоления жизненных проблем. Именно в эти периоды человек ощущает себя слабым и неспособным справиться с ними конструктивным образом и зачастую прибегает к разрушительным стратегиям. Развивая свои идеи далее, он рассматривает пример преступного поведения как наиболее характерной и наиболее встречающейся формы деструкции. Анализируя данный вид поведения А. Адлер констатирует, что «недостаточно развитое у преступника чувство общности, которое направляет его активность в бесполезное русло, связан с недостатком у него мужества и малодушием, однако он об этом не знает»[3]. В то же время автор приходит к выводу о том, что «преступник живет в эгоцентричном мире, где нет места истинной смелости, уверенности в себе, здравого смысла или

[1] Шпильрейн С. Н. Указ. соч. С. 183.
[2] Адлер А. Наука жить. Москва: АСТ, 2024. С. 17.
[3] Там же. С. 9.

понимания общечеловеческих ценностей. Единение с обществом для таких личностей невозможно»[1].

Преодоление деструктивных проявлений в поведении человека возможно с помощью формирования определенного стиля жизни, понимаемом автором, как «уникальный способ достижения личностных целей»[2]. А. Адлер выделял четыре стиля жизни, базирующихся на двух параметрах: социальный интерес и активность.

Первый стиль жизни — управляющий, отличается высоким уровнем активности и низкой степенью социального интереса человека. Такие люди склонны к доминированию, чрезмерному контролю и агрессивности.

Второй стиль — берущий, характеризуется средним уровнем активности, но низкой степенью социального интереса. Данной категории людей присущи эгоцентризм, зависимость от социального окружения, нерешительность и использование других для достижения личностных целей.

Третий стиль — избегающий, обусловлен наличием низкой активности и низким показателем социального интереса. Ведущими особенностями людей данного стиля выступают мотивация избегания неудач и нежелания брать на себя ответственность, уход от принятия важных решений и личностно значимых действий, а также замкнутость.

Четвертый стиль — социально полезный, является наиболее продуктивным потому, что его признаками являются высокий социальный интересом и умеренная активность. Направленность на помощь другим, а также развитие и расширение социальных связей отражают потребность человека находиться в гармонии с миром и собой. Предложенные А. Адлером стили жизни человека позволяют оценить целостность личности, а также проанализировать факторы нарушения социальной адаптации и предложить способы профилактики разрушительной активности.

Несмотря на то, что в трудах А. Адлера акцентируется внимание на социальном контексте происхождения деструктивного поведения, все же его работы носят психоаналитический характер. Он утверждал,

---

[1] Адлер А. Указ. соч. С. 9.

[2] Там же. С. 32.

что врожденный комплекс неполноценности и неадекватности выступает ведущим фактором «развития компенсаторных механизмов, которые проявляются в форме агрессии, эгоизма, стремления доминировать и контролировать окружающих»[1].

Одним из ведущих разработчиков деструкции как базового понятия для понимания человеческой разрушительной активности является М. Хайдеггер. По мнению философа, деструкция свойственна всему сущему. В работе «Бытие и время» он указывает, что «деструкция опять же не хочет хоронить прошедшее в ничтожности, она имеет позитивное назначение; ее негативная функция остается неспециальной и непрямой»[2]. Исключительно в реализации разрушительной активности он видит поиск истины бытия человека. Целью деструкции выступает возращение к изначальному смыслу бытия, которое за длительный исторический промежуток времени завуалировано предрассудками, клише и стереотипами.

Естественность и необходимость деструкции по М. Хайдегерру заключается в том, что она позволяет сохранить традиции, убрав с них налет исторических наслоений. Открытие новых горизонтов осмысления действительности дает человеку уникальную возможность совершенствовать себя, рефлексировать свой индивидуальный опыт и убеждения, а также в полной мере открыться миру и бытию. В связи с этим, цель деструкции позитивна и направлена на осознание темпоральности бытия. Время позволяет организовать бытие человека, проживая экзистенциальную триаду: прошлое (брошенность), настоящее (вовлеченность) и будущее (проект). С точки зрения Е. В. Сатыбаловой, данное понимание деструкции позволяет философу увидеть ее истоки, а именно «внутреннее напряжение, заключенное в самой структуре бытия и чреватое «разломами», которые как угроза нависают над человеческим бытием и бытием вообще»[3].

Следует заметить, что М. Хайдеггер один из первых исследователей, связавших деструктивность с позитивной направленностью всего контек-

---

[1] Адлер А. Указ. соч. С. 203.

[2] Хайдеггер М. Бытие и время / перевод с немецкого В. В. Бибихина. Харьков : Фолио, 2003. С. 39.

[3] Сатыбалова Е. В. Метаморфозы человека в мире: между негативностью и позитивностью. Опыт анализа человеческой деструктивности : монография. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. С. 20.

ста жизнедеятельности личности. Данную идею продолжили и другие философы (Ж. Деррида, С. Жижек, У. Эко, М. Фуко) и оформили ее в качестве нового методологического подхода. Центральным понятием для них становится смыслообразование и смыслотворчество. Например, Ж. Деррида вводит термин «деконструкция» для обозначения процесса критического переосмысления прожитого и отрицания идеи единого смысла[1].

В рамках отечественной психологии вопросы смыслообразования и смыслотворчества стали решающими при разработке концепта «человекознания». Подчеркивая роль смыслов, справедливо заметил В. Е. Клочко, что «смыслы — это субъективная «разметка» объективной реальности, вырезающая из безразличной «среды» (или столь же безразличного «окружения») то, что соответствует человеку здесь и теперь как необходимое условие жизни»[2]. Весомый вклад в развитие теории смысловой обусловленности процесса жизнедеятельности также внесли А. Г. Асмолов[3], Б. С. Братусь[4], С. Л. Рубинштейн[5], Д. В. Сергеев[6], А. В. Серый[7] и др. Разрушение смысловой основы жизни человека неизбежно приводит к кризисам, а точнее кризисам смысложизненных ориентаций в понимании Д. А. Леонтьева[8].

Традиционно в психологии используется устойчивый концепт «ценностно-смысловые ориентации». Впервые синтез значения и смысла предложил Г. Рикерт[9]. В рамках культурно-исторического направления Л. С. Выготский объединил категории значения

---

[1] См.: Деррида Ж. Письмо и различие. Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. 432 с.

[2] Клочко В. Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме трансспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред.: В. В. Знаков, Г. В. Залевский. Москва : Институт психологии РАН, 2008. С. 49.

[3] См.: Асмолов А. Г. О предмете психологии личности // Вопросы психологии. 1983. № 3. С. 118–125.

[4] См.: Братусь Б. С. Аномалии личности. Москва : Мысль, 1988. 301 с.

[5] См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. Санкт-Петербург : Питер, 2012. 508 с.

[6] См.: Сергеев Д. В. Онтология культурного смысла : монография. Новосибирск : Наука, 2009. 164 с.

[7] См.: Серый А. В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня : сборник научных трудов. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. Вып. 2. С. 76–82.

[8] См.: Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва : Смысл, 2003. 487 с.

[9] См.: Рикерт Г. Философия жизни. Киев : Ника-Центр, 1998. 505 с.

и смысла[1]. Такой подход позволил доказать тесную взаимообусловленность данных категорий и обеспечить их метасистемный характер. Однако в условиях динамичности социально-экономических и политических устоев нарушение ценностно-смысловой сферы все больше связывалось с различными видами деструктивного поведения человека. Так, например, А. Ш. Гусейнов, П. Ю. Удачина, К. А. Мисюнас отмечают, что «смещение ценностно-смысловых ориентиров и их несоответствие установкам внешней среды, провоцирующие внутренний диссонанс, являются главными факторами появления и прогрессирования деструктивных проявлений личности»[2].

Завершая, можно отметить, что феноменология деструктивности может быть представлена в виде трех этапов, которые появляясь, не сменяли друг друга и продолжали оказывать влияние на представление о деструктивности.

Онтологический и этический этап (Античность — средневековье). Деструктивность рассматривается как недостаток добра, порядка или разума, а чуть позднее — как грех. Несмотря на разницу в представлениях, выражение деструктивности в поведении объясняется следствием «неправильной» природы общества или человека.

Натуралистический и социально-детерминистский этап (XIX – начало XX века): деструктивность становится предметом исследования в двух основных парадигмах: биологической, считающей ее проявление врожденной, инстинктивной агрессией (З. Фрейд, К. Лоренц, Ч. Ломброзо) и социологической, объясняющей ее влиянием общества, пораженного недостатками (Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье) либо негативным влиянием среды (А. Бандура, Дж. Доллард).

Феноменологическая и смысловой этап (со второй половины XX века — настоящее время): деструктивность перестает быть негативно-окрашенной категорией, представляется частью социально-психологического механизма развития личности.

---

[1] См.: Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений : в 6 т. Москва : Педагогика, 1983. Т. 3С. 5–328

[2] Гусейнов А. Ш., Удачина П. Ю., Мисюнас К. А. Гармоничность ценностно-смысловой сферы как ресурс предупреждения деструктивных проявлений личности // Гуманизация образования. 2023. № 2. С. 101.

Расширяется комплекс представлений о деструктивности, происходит ее «встраивание» в онтологический контекст индивидуальности. Так, в работах философов деструкция выступает необходимым условием обновления, поиска истины бытия и смыслотворчества («деструкция» М. Хайдеггера, «деконструкция» Ж. Деррида), а в представлении психологов деструктивное поведение выступает признаком кризиса ценностно-смысловой сферы личности, когда исчерпанный или ложный смысл рушится, а новый еще не создан.

Можно заключить, что к настоящему времени в представлении исследователей деструктивность получила и негативную и позитивную коннотации. Деструктивность может рассматриваться как выражением вредоносных побуждений, так и инструментом развития. Несмотря на то, что ее проявление в поведении связано с различными формами агрессии, деструктивность рассматривается свойством, возникающим на пересечении неосознаваемых побуждений и инстинктов, требований к личности, формируемых ближайшим окружением и индивидуально-специфичной потребностью в личностном смысле.

1.2. Психосоциальный подход к изучению деструктивности личности

Актуальность исследования деструктивности как свойства личности вызвана несколькими соображениями, задающими и цель анализа и предметное поле его осуществления. Ключевым аргументом, определяющим необходимость исследования деструктивности как составляющей личности выступило несоответствие между множественными эмпирически фиксируемыми проявлениями деструктивного поведения и его объяснениями, ограниченными рамками неспецифической методологии, изложению которых посвящены предыдущие параграфы работы.

Проведенный анализ показывает, что преимущественно для познания, изучения и противодействия деструктивности используются не психологические а клинические, педагогические и философские

теории и концепции[1]. Отсутствие единой теории деструктивности приводит к увеличению разрыва между представлением о деструктивности и формами его проявления, определяемыми по признаку «разрушения», но без сопряжения с иными формами поведения, имеющими разрушительные последствия, но деструктивными не являющимися[2].

Видна необходимость переосмыслить онтологическую сущность деструктивности человека, в т. ч. рассмотрения ее не в рамках индивида а в его неразрывной связи с обществом – личности. Благодаря такой смене точки наблюдения расширяется поле деструктивного поведения, но не теряется их внутренняя связь между собой. Деструктивность все еще «принадлежит» личности, выступающей против общественного во всех контекстах его влияния на личность. На метауровне — разрушающей социальные структуры посредством бунта, мятежа, революции, саботажа; на интерперсональном уровне — уничтожающей структуры социального взаимодействия путем измены, предательства, обмана; а на интраперсональном — искажающей структуру (образ) предписанного обществом надлежайшего образа своего внешнего вида (татуированием, шрамированием и иной модификацией собственного тела)[3].

Считая деструктивность способом построения идентичности, возникает необходимость проработки психологии деструктивного самоосуществления, вписывания его в контекст культурно-допустимой деструктивности и деструктивности, запрещенной угрозой уголовного преследования. В настоящее время, работы данной направленности фокусируются на изучении вандальных форм деструктивной реализации субъектности[4].

---

[1] См.: Антропология деструктивности : коллективная монография / П. Е. Суслонов, А. А. Исаев, А. Г. Кислов [и др.]. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2012. 214 с. ; Рычкова Л. С., Кузнецова М. Н. Подходы к пониманию деструктивного поведения в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 172–180.

[2] См.: Куликов В. Б., Злоказов К. В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). С. 89–92.

[3] См.: Злоказов К. В. Деструктивное поведение в различных контекстах его проявления // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, № 4. С. 67–73.

[4] См.:Гурова О. В., Кружкова О. В. Вандализм как деструктивная стратегия реализации субъектности подростка // Педагогическое образование в России. 2017. № 3. С. 115–121.

Во-вторых ревизия деструктивности как свойства личности обогащает представление о клинических и социальных детерминантах ее возникновения, специфики содержании и формы выражения. Допуская что деструктивность формируется взаимовлиянием биологического и социального лишь отчасти, конкретизируется вопрос ответственности ее субъекта. Решение этого вопроса отчуждением ответственности, например средствами клинического или пенитенциарного институтов не будет достаточным и полным. В этой связи важным направлением изучения личностной деструктивности выступает определение баланса между детерминизмом и самодетерминацией[1], позволяющим дифференцировать меру признания субъекта ответственным за деструктивные деяния.

Поэтому признание деструктивности свойством личности инициирует поиск новых средств контроля, предупреждения и профилактики деструктивного поведения. Кроме того, считая деструктивность личности не только иррациональной (вызванной болезнью) или навязанной социальными условиями существования, а индуцированной субъектом, возникают перспективы операционализации ее внутриличностной архитектуры. Деструктивность как способ самореализации личности может быть воплощена в акте лишения себя жизни, а может — в акте самопожертвования. Оба исхода зависят от субъекта действия, вопрос в его готовности придать общественную значимость деструктивному действию.

В-третьих, осмысление деструктивности как свойства личности приводит к осмыслению форм ее проявления в ряду антиобщественных деяний. Особое внимание привлекают формы деструктивности из-за развития цифровых средств взаимодействия получившие большую общественную опасность[2]. В их числе пропаганда антиобщественного поведения посредством создания субкультур, культов, антиобщественных и антигосударственных сообществ[3]. Их результатом

---

[1] См.: Костромина С. Н., Филатова А. Ф. Детерминизм и самодетерминация в анализе личностной деструктивности // Вестник Удмуртского университета. 2023. Т. 33, № 3. С. 232–244.

[2] См.: Садовникова Ж. В. Анализ причин деструктивного поведения детей и подростков в современном обществе. Способы профилактики // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2023. Т. 21, № 2. С. 120–139.

[3] См.: Буданова Е. А., Демидова О. В., Мальцев Е. П. Понятие и виды противоправных деяний несовершеннолетних, совершаемых с использованием социальных сетей и мессенджеров //

является организация массовых беспорядков, вооруженных нападений на образовательные организации, стимулирование доведения до самоубийства и прочие действия, наносящие ущерб личности, обществу и государству.

Обобщая отметим, что результатом ревизии становится разработка представлений о роли деструктивности в становлении личности и ее социальном функционировании, что расширяет и теоретическое поле психологической науки и закладывает основания трансформации психологической практики. Понимание деструктивности как инструмента конституирования индивидуального в социальном, выстраивания собственной идентичности за счет разрушения иной, социальной сущности[1], дополняет моральный аспект ее оценивания функциональным. Так деструктивное поведение становится деструктивным поступком, где ценность разрушаемого объекта дополняется осознанием ценности разрушительного действия для его субъекта.

С учетом изложенного отметим, что актуальность изучения деструктивности личности вызвана неполнотой и мозаичностью представлений о деструктивном поведении, препятствующем построению единой теории деструктивности, а также методологий ее изучения, предупреждения и профилактики. Как следствие, к примеру, деструктивность подразумевается, но не учитывается при оценке общественной опасности личности на этапе следственных действий и судебного решения, при проведении пенитенциарной профилактике преступлений и постпенитенциарном сопровождении криминогенных лиц. Причиной выступает отсутствие теоретической основы для обобщения и упорядочивания имеющегося знания о деструктивности личности, которая позволяла бы формировать непротиворечивое объяснение разнообразным проявлениям деструктивности, переходя тем самым к изучению ее характеристик и, как следствие пониманию, измерению и предупреждению.

Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 1. С. 136–145 ; Злоказов К. В. Деструктивное социальное поведение. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2017. 183 с.

[1] См.: Злоказов К. В. Деструктивность и идентичность личности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, № 1. С. 61–73.

Изучение деструктивности личности традиционно сталкивается с методологической проблемой объяснения его детерминант. В предметном поле исследований существует несколько конкурирующих подходов, в равной мере получивших теоретическую и опытно-экспериментальную поддержку. С позиций клинического подхода предполагается что причины деструктивности локализованы в нейропсихологических механизмах и психических процессах, а в социологической парадигме деструктивность объясняется патологиями социальной структуры общества. Психосоциальный подход позволяет снять эту дихотомию, давая возможность гипотетизировать о том, что *деструктивность* детерминирована проблемами динамического взаимодействия общества и личности, возникающими в процессе ее жизнедеятельности.

Методология психосоциального подхода базируется на принципе целостности и открытости (холизма), предлагающем рассматривать личность не как изолированную, а как открытую систему, находящуюся в непрерывном взаимодействии с социальной средой. Причины, процесс и результаты взаимодействия оцениваются с социальных позиций. Поэтому, ключевым понятием выступает «социальное функционирование» – способность субъекта выполнять предписываемые ему обществом роли и удовлетворять собственные потребности во взаимодействии с окружением. Вторым принципом психосоциального подхода выступает утверждение неразрывной взаимосвязи индивида и общества.

Проблемы социального функционирования личности порождаются нарушениями во взаимодействии между: а) ожиданиями личности и ее окружения относительно функций, ролей и статусов; б) между задачами адаптации личности к требованиям общества и возможностями по ее осуществлению.

Психосоциальный анализ фокусируется на отношениях между личностью и социальным окружением в различных ситуациях жизнедеятельности. Данные ситуации могут трактоваться как повседневные, рутинные, так и кризисные, требующие мобилизации не только субъекта но и его окружения. Положительное разрешение ситуаций способствует самореализации, тогда как негативное отрицательно сказывается на благополучии личности, вызывая трудности социального функционирования, вплоть до его нарушения.

Теоретическими основаниями психосоциального подхода выступает методология социальной работы (М. Ричмонд), строящаяся на изучении возможностей личности и ее социального окружения в преодолении трудных жизненных ситуаций; концепция психосоциальной терапии жизненных ситуаций (Ф. Холлис), показывающая, что изменение личности осуществляется как под влиянием внутренних условий так внешних, по отношению к ней условий — организованного ближайшего окружения.

Применительно к изучению деструктивности психосоциальная методология привносит, во-первых, принцип *дополнительности,* означающий что изучение и объяснение деструктивности личности в их психологическом и социальном контекстах должны взаимодополнять друг друга; во-вторых, принцип *развития*, показывающий, что деструктивность является причиной изменений личности и при этом, следствием этих изменений, поскольку любые воздействия на личность не могут рассматриваться без учета их последствий.

Введение принципов дополнительности и развития позволяет представить деструктивность как причиной так и следствием взаимодействия человека с социальным окружением, установив тем самым линии зависимости в возникновении деструктивности как свойства личности от внешнего воздействия на нее со стороны социального окружения, а также деструктивного влияния на социальное окружение со стороны человека, оказывающего своими действиями разрушительное воздействие на социальные структуры и других людей. Эти принципы подтверждают и утверждение Фромма об анатомии (скорее антропогенезе) человеческой деструктивности, которая, следуя ему, выражается в общественном и личном. Однако, считая деструктивность свойством не человека, а личности, то есть рассуждая о личности как социальном проекте, можно говорить о культуре деструктивности, взращиваемой в семьях, группах и сообществах с определенными целями. Ответ на вопрос, о том с какой целью деструктивность воспитывают и поощряют, является столь же многогранным, сколько и сам феномен деструктивности человека[1].

[1] См.: Антропология деструктивности…

В рамках нашего исследования рассматривается один аспект значений деструктивности (применительно к личности), не исключающий и другие измерения. Такая конкретность обусловлена методологическим основанием — психосоциальным подходом к развитию личности и примененным комплексом теорий, объясняющих как под влиянием социального окружения формируются компоненты личности, отвечающие за социальное функционирование, обеспечивающие постановку жизненных целей и их достижение. Привлекательность подхода заключается в возможности применения его положений вне клинической и социологической платформ, уже используемых в теории и практике работы деструктивным поведением. Учитывая, что результаты могут способствовать развитию обоих, ставших традиционными подходов, усилив существующие технологии оказания медицинской помощи деструктивным лицам, социальной работы с ними и членами их семей, практическая ценность использования психосоциального подхода заключается в возможностях его применения для создания инструментов диагностики, предупреждения и профилактики деструкций.

Причины проявлений деструктивности личности с психосоциальных позиций могут быть рассмотрены как выражение проблем взаимодействия личности и социального окружения. Другими словами, причины деструктивности сосредоточены на стыке личностных, межличностных и социальных сфер. Это требует изучения и внутренних психологических механизмов, и системы взаимоотношений личности с окружением, и внешних по отношению к ней условий социального функционирования. Принципиально важно отметь, что с психосоциальных позиций проявление деструктивности в поведении детерминировано исключительно личностью. Деструктивность — это способ разрешения противоречия, возникшего между потребностью и социальными ограничениями ее удовлетворения на уровне личности.

Личность в данном случае выступает либо результатом воздействия различных социальных структур на индивида (воплощаемых в нормах, предъявляемых к здоровью, телу, образу жизни, формам взаимодействия и пр.) либо вынуждена адаптироваться к требованиям социальных структур в целях собственной жизнедеятельности (социальным функциям и ролям в профессиональной, семейной и иным сферам). Деструктивность во всех этих случаях это разрушение социальной

структуры интра-, интер- или метаперсонального масштаба, осуществляемое для построения новой идентичности из-за невозможности присвоения (адаптации) к существующим.

Личность выступает инициатором деструктивности и, имея возможность использовать иные стратегии поведения, но осознавая и ожидая результат, делает выбор в пользу разрушительного а не созидающего поступка. Преодоление негативного влияния деструктивности на личность и ее окружения требует понимания причин подобного выбора, анализа механизмов, ресурсов и условий, в которых единственно возможным способом действия стало разрушение.

Цель деструктивности – обеспечение формирования идентичности личности в социальном взаимодействии. С психосоциальных позиций социальное взаимодействие является важным фактором формирования «Я», поскольку социальное окружение с момента появления самосознания выступает источником представлений личности о себе, давая возможность понять себя, утвердить и отстаивать представление о себе[1].

Функционирование идентичности личности обеспечивается механизмом социального взаимодействия, благодаря которому субъект демонстрирует ожидаемое окружающими социальное поведение (в рамках социальных ролей и функций, соответствующих положению личности в обществе), а окружение подтверждает или опровергает таковое поведение через различные формы оценки. Таким образом, составляющие «Я» - представления и мнения о себе — связаны с оценкой окружающими личности и, в определенной мере, находятся в зависимости от нее.

Другие люди (или, иначе социальное окружение):

а) подтверждают содержание «Я», соглашаясь с тем, что субъект соответствует выполняемой им социальной роли или отведенной ему функции;

б) признают социальную ценность субъекта (воспринимаемую им как значимость собственного «Я»);

в) поддерживают развитие «Я» (помогая в освоении желаемых социальных ролей, функций). Отсутствие подтверждения окружением

[1] См.: Злоказов К. В. Деструктивное социальное поведение…

личности социального значения ее «Я», обесценивание ее социальной ценности и отказ в поддержке снижают самооценку, воспринимаются как угроза самореализации и ухудшают представления о себе.

Деструктивность является способом формирования «Я» в ситуации отрицания и обесценивания окружающими личности, отказа в достижении личностно значимых целей (самореализации). Деструктивное взаимодействие служит поддержанию целостности Я (противодействия внешнему воздействию), утверждению тождественности (показывая неизменность содержания) и непрерывности (последовательности в достижении намеченных целей) «Я»[1].

Наиболее заметна *защитная функция* деструктивности, применяемая для избавления «Я» от посягательств со стороны социального окружения на представления личности о себе (самопредставления). При этом, в их числе следует считать не только наиболее восприимчивые к мнению окружающих образования самооценки и связанные с ней чувства собственного достоинства (самоценности), к самопредставлениям относятся и иные образования, связанные с «Я» (например, социальные роли и функции, притязания и направленность личности).

Используя терминологию психосоциальной теории развития личности Э. Эриксона («негативная деструктивность», «анти-Я»)[2] можно считать, что деструктивность служит целям построения идентичности личности в условиях нарушения социального взаимодействия. С учетом этого, второй функцией деструктивности является определение, утверждение и отстаивание «Я» в условиях социального взаимодействия — функция *самореализации* (реализации Я).

Деструктивность как инструмент формирования идентичности находит воплощение в различных стратегиях поведения — от самоуничтожения и самоповреждения (нанесения ущерба собственному здоровью), до нарушения социального взаимодействия (измены, мести, обмана, оскорбления) и антиобщественных и антигосударственных форм (протеста, саботажа, терроризма и экстремизма).

---

[1] См.: Злоказов К. В. Деструктивность и идентичность личности…

[2] См.: Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. Москва :Флинта, 2006. – 352 с. ; Hihara S., Sugimura K., Syed M. Forming a Negative Identity in Contemporary Society: Shedding Light on the Most Problematic Identity Resolution // Identity. 2018. Vol. 18, No. 4. P. 1–10.

При этом значение деструктивности связано не столько с результатом — разрушением (частичным либо полным), а в равной, если не большей мере, эффектом, сопутствующим этому разрушению и отражающемуся на «Я» субъекта деструктивного действия.

Восприятие результата разрушительного действия позволяет субъекту определить собственное «Я» так, как ему хочется, усиливает «Я», придавая уверенность субъекту, подтверждает ценность «Я», выделяя его среди «Я» других людей. Разрушение повышает самозначимость личности и ее самооценку поскольку деструктивное действие всегда связано с нарушением нормы (правила, закона), и такой поступок в моменте его переживания не просто противопоставляет субъекта обществу, утвердившему эту норму, а сообщает самому субъекту о его способности это сделать. Так, осуществление защиты «Я» посредством мести ранее обидевшему человеку, либо саботирование работы в коллективе, отношения с членами которого угрожают самооценке личности, являются деструктивными.

Также деструктивными являются разрушительные действия, следствием которых становится реализация «Я». Их примером выступает нанесение шрамов, татуировок и иные самоизменения, результатом которых является внимание и известность, дополненные чувством собственной уникальности.

В интерперсональном контексте их примером является эксплуатация дружеских отношений, результатом которых является утверждение собственного «Я» за счет партнера, самовозвеличивание путем оскорбления собеседника.

Порча объектов культурного наследия служащая самодемонстрации является примером метаперсонального контекста выражения деструктивности. Личность совершает антиобщественные действия, стремясь возвыситься путем опорочивания и обесценивания обществом значения, придаваемого памятнику истории, культуры или иному объекту.

Можно полагать, что деструктивное действие замышляется и выполняется не столько для нанесения ущерба, сколько для осуществления защиты и реализации «Я». Достижение данной цели для деструктивного деяния является более важным, чем нанесение повреждения или порчи, причинение обиды или осуществление мести. Причины

этому могут быть поняты путем изучения феноменологии деструктивности личности, обращение к которой через призму социально-философских теорий проводится в следующем параграфе.

Итак, психосоциальный подход к описанию идентичности личности используется нами в качестве теоретического основания для понимания причин ее формирования, развития и утверждения.

Рассматривая идентичность личности с психосоциальных позиций необходимо принимать во внимание что источники ее формирования находятся вне личности и заключаются в социальном окружении человека. Основанием для определения значения деструктивности в контексте развития личности в нашем исследовании выступает психосоциальная теория эго-идентичности Э. Эриксона[1]. Обоснованность ее применения вызвана, во-первых, психосоциальной сущностью теории, во-вторых, близостью объяснений формирования эго-идентичности и разрабатываемой нами идеи о функциональном значении деструктивности в построении идентичности. При этом именно социальное окружение влияет на формирование идентичности личности как в части ее содержания (обретение конкретных представлений, ценностей и направленности), так и за переход от одной стадии-состояния идентичности к другой (от диффузии к целостности) и обратно, и, наконец, сопровождающие этот процесс кризисы и противоречия.

Несмотря на то, что влияние других людей дифференцируется исследователями исходя из характера отношений к ним, ряд исследователей устанавливает прямую зависимость между психологическим миром личности и ее окружением. Так, К. Хорни вводит понятие базальной тревоги для описания формирующегося у личности чувства беспомощности и враждебности окружающего мира в ситуации, когда в раннем детстве ребенок не получает психологической поддержки со стороны родителей. Рассматривая личность как систему отношений со значимыми другими, Г. Салливан описывает психосоциальный характер потребности в безопасности. Он показывает, что личность стремится избавиться от тревоги, вызванной социальным неодобрением. Считая, что психологическое благополучие личности зависит от социальной оценки способности субъекта справляться с различными трудностями,

[1] См.: Эриксон Э. Указ. соч.

А. Бандура описывает психосоциальную природу формирования самоэффективности, уделяя внимание и ее позитивной и негативной стороне. В частности, показывая как обогащается, усиливается и расширяется активность субъекта, считающего себя само эффективным и наоборот, на какое поражение облекает себя человек, не получивший подтверждения своей эффективности.

В ряду психосоциальных теорий наибольшей эвристичностью обладает теория развития личности разработанная Э. Эриксоном и его последователями[1]. Следуя их представлениям, психическое развитие человека осуществляется при непосредственном участии общества и выражается в формировании ключевых компонент личности в разные периоды жизни человека. С момента рождения индивид подвергается влиянию вначале матери, затем семьи и родственников, затем школы, коллектива сверстников, потом интимного партнера и далее. Формирование личности таким образом осуществляется за счет изменения психического в условиях социального взаимодействия последовательно, в течение всей жизни с условным делением на восемь возрастов. Конечно, если в ее начале значение социального окружения исключительно важно для психического развития, то в последующем, оно естественно снижается. Но и в зрелом и пожилом возрасте социальное окружение необходимо для функционирования психологических механизмов формирования самоотношения и самооценки личности.

Социальные структуры (семья, школа, профессиональные сообщества) выступают условием, необходимым для развития личности. Базовые компоненты личности, предложенные Э. Эриксоном — активность, воля, направленность, компетентность и другие, возникают в результате вовлечения в структуры социального взаимодействия (материнство, родительство, школа, окружение сверстников)[2]. Мы обращаем внимание на то, что успешное формирование личности зависит не только от субъекта, но и социального окружения, способного воспроизвести социально-культурные стандарты такого взаимодействия. Иными словами, структуры отношений матери и ребенка, семьи и ребенка, школы и ребенка и прочие, отклоняясь от типичных образцов

[1] См.: Злоказов К. В. Современные модели развития идентичности личности (в контексте эриксонианской традиции) // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 99–108.

[2] См.: Там же ; Эриксон Э. Указ. соч.

их осуществления в своих параметрах и свойствах могут отрицательно сказываться на формировании соответствующих компонент личности.

Э. Эриксон рассматривает два негативных аспекта психосоциального развития — патологии формирования личности и формирование негативной идентичности. Патологии личности вызваны неблагоприятным преодолением ею конфликтов возрастного развития. Их результатом становятся негативные, а не позитивные личностные образования. Так, вместо базисного доверия к миру у ребенка развивается базисное недоверие, вместо автономии — стыд и сомнения. Данные личностные образования негативно сказываются на благополучии человека, затрудняют его взаимодействие с другими людьми, транслируются в отношениях, влияя на окружение. Так, В. А. Ильин анализируя феномен бродяжничества указывает, что его предпосылками с психосоциальных позиций выступают неспособность к образованию полноценных партнерских отношений, отказ от мотивации достижения и неспособность к созидательной деятельности[1]. Таким образом, ряд личностных дисфункций, обусловленных неудачами психосоциального развития может препятствовать социальному функционированию, сказываясь на социальном и психологическом благополучии личности. Однако, они лишь отчасти объясняют деструктивный характер взаимодействия и взаимоотношений с социальным окружением, поскольку он присущ в наиболее острые моменты переживания кризисов развития, но должен сглаживаться при соответствующей психокоррекционной работе.

Наряду с патологиями личности важно обратиться к изучению второго негативного аспекта психосоциального развития – негативной Эго-идентичности. Оба образования по-разному интерпретируют неудачи социального функционирования личности. Если патологии идентичности затрудняют и отягощают этот процесс, хотя и могут принадлежать личности с положительной Эго-идентичностью, негативная Эго-идентичность изменяет сам процесс функционирования, поскольку идентичность, в трактовке Э. Эриксона, организует взаимодействие личности и общества. Антиобщественное, отклоняющееся и криминальное поведение, иные дефекты социального взаимодействия

[1] См.: Ильин В. А., Бонкало С. В. Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 3. С. 150–156.

могут быть вызваны негативной идентичностью без участия каких-либо дисфункций и патологий личности. Соответственно, негативная Эго-идентичность выступает самостоятельным внутренним механизмом, порождающим деструктивное поведение.

Эго-идентичность является результатом юношеской стадии возрастного развития и определяется как иерархия положительных и негативных элементов[1], возникающих на границе с социальной реальностью. Э. Эриксон отмечает, что негативная идентичность формируется по принципу отождествления с ролями, противоположными социальным ожиданиям, но при которых «*...пациенту оказывается легче достичь идентичности через тотальную идентификацию с тем, кем он меньше всего должен стать, чем бороться за ощущение реальности приемлемых ролей, для овладения которыми он не имеет внутренних средств*»[2].

Считая, что негативная и позитивная составляющие идентичности вызваны воздействием социального окружения и взаимодействия с ним личности, Э. Эриксон указывает, что ее возникновение побуждается необходимостью выстраивания идентичности как таковой, пусть даже если и она основана на наиболее нежелательных и опасных ролях[3].

Негативный характер идентичности приемлем для личности, во-первых, потому что снижает чувство неопределенности, внутреннего противоречия и конфликта. Признание себя несоответствующим стандартам, требованиям и ожиданиям позволяет субъекту утвердиться в определенной позиции, пусть даже и отрицательно оцениваемой в обществе. Таким образом негативная идентичность защищает самоотношение личности от *«...чрезвычайных идеалов, либо требуемых болезненными амбициями родителей, либо актуализированных вышестоящими авторитетами...»*[4]. Однако негативная идентичность не должна рассматриваться исключительно как неудача в формировании позитивной идентичности, вызванная временной неспособностью

[1] Эриксон Э. Указ. соч. С. 316.
[2] Там же. С. 185–186.
[3] Там же. С. 184.
[4] Там же. С. 185.

субъекта к исполнению социальных ролей, соответствию требованиям и стандартам окружения.

В отличие от Э. Эриксона, его последователи проблематизируют негативную Эго-идентичность. Так, Ш. Хихара с коллегами, приходят к выводу о том, что негативная идентичность отражает негативные аспекты Эго и не может быть представлена как диффузное (спутанное) состояние позитивной идентичности[1]. Несмотря на то, что Эриксон отмечает, что существование негативной эго-идентичности необходимо для построения положительной идентичности[2]. Дж. Коэн пишет о том, что негативная идентичность является способом противопоставления одной стороны социально-психологического конфликта другой: «*Мы определяем себя, полностью или частично, негативно через анти-себя — человека или группу, которыми мы себя не считаем*»[3]. Соответственно, негативная идентичность является следствием внутригрупповой или межгрупповой борьбы и выражает стратегию по участию в ней. Необходимость выбрать сторону конфликта нередко сопровождается необходимостью изменения самоотношения, в таком случае определение через отрицание позволяет избежать ошибки занятия неверной стороны[4].

В целом, становится ясно, что негативная идентичность может быть представлена как самостоятельное образование самосознания, несводимое к позитивной идентичности и имеющее определенное значение для социального функционирования личности. В таком случае идентичность строится на противопоставлении положительной идентичности и выстраивании представления «анти-Я». Негативная идентичность не способствует социальному функционированию личности, но вместе с тем, все же компенсирует чувство неопределенности и противоречия в самоопределении. Это достигается за счет постановки общественного порицаемой цели для саморазвития и ее достижение[5]. Экстраполируя этот принцип, личность конституирует себя через оппозицию: «Я — тот, кто разрушает (в противовес созидающему)»,

---

[1] См.: Hihara S., Sugimura K., Syed M. Op. cit.

[2] Эриксон Э. Указ. соч. С. 224.

[3] См.: Cohen J. R. Negative identity and conflict // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2020. Vol. 35, no. 5. P. 737–752.

[4] Ibid.

[5] См.: Hihara S., Sugimura K., Syed M. Op. cit.

«Я — преступник (в противовес правопослушному человеку)», «Я — изгой (в противовес членам группы)».

Патологичный характер приписывается негативной идентичности Э. Эриксоном тогда, когда она представляет собой стадию для развития положительной эго-идентичности. Он предполагает, что негативная идентичность необходима личности для снижения внешнего и внутреннего морального воздействия. В частности, защиты от критики родителей, родственников, ближайшего социального окружения а также переживания чувства вины за неспособность соответствовать стандартам, нормам или образцам поведения. Негативная идентичность формируется посредством стратегии отчуждения (в ситуации отрицательной оценки поведения) и регресса (отказа от поддержания внутренних личных стандартов и норм).

Оценивая стратегии формирования негативной Эго-идентичности ясно, что они выступают реакцией личности на проблемы, вызванные трудностями взаимодействия с социальным окружением. С. Хихара с соавторами отмечают, что «*формирование негативной идентичности компенсирует недостаток идентичности, предоставляя молодежи чувство смысла, цели или принадлежности; такая ложная (или псевдо) стабильность идентичности часто достигается за счет крайних/радикальных убеждений и поведения*»[1]. При этом, видно, что их преодоление (в контексте психосоциального) подхода объясняется через изменение содержания идентичности за счет личности. Это содержание (в виде ролей, направленности, ценностей) пересматривается и переосмысляется личностью в поиске соответствия между внутренним стремлением и возможностями его реализации в обществе. Отказ от негативной идентичности и переход к положительной возникает тогда, когда личность получает признание окружающих — внешнее подтверждение ее устремлений. Негативная Эго-идентичность в этом процессе действительно является своеобразной «точкой отсчета» с которой личность начинает путь по построению положительной идентичности.

Следует однако допустить и то что взаимодействие индивида с социальным окружением приводит к утверждению негативной

[1] См.: Hihara S., Sugimura K., Syed M. Op. cit.

идентичности не только за счет оценки возможностей реализации себя в социальном окружении, но и посредством отстаивания этой идентичности. В таком смысле «отстаивание» предполагает утверждение негативной Эго-идентичности личностью. Для этого субъект не только прорабатывает представление о себе как личности, оппозиционной социальному окружению, но и осуществляет практические шаги по воплощению. М. Г. Дункан предполагает, что к психологическим механизмам утверждения негативной идентичности следует относить отрицание и проекцию.

Считая окружающих аморальными и глупыми, обладатели негативной Эго-идентичности определяют себя в противоположном измерении — моральными и умными[1]. Другие люди признаются чуждыми сущностно, что снимает моральные запреты на насилие в их отношении.

Подтверждение подобного отношения осуществляется посредством чувств ненависти и вражды, выражаемых в агрессивном поведении. Исследование молодежи, придерживающейся праворадикальных экстремистских убеждений показывает, что ряд участников характеризовался негативной идентичностью, ее диффузией и дезинтеграцией[2]. К схожим выводам приходят и другие исследователи, указывающие, что негативная идентичность присуща немецкой молодежи, разделяющей как экстремистские националистические так и радикальные исламистские убеждения[3]. При изучении российской молодежи нами также были выявлены тесные связи противоречий в идентичности и склонности к радикальным национально-политическим установкам[4].

Конечно, не только внутриличностные но и социально-психологические механизмы способствуют утверждению негативной Эго-идентичности. В частности, Дж. А. Вагонер и М. А. Хогг показывают, что переживание личностью маргинализации и исключенности может

---

[1] См.: Duncan M. G. In Slime and Darkness: The Metaphor of Filth in Criminal Justice // Tulane Law Review. 1994. Vol. 68. P. 725–761.

[2] См.: Edelstein W. A culture of threat: right-wing extremism and negative identity formation in German youth delstein // New Directions for Youth Development. 2003. № 98. P. 81–97.

[3] См.: Isenhardt A. [et al.]. Identity Diffusion and Extremist Attitudes in Adolescence // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 711466.

[4] См.: Злоказов К. В., Прядеин В. П. Деструктивность личности: социально-психологическое исследование. Сургут : Сургутский государственный педагогический университет, 2014. 178 с.

вызвать неуверенность в собственной идентичности. Это чувство может быть уменьшено с помощью включения в группу, у которой однозначная и однородная социальная идентичность, несмотря даже на то, что подобные характеристики присущи экстремистским группам. Таким образом, неопределенность идентичности и отчуждение может способствовать формированию негативной идентичности. Ее утверждение либо приводит к отчуждению и следующему за ним исключению из социальных групп либо к поиску и присоединению к группам, подтверждающим негативную Эго-идентичность[1].

Завершая анализ, отметим, что с психосоциальных позиций, формирование идентичности личностью осуществляется в непосредственном взаимодействии с социальным окружением.

Окружение оказывает поддержку в самоопределении, поддерживая и положительно оценивая поведение личности, приводя тем самым к утверждению положительной Эго-идентичности. Проблемы и трудности в этом процессе могут приводить к формированию идентичности посредством деструктивных моделей поведения. Более того, сформированная подобным способом идентичность характеризуется отрицательным самоописанием и самоотношением, а ее содержание состоит из антиобщественных (в т. ч. противоправных) преставлений, ценностей и установок.

Выводы первой главы

Деструктивное поведение может быть определено как целенаправленная система взаимосвязанных действий, осуществляемых субъектом с целью разрушения себя или окружающего мира. Согласно С. Л. Рубинштейну, поведение представляет собой особую форму деятельности: она становится именно поведением тогда, когда мотивация действий из предметного плана переходит в план личностно-обще-

[1] См.: Wagoner J. A., Hogg M. A. Divided Groups, Polarized Identities, and Extremist Behavior: The Role of Exclusion-Contingent Self and Identity Uncertainty // Pfundmair M. (ed.). Exclusion and Extremism: A Psychological Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 2024. P. 141–165.

ственных отношений (оба эти плана неразрывны: личностно-общественные отношения реализуются при посредстве предметных)[1].

Следовательно, любые поведенческие акты, включая деструктивные, опосредованы не только внешними обстоятельствами, но и внутренней архитектурой личности, прежде всего системой ценностей, смысловых установок и нравственных регуляторов. Если исходить из принципа единства сознания и деятельности, сформулированного С. Л. Рубинштейном, то деструктивное поведение выступает как внешнее объективированное выражение своеобразия личности, внутреннее содержание которого свидетельствует о дефектах сферы побуждения и регуляции активности. В такой трактовке деструктивные действия, нацеленные на поражение себя, своего окружения или социальных структур следует рассматривать не в качестве импульсивных, случайных или неосознаваемых побуждений.

В этом смысле деструктивное поведение становится «слепком» интрапсихической реальности: повторяясь в разных ситуациях, оно обнаруживает не столько свойства среды, сколько типичные способы взаимодействия с миром, характерные для данного субъекта. Они выражают стремление субъекта деструктивного поведения к достижению результата, которое помимо разрушения обладало бы и социальным значением.

Таким образом, по анализу поведения можно диагностировать степень искажения внутренней структуры личности, в т. ч., ее доминирующие мотивы, степень зрелости, наличие или отсутствие деструктивных диспозиций. В этом случае следует принимать во внимание существование деструктивности как свойства личности[2] — индивидуально-психологическом феномене, формирующемся в процессе социализации в виде комплекса личностных особенностей, приводящих к поведению, связанному с разрушением себя или окружающих объектов.

Закономерно полагать, что помимо социально-психологического контекста деструктивного поведения может существовать и клинический. В таком случае наличие побуждения к осуществлению деструктивного действия может свидетельствовать об определенных наруше-

[1] См.: Рубинштейн С. Л. Указ. соч.

[2] См.: Злоказов К. В., Прядеин В. П. Деструктивность личности…

ниях функционирования психики. В этом случае деструктивное поведение указывает на патологический процесс разрушения структуры личностно-социальной сферы или ее отдельных элементов. Соответственно, необходимо учитывать, что каждый последующий эпизод деструктивного поведения неразрывно связан с предыдущим и отражает нарушения личностного и социального спектра.

Особое значение для понимания причин формирования деструктивного поведения и его проявлений имеет изучение деструктивности криминогенной личности. Криминогенная личность, как психологическое образование, представляющее собой совокупность свойств, побуждающих к антиобщественному поведению, характеризуется направленностью на совершение правонарушений и преступлений. Проявление деструктивности повышает общественную опасность поведения криминогенных лиц, снижает возможности их ресоциализации и реинтеграции в общество. В этой связи, объяснение генеза и условий деструктивности криминогенной личности повышает возможности институтов общества по предупреждению и профилактике не только деструктивности но и криминогенности. Поэтому следующая глава настоящей монографии посвящена ревизии двух наиболее влиятельных подходов к рассмотрению условий формирования деструктивности — социальному и антропологическому.

ГЛАВА 2
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

2.1. Социальная обусловленность деструктивного поведения криминогенной личности

Предпосылки возникновения социальной обусловленности деструктивного поведения мы можем увидеть в философских учениях Античности. Тем не менее, акцентирование внимания на проблеме разрушительной активности личности произошло на рубеже XIX начале XX веков. Причин этому было несколько. Во-первых, происходящие исторические события продемонстрировали несостоятельность имеющихся теорий, объясняющих деструктивное поведение и его последствия. Несмотря на активное изучение феномена деструктивности, прогнозировать разрушительную направленность личности было невозможно. И примеров этому достаточно: революции, распространение наркотических и психотропных препаратов, войны, кризис духовности и т. д. Во-вторых, деструкции проникая в различные сферы жизни, обусловили рост преступности среди несовершеннолетних. Достаточно большой объем работ этого времени посвящен разработке концепции деструктивного поведения у подрастающего поколения и обосновании способов его профилактики. Среди ученных, занимавшихся данной проблематикой, необходимо отметить М. Я. Басова («Общие основы педологии»), П. П. Блонского («Педология»), М. Н. Гернета («Дети-преступники. Сборник статей с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей»), Н. С. Таганцева («Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и Проект законоположений об этом вопросе») и других. Предметным полем ученых стало определение лидирующего фактора формирования деструктивного поведения, а также психолого-педагогических механизмов его развития. Выражением общего мнения исследователей того времени стало предположение о том, что в основе деструктивного поведения лежит общество и социальные процессы,

демонстрирующие негативные модели человеческой активности. Все это обусловило появление социологизаторских теорий деструктивного поведения.

В исследовании «Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей» А. Кетле сформулировал социологические закономерности преступности. Он следующим образом обосновывал идею о социальной природе любой деструкции: «*Общество заключает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно <...> подготовляет преступление, а преступник есть только орудие*»[1].

Рассматривая преступные действия, как условия формирования деструктивного поведения, автор предлагает и другие характерные для него признаки. Так, автор показывает, что преступное поведение имеет некоторые закономерности развития, зависящие от социальных (например, безработица, уровень цен, обеспеченность жильем, войны, экономические кризисы, потребление алкоголя и наркотических препаратов), индивидуальных (пол, возраст, раса, психические и физические отклонения) и физических (климат, географическая среда, время года и др.) факторов. Кроме того, делинквентность обладает статистической регулярностью, а преступники отличаются специфическими физическими и психологическими признаками. Учитывая социальный характер деструктивности, уменьшить ее качественные показатели возможно только с помощью изменения общественных условий, как на микро, так и на макроуровне.

Подобной позиции по проблеме формирования преступного поведения придерживался и Г. Тард, утверждающим, что «порочными уже рождаются, но преступниками, наверное, делаются лишь впоследствии»[2]. Согласно его авторской точке зрения, большая роль в формировании преступной мотивации принадлежит семье. В данном контексте он отмечал следующее: «Не является секретом, что дети, выросшие в маргинальных семьях, в которых родители <...> применяют насилие по отношению к своим детям, не обладают высоким уровнем культуры

[1] Кетле А. Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики. Москва : RUGRAM, 2025. С. 6.

[2] Тард Г. Преступник и преступление. Москва : Алгоритм, 2016. С. 24.

и нравственности, совершают административные правонарушения. В будущем часть из них становится преступниками»[1].

Безусловно, влияние семьи имеет большое значение на формирование и закрепление устойчивых деструктивных моделей поведения у детей. Проводя исследование с семьями несовершеннолетних правонарушителей, В. В. Собольников доказал, что «значительный рост числа дисфункциональных семей (асоциальных, криминальных, конфликтных, неполных и др.), в которых разрушительный процесс трансформируется в деструктивную среду и приводит к деформации семейного взаимодействия, нарушению эмоциональной связи и искажению процесса социализации детей»[2]. Нарушение семейной социализации неизбежно способствует делинквентному поведению подрастающего поколения. Среди факторов, обусловливающих деструктивное поведение несовершеннолетних, Н. Н. Васягина называет такие, как «фрустрация детской потребности в нежной заботе и привязанности со стороны родителей», «физическая или психологическая жестокость или культ силы в семье», «чрезмерная стимуляция ребенка», «нежелательные личностные и поведенческие особенности родителей», «усвоение ребенком через научение в семье или в группе делинквентных ценностей» и некоторые другие[3].

Особую роль в процессе формирования деструктивного поведения в условиях семейного воспитания играет депривация. И. Ю. Блясова и Р. А. Литвак среди признаков депривированных подростков называют «индифферентное или пренебрежительное отношение к общечеловеческим ценностям; социально-правовой нигилизм, усвоение навыков асоциального поведения; отсутствие чувства вины за социальные последствия своих поступков; неустойчивое настроение со склонностью к раздражительности, конфликтам; склонность к индивидуальной и особенно групповой жестокости; выраженное чувство правомерности своего асоциального поведения и стремление к его оправданию или обвинению окружающих в его последствиях; повышенная

[1] Маслов В. А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 341.

[2] Собольников В. В. Деструктивная семья как фактор делинквентной социализации несовершеннолетних // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т. 5, № 5А. С. 25.

[3] Васягина Н. Н. Делинквентное поведение подростков: феноменология, причины, возможности профилактики // Вестник практической психологии образования. 2018. № 1-2 (54–55). С. 13–14.

подверженность влиянию взрослых правонарушителей или групповому воздействию; отсутствие интереса к познавательной деятельности, что обусловлено семейной и педагогической запущенностью»[1].

Среди наиболее часто встречающихся психологических особенностей заключенных, а значит лиц, с деструктивным поведением, Г. Тардом обозначены раздражительность, безжалостность и мстительность. Данные характеристики являются результатом образа жизни, который социолог образно описал следующим образом: «Посещайте дурное общество; дайте безгранично развиваться в вас гордости, суетности, зависти, злобе, лени; закройте ваше сердце для нежных чувств и открывайте его лишь для сильных ощущений; страдайте также, приучитесь с детства к побоям, к суровому обращению, к физическим мучениям; будьте равнодушны к злу, нечувствительны…»[2].

По мнению Г. Тарда, криминализация лиц в условиях социума достаточно быстротечна и имеет определенную последовательность. После совершения противоправных действий преступник испытывает эгоизм и гордость («чудовищный эгоизм, так же, как и страшная гордость, отличающие преступника, гораздо скорее, быть может, являются следствием, чем источником их преступления»[3]), затем снижается уровень эмпатии («сухость сердца, нечувствительность по отношению к этой толпе, от которой человек отделяется»[4]), формирование личностной и социальной безответственности («по мере того как прогрессирует чувство полного разрыва с толпой, проистекает и отсутствие угрызений совести. Потому что в силу наших принципов, считая себя существом другой породы, преступник должен считать себя безответственным»[5]), заключительным этапом является уход в криминальную сферу («питает в себе все увеличивающуюся веру в свою отчужденность и вскоре в свое превосходство»[6]).

Базовыми механизмами формирования устойчивых форм криминогенного и деструктивного поведения человека, согласно Г. Тарду, являются подражание и повторение. Подражание позволяет усваивать

---

[1] Блясова И. Ю., Литвак Р. А. Субъектно-депривационный подход к проблеме предупреждения девиантного поведения подростков // Науковедение : интернет-журнал. 2014. Вып. 2. С. 3–4.

[2] Тард Г. Указ. соч. С. 23.

[3] Там же. С. 27.

[4] Там же. С. 28.

[5] Там же.

[6] Там же.

социальные нормы и требования в то время, как повторение, способствует закреплению данных категорий. Относительно подражания он пишет, что «преступник подражает другим всегда, даже тогда, когда он изобретает, то есть с пользой для себя комбинирует подражания различного происхождения; он всегда чувствует потребность во вдохновении примером и одобрением группы людей, будь то группа предков или товарищей, откуда и вытекает двойственность преступления-обычая и преступления-моды»[1]. Вместе с тем закрепление деструктивного поведения посредством повторения обусловлено формированием привычки, устойчивых мыслительных схем и убеждений, социальным подкреплением, а также физиологическими изменениями, вызванными нарушением деятельности мозговых структур и нервной системы в целом. Именно поэтому деструктивное поведение «всегда является исключением, оно представляется уродством, живое сознание которого налагает свое клеймо на моральную природу человека и даже затрагивает его физическую природу»[2].

Интенсивное развитие всех сфер жизни привело к появлению в 1893 году теории аномии, автором которой стал Э. Дюркгейм. В работе «О разделении общественного труда», он доказывает, что для развития общества необходимо дифференцирование труда, констатируя при этом, что «для всякого очевидно, что оно существует и все больше становится одной из фундаментальных основ общественного строя»[3]. Благодаря разделению труда общество становится более структурированным и эффективным, что дает возможность достичь уровня социальной сплоченности. В случае несогласия человека с нормами, ценностями и традициями социума возникает аномия или «общее состояние дезорганизации»[4]. Иными словами, аномия — это «состояние социальной дезорганизации (социального вакуума), когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились»[5].

---

[1] Тард Г. Указ. соч. С. 37.

[2] Тард Г. Указ. соч. С. 16.

[3] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / перевод с французского А. Б. Гофмана. Москва : Канон, 1996. С. 49.

[4] Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр., под ред. В. А. Базарова. Москва : Мысль, 1994. С. 127.

[5] Там же. С. 314.

Проводя глубокий исторический анализ самоубийств, социолог приходит к выводу о том, что в большинстве случаев потребность покончить с собой связана с социокультурными факторами, а не медицинскими или психическими, как считалось ранее. Особенно здесь выделяется суицид в аутоагрессивной форме, как специфический деструктивный феномен. Ю. М. Антонян конкретизируя данное положение, замечает следующее: «То, что человек покушается на себя, а не кого-нибудь иного, значения не имеет для определения его действий как агрессивных»[1].

Предложенная Э. Дюркгеймом типология самоубийств полностью основана на актуализации социального контекста и его роли в совершении деструктивного поведения. Так, например, в основе эгоистических самоубийств находится оторванность от социума и «чем сильнее ослабевают внутренние связи той группы, к которой принадлежит индивид, тем меньше он от нее зависит и тем больше в своем поведении он будет руководствоваться соображениями своего личного интереса»[2]. Альтруистические самоубийства, наоборот, связаны с желанием человека пожертвовать собой ради социума. По мнению Э. Дюркгейма, «характерным для данного типа самоубийства является то обстоятельство, что оно совершается во имя долга, то и в самой терминологии должна быть оттенена эта его особенность»[3]. Следующий вид самоубийств, аномические, совершаются во время социально-экономической нестабильности, когда ценностные ориентиры и смыслы человека потеряны, а общество не может предложить им замену. Данный вид самоубийства «определяется беспорядочной, неурегулированной человеческой деятельностью и сопутствующими ей страданиями»[4].

Определяя социальный характер суицидального поведения, Э. Дюркгейм соотносил его с преобладанием в структуре личности разрушительных тенденций, отмечая тесную взаимосвязь между дезорганизацией общества и ростом негативных последствий. Во-первых, одной из характеристик аномичного состояния является неопределенность или отсутствие общепринятых моделей поведения. В подобной ситуации возникает проблема оценки социально приемлемого поведения,

---

[1] Антонян Ю. М. Указ. соч. С. 19.

[2] [2] Дюркгейм Э. Самоубийство… С. 100.

[3] Там же. С. 107.

[4] Там же. С. 130.

а значит, снижается эффективность контроля над преступностью и ее разрушительной мотивацией. Во-вторых, в обществе с низким уровнем сплоченности увеличивается вероятность совершения преступлений по причине ослабления социального контроля. В-третьих, потеря уверенности в будущем и ощущение беспомощности приводят к снижению ответственности за собственные поступки, что способствует увеличению качественного и количественного показателя деструктивных деяний.

Продолжает развивать идеи Э. Дюркгейма американский социолог К. Мертон. Он разработал концепцию структурной аномии, объясняющей общественные причины девиантного поведения человека. По мнению ученого, «большая часть отклонений от институциональных требований является результатом глубинных, вызванных культурой мотиваций, которые не могут быть удовлетворены среди социальных слоев с ограниченными возможностями»[1]. В зависимости от типов реакций индивидов на несоответствие культурных ценностей и социальных возможностей он выделил следующие варианты приспособления. Наиболее распространенной стратегией приспособления является конформизм, предполагающий адаптацию «как к культурным целям, так и к институционализированным средствам»[2]. Люди, предпочитающие данный вид приспособления, стремятся достичь общепринятых ценностей законными способами. Именно благодаря конформизму в социуме поддерживается порядок и стабильность, поэтому оно не является девиантным в прямом смысле этого слова. Скорее наоборот, мотивация на социальный конформизм обусловлена осмыслением своего поведения в контексте «быть, как все», а значит, и «быть вместе со всеми».

Стратегия инновации «возникает, когда индивид усвоил культурное акцентирование цели, не интернализировав при этом в равной степени институциональные нормы, регулирующие пути и средства ее достижения»[3]. Человек, с данным типом приспособления, признает социальные цели, но прибегает к незаконным способам их достижения, что может характеризовать его поведение как пограничное. В качестве примера Р. Мертон приводит стремление к богатству через коррупционные

[1] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва : АСТ, 2006. С. 232.
[2] Там же. С. 256.
[3] Там же. С. 257.

и мошеннические преступления, что позволяет говорить о преобладании деструктивной направленности личности в целом. Однако для достижения своей цели они используют новые стратегии и механизмы, принятые в данной культуре цели, которые в дальнейшем могут войти в разряд законных.

Следующий вид приспособления — ритуализм, который чаще всего используется при определении социального статуса человека в соответствии с его достижениями. Социолог обозначает характерные признаки такого человека: «индивид отвергает культурное обязательство, пытается «обогнать весь мир», хотя он ужимает горизонты своих устремлений, он продолжает при этом едва ли не с маниакальной навязчивостью соблюдать институциональные нормы»[1]. Соблюдение норм и требований социальной среды у таких личностей возводится в абсолют, даже при условии невозможности достижения поставленных целей. Как правило, представители этого типа отказываются от позитивного творчества, насаждая однообразие и посредственность в различные виды деятельности. Такая монотонность всех сфер жизнедеятельности личности может способствовать появлению и реализации деструктивного поведения.

По мнению исследователя, в меньшей степени встречается в обществе такой вид приспособления, как бегство. Р. Мертон констатирует, что «люди, которые приспособились (или неадекватно приспособились) таким образом, строго говоря, находятся в обществе, но при этом ему не принадлежат»[2]. Они отвергают как сами цели, так и законные пути их достижения. Таких людей Р. Мертон называл «фиктивными членами общества» и считал, что в данную категорию входят бездомные, хронические алкоголики, наркоманы и бродяги. Деструктивный характер поведения данных категорий людей, с точки зрения автора, заключается в том, что они «могут тяготеть к центрам, где они будут вступать в контакт с другими девиантами, и даже доходить до участия в субкультуре этих девиантных групп»[3]. Таким образом, люди постепенно маргинализируются, и создаются преступные сообщества.

По сути, наиболее деструктивным типом приспособления выступает мятеж. Как указывает Р. Мертон, «мятеж заключает в себе подлинную

[1] Мертон Р. Указ. соч. С. 268.
[2] Там же. С. 272.
[3] Там же. С. 275.

переоценку всех ценностей, когда прямое или косвенное переживание фрустрации приводит к полному обличению того, что прежде всего высоко ценилось»[1]. Данная стратегия несет на себе отпечаток радикализма, обусловленного перенапряжением социальной общности. Такие личности отвергают и культуру, и средства достижения целей, выдвигая новые социальные требования, и кардинально меняя существующий в обществе порядок.

Таким образом, теория структурной аномии Р. Мертона объясняет тесную взаимосвязь между социумом, культурными целями и средствами достижения данных целей как условия формирования разрушительной активности личности. Доказывая общественный характер деструктивного поведения, он указывал на отклонение или несоответствие данных категорий, что и вызывает реакцию личности в виде различного рода деструкций.

Модификацию теории аномии Р. Мертона предлагает в 1955 году американский социолог А. Коэн. Критически осмысляя потенциал аномии для объяснения делинквентного поведения, он приходит к мысли о наличии конфликта между общественными ценностями и возможностями индивидов достичь эти ценности законными средствами[2]. При этом доминирующие ценности социума толкают индивида на совершение деструктивных действий. Отождествляя деструктивность с деликвентностью, он вводит понятие «фрустрация статуса». Пытаясь социологически обосновать факторы возникновения преступности среди молодежи, он отмечает, что, во-первых, отсутствие равных возможностей, дискриминация или социальные препятствия не способствуют достижению желаемого статуса законным путем, что в итоге приводит к разочарованию и неудовлетворенности, провоцирующие проявление личностной и социальной деструктивности. Во-вторых, переживание состояния фрустрации неизбежно приводит к активному поиску альтернативных путей самовыражения и самоутверждения, которые зачастую идут в разрез с принятыми в социуме нормами и ценностями. Лица с нереализованными потребностями создают криминальные группы, в которых получают признание и желаемый статус. При этом делинквентную субкультуру он считает «коллективным

[1] Мертон Р. Указ. соч. С. 276.

[2] См.: Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. 1965. С. 519–550.

решением проблемы статуса»[1]. В-третьих, внутри подобных субкультурных групп имеет специфическая иерархия и система ценностей, позволяющая ей приобрести функцию референтной. В связи с чем, совер-шаемые преступные деяния представителей таких групп несут двойной характер: с одной стороны, получение материальных благ, а с другой, подтверждение своего внутригруппового статуса. По мнению автора, в большей степени подвержены состоянию фрустрации статуса молодые люди из низших и частично средних слоев общества, т. к. возможности достижения успеха у них существенно ограничены. Позднее М. Фридмен однозначно выскажется на этот счет, указывая, что «…популярное объяснение преступности — бедность и неравенство»[2].

Попытка объяснить деструктивное поведение через анализ обычного, свойственного человеку способа научения чему-либо в социуме, предпринята в рамках теории дифференцированной ассоциации. Американский социолог и криминолог Э. Сазерленд констатирует, что преступное, а значит, и деструктивное поведение возникает вследствие дифференцированных связей и контактов в микросреде, в которой личность обучается делинквентному поведению[3]. Научение индивида противоправному поведению в таких группах предполагает рационализацию и формирование соответствующего преступной группе мировоззрения. Усвоив криминогенные взгляды, привычки и умения членов группы, человек легко идет на нарушение закона и совершение преступления. В своем исследовании Д.Р. Крэсси уточняет теорию Э. Сазерленда, говоря, что «когда люди становятся преступниками, это происходит потому, что они соприкасаются с преступным образом поведения, а также потому, что они оказываются изолированными от воздействия антипреступного образа поведения <…> Они становятся преступниками в силу переизбытка у них подобного рода «связей» по сравнению с теми «связями», которые у них имеются с антипреступным образом поведения»[4]. Таким образом, это усвоенное поведение представляет специфический общественный феномен. В данном контексте уровень и качество преступности могут рассматриваться как

---

[1] Коэн А. Указ. соч. С. 521.

[2] Фридмен М. Тирания статус-кво // Экономическая теория преступлений и наказаний. 1999. Вып. 1. С. 99.

[3] См.: Sutherland E. H. Principles of Criminology. / Rev. by Donald R. Cressey. 6th ed. Chicago etc. : Lippincott, Cop., 1960. 646 p.

[4] Там же. С. 91–92.

симптомы социальной дезорганизации общества. Именно поэтому для успешной профилактики деструктивности необходимо изменение социальной организации, а не воздействия на отдельно взятую личность.

Исходные постулаты теории дифференцированной ассоциации были сформулированы Э. Сазерлендом в следующих тезисах[1]. Делинквентное поведение является результатом социального научения и коммуникаций. Интенсивность девиантных интеракций влияет не только на способы совершения преступлений, но и в большей степени на мотивацию противоправного поведения и отношение человека к преступным деяниям. При этом имеющаяся в обществе законодательная база устанавливает обязательные нормы для поведения человека, однако девиантное окружение приветствует их нарушение, формируя криминальные ценности, установки и убеждения. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что человек становится делинквентом, если установки на нарушение закона преобладают над установками на его соблюдение. В то же время криминальные модели поведения в жизни встречаются гораздо чаще, и у индивида устанавливается более тесная взаимосвязь с такими лицами, у которых он перенимает криминогенные взгляды и умения. В этом и заключается принцип дифференцированных ассоциаций или связей, позволяющий обосновать формирование деструктивного поведения влиянием негативной социальной среды.

Систематическая реализация человеком делинквентного поведения приводит к формированию устойчивых отрицательных ярлыков или стигматизации. По мнению Т. П. Липай и А. К. Магомедова, стигматизация представляет «социальный атрибут человека (группы), формируемый внешней социальной средой, в которой происходит действие»[2]. Появление феномена стигматизации в историческом ракурсе свидетельствует о попытках социума дифференцировать лиц, отличающихся высоким уровнем девиантности и деструктивности. Особенно следует выделить активность исследователей XX века в разработке теории стигматизации. Так, в 1938 году Ф. Танненбаум презентовал теорию «драматизации зла», в рамках которой рассматривалось соотношение между преступным поведением индивида и общества в целом. Возникающее противоречие обусловлено разногласием

[1] Sutherland E. H. Op. Cit.

[2] См.: Липай Т. П., Магомедов А. К. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика : [сетевое издание]. 2011. № 1. С. 7. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16367858.

в системе личностных и социальных ценностей, результатом чего является формирование негативного отношения к поступкам и действиям человека. Все это способствует дальнейшему участию в деликтах. Проводя системный анализ феномена стигматизации, он приходит к выводу о том, что «с точки зрения общества, человек, который привык делать плохо, <...> определяется обществом как «плохой» и сам не верит, что он может быть хорошим <...> Процесс создания преступника, следовательно, это процесс клеймения, определения, сегрегации, описания, усиления, осознания и самосознания...»[1]. Таким образом, сущность теории «драматизации зла» заключается в негативном и чрезмерном восприятии обществом действий и поступков людей. В качестве наиболее яркого примера он приводит следующий: «многие общественно опасные деяния совершаются подростками как шалость, а воспринимаются окружающими как проявление злой воли и оцениваются как преступления»[2]. Именно подобным способом и появляются социальные ярлыки, детерминирующие деструктивное поведение индивида.

Продолжая развивать идеи Ф. Танненбаума, Э. М. Лемерт говорит о количественном и качественном увеличении выраженности делинквентного поведения в ситуации навешивания ярлыков[3]. Такие стигмы он называет социопатическими, показывая таким образом их тесную взаимосвязь с патологическими отклонениями, как социального, так и психического характера. Для того чтобы дифференцировать степени нарушения социальной нормы он вводит понятия «первичного» и «вторичного» отклонения. Первичное отклонение возникает вследствие случайных нарушений. При этом постепенно формируется репутация, которая вынуждает индивида придерживаться девиантной роли. Вторичные отклонения отражают результат стигматизации, что и приводит к закреплению девиантного статуса с устойчивыми деструктивными моделями поведения.

Считая, что девиантность — это «результат процесса, включающего реакции окружающих на данное поведение», Г. С. Беккер отдавал ведущую роль в категоризации отклонений именно социальным группам,

---

[1] Комлев Ю. Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 7.

[2] Там же. С. 8.

[3] См.: Lemert E. M. Social pathology: a systematic approach to the theory of sociopathic behaviour. New York : McGraw-Hill, 1951.

которые создают и реализуют значимые для нее нормы и требования[1]. Между тем, деструктивными последствиями негативной стигматизации являются дискриминация или социальное отторжение человека от общества. Оценивая поступок или ряд поступков личности в плоскости «норма-отклонение» имеющихся в обществе стереотипных представлений, социум подталкивает человека к совершению новых противоправных действий. Такие действия зачастую носят разрушительный характер, как для самого индивида, так и для социума в целом. В связи с чем этот процесс носит двунаправленный характер: с одной стороны, «отклонение от нормы воспринимается окружающими как девиация и влечет за собой стигматизацию»[2], но, с другой, навешивание ярлыков детерминирует деструктивное поведение человека, который переживает состояние безысходности и фрустрации. Как справедливо замечает в данном контексте Ю. Л. Сироткин, именно «навешивание ярлыков приводит к вторичной девиации и приобретению девиантным поведением устойчивых форм»[3]. Подобной позиции придерживается и Ю. Ю. Комлев, утверждая, что клеймение – «ответ индивида на стигматизацию, что ведет ко вторичному отклонению, в ходе чего формируются девиантная идентичность и карьера»[4]. С представленными авторскими позициями трудно не согласиться в связи с тем, что стигма устанавливает границы изоляции для субъекта и обусловливает его переход в деструктивную субкультуру. При этом интериоризация девиантных норм и ценностей становится механизмом, позволяющим пережить динамику социального статуса, справиться с негативными эмоциями и чувствами, войти в референтную группу, которая сможет оказать поддержку и обеспечит ролевую определенность. Обобщая вышесказанное, отметим, что социокультурная среда способствует формированию устойчивой модели деструктивного поведения личности через стигматизацию.

Свое видение формированию деструктивного поведения в условиях социальной среды предлагают представители теории культурных схем. Американский антрополог К. Гирц утверждал, что культура

---

[1] Беккер Г. С. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. Москва : Элементарные формы, 2018. С. 34.

[2] Там же. С. 14.

[3] Сироткин Ю. Л. Стигматизация как социокультурный феномен // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 101.

[4] Комлев Ю. Ю. Указ. соч. С. 7.

состоит из системно организованных символов и смыслов. Включенные в мифы, ритуалы, искусство и обычаи «ценности изображаются не как субъективные человеческие предпочтения, а как данные свыше условия для жизни, заложенные в устроенном определенным образом реальном мире»[1]. Следовательно, с позиции ученого, символизм транслирует определенные значения и способствуют формированию индивидуального и коллективного мировоззрения. Каждый индивид интерпретирует окружающий мир через призму своей культуры. Формирование смыслов происходит под влиянием коллективных представлений и традиций. Вследствие чего культура выступает базовым инструментом для понимания и объяснения действительности. Через усвоение культурных образцов и значений индивид идентифицирует себя с какой-либо группой, не всегда положительно направленной.

Вместе с тем, как констатирует К. Гирц, «если человек сталкивается с тем, что его аппарат объяснения — т. е. комплекс усвоенных культурных моделей (здравого смысла, науки, философии, мифа), необходимых для ориентировки в эмпирическом мире, — каждый раз дает сбой при попытке объяснить вещи, настоятельно требующие объяснения, то это может привести к глубокому беспокойству; причем данная тенденция является еще более распространенной (а указанное беспокойство — еще более глубоким), чем мы иногда полагали»[2]. Результатом такого внутреннего диссонанса становится конфликт ценностей, создающий условия для развития эмоционального напряжения, приводящего к саморазрушительным реакциям (например, депрессии или употреблению психически активных веществ). Данную ситуацию усугубляют и присутствующие в обществе образцы разрушительного поведения, с течением времени становящиеся привычными и не вызывающие негативной реакции со стороны общественности. Таким образом, происходит формирование деструктивной модели поведения личности.

Немецкий психолог Х. Хекхаузен, оставаясь в русле теории культурных схем, замечает, что «нормы, а тем самым типы и частота форм поведения задаются культурой»[3]. Изучая мотивацию агрессии, он обозначает несколько значимых для понимания деструктивности постулатов.

---

[1] Гирц К. Интерпретация культур / перев. с англ. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 155.

[2] Там же. С. 118.

[3] Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Санкт-Петербург : Питер, 2003. С. 272.

Во-первых, личность способна самостоятельно и вполне осознанно выбирать ту модель поведения, которая приводит его к деструкции и аутодеструкции в т. ч. это во многом обусловлено наличием у нее нерешенных внутриличностных конфликтов, неудовлетворенностью жизненным сценарием, преобладанием фрустрационных тенденций и субъективными переживаниями безысходности.

Во-вторых, в формировании деструктивных моделей поведения большое значение имеет социальная среда, а именно условия воспитания, общественные нормы и традиции, а также негативное давление со стороны окружающих.

В-третьих, как было сказано выше, в силу имеющегося длительного неразрешенного внутриличностного конфликта у индивида возникает потребность подавления негативных эмоций и болезненных переживаний путем реализации разрушительной активности.

Важно отметить, что такое представление о взаимодействии личных и социальных факторов в процессе реализации деструктивного поведения позволило автору выделить три типа такого поведения. В рамках первого типа деструктивное поведение детерминировано низкой самооценкой индивида, что сопровождается переживанием чувства неполноценности. В результате чего происходит компенсация данного недостатка через активное применение агрессии по отношению к себе или окружающим лицам. Очевидно, что низкая самооценка может быть результатом не только личных неудач, но влияния близких значимых людей. В таком случае формируется устойчивая модель аутодеструкции с лидированием демонстративных поведенческих форм и унижением других. Второй тип деструктивного поведения вызван недостаточностью или депривацией эмоциональной поддержки со стороны референтных лиц. Возникающий вследствие этого внутриличностный конфликт неизбежно приводит к внешней и внутренней агрессии, предпочтению поведенческих деликтов и жестокости. Деструктивное поведение как реакцию на фрустрацию потребностей была представлена ранее. Однако Х. Хекхаузен полагает, что такой вид индивидуальной активности зачастую сопровождается непосредственным и сиюминутным удовлетворением собственных амбиций, преодолевая встающие на пути препятствия физически и в большинстве случаев агрессивно[1]. Итогом такого поведения является полный отказ от конструктивных

[1] См.: Хекхаузен Х. Указ. соч.

способов решения проблемы и однозначный выбор разрушительных стратегий в повседневной жизни.

Следует заметить, что большинство проблемных вопросов деструктивности рассматривались в исследованиях представителей Франкфуртской школы. Так, в работе М. Хоркхаймера и Т. В. Адорно «Диалектика Просвещения», вышедшей в 1947 году, обосновывается деструктивность эпохи Просвещения и цивилизации в целом, а также негативное влияние рассматриваемого периода на индивида. Авторы видят катастрофичность происходящего в сущности природы человека, утверждая, что «со времен своего возникновения биологический вид человек всегда демонстрировал себя всем остальным в качестве эволюционно самого развитого и потому как самую страшную разрушительную силу…»[1]. Противопоставляя себя окружающему миру и природе, самосохранение индивида становится возможным через реализацию деструкцию. Однако, разрушение неизбежно приводит к появлению чего-то нового. Вследствие чего философы приходят к выводу об объективности и необходимости деструкции, а также двойственности ее содержания. Негативную сторону разрушительности можно увидеть в тоталитарных режимах, однако здесь же можно обнаружить и положительный аспект, который заключается в детальном изучении механизмов управления и воздействия социума на человека, живущего в подобных условиях.

Рассматривая деструктивность в широком контексте, М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно выделяют функции деструктивности, которые имеют непосредственное отношение к человеку. Во-первых, деструктивность способствует подчинению человека и потере ее естественной свободы. Чем дальше человек отдаляется от природы, тем больше он становится зависим от общества. Поясняя данную функцию, они утверждают, что «единственно чему хотят научиться люди у природы, так это тому, как ее использовать для того, чтобы полностью поработить и ее, и человека»[2]. Во-вторых, деструктивность направлена на изменение традиционного строя, и поэтому она зачастую становится неуправляемым и неизбежным процессом. Характеристика второй функции, по мнению авторов, выглядит следующим образом: «Безудержное

[1] Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. Москва : Медиум, 1997. С. 235.

[2] Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Указ. соч. С. 19.

саморазрушение Просвещения вынуждает мышление избавить себя даже от последних остатков простодушной доверчивости по отношению к обычаям и тенденциям эпохи и ее духа»[1].

Продолжает тему социальной деструкции немецкий и американский философ и социологи Г. Маркузе. Находясь под влиянием идей З. Фрейда, он анализирует характеристики феномена социальной деструкции в системе Эрос-Танатос. Автор приходит к мысли об универсальности деструкции, доказывая, что «страдание, насилие и разрушение суть категории как природной, так и человеческой действительности, беспощадного и бессердечного мира»[2]. Применительно к человеку деструктивное поведение отождествляется с инстинктами, которые «беспрепятственно преследующие свои цели, несовместимы с любыми продолжительными объединениями ради самосохранения: они разрушают даже там, где соединяют»[3]. Естественность деструктивного начала, по мнению философа, связана с тем, что «сила деструктивности должна стремиться вырваться из-под власти сублимации, ибо ее цель — не материя, не природа или какой-либо другой объект, но сама жизнь»[4]. Декларируя неизбежность социальной деструкции, он обосновывает необходимость разрушительных действий для созидания нового.

Говоря о социальной детерминации деструктивного поведения, нельзя не отметить работу выдающегося немецкого социолога и психолога Э. Фромма. Именно он заложил прочную основу для изучения феномена социальной деструктивности, системный анализ которого отражен в фундаментальном труде «Анатомия человеческой деструктивности», вышедшем в 1973 году. Он понимает под деструктивностью «специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать (злокачественная агрессия)»[5].

Проводя детальный анализ работ К. Лоренца, автор приходит к выводу о существовании двух видов агрессии. Первый вид связан с реализацией инстинкта самосохранения и возникает в ситуации

---

[1] Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Указ. соч.С. 9.

[2] Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / перев. с англ. А. А. Юдина. Москва : АСТ, 2003. С. 497.

[3] Там же. С. 16.

[4] Там же. С. 80.

[5] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва : АСТ, 2015. С. 17.

угрозы жизни. Э. Фромм характеризует ее следующим образом: «эта оборонительная, «доброкачественная» агрессия служит делу выживания индивида и рода; она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность»[1]. Второй вид агрессии автором назван «злокачественной», представляющей «деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и практически отсутствуют у других млекопитающих; она не имеет филогенетической программы, не служит биологическому приспособлению и не имеет никакой цели»[2]. К формам злокачественной агрессии он относит садизм и некрофилию.

По мнению Э. Фромма, деструктивность является проблемой не только конкретного человека, ее реализующего, но в большей степени и общества в целом. Особое внимания в данном контексте заслуживают размышления психолога о специфике разрушительного поведения и его происхождении. Во-первых, Э. Фромма как психолога интересуют причины, обусловливающие интенсивность появления и проявления деструктивного импульса. Расширяя направление своих научных поисков, он отмечает, что «в основе злокачественной агрессивности не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека»[3]. Во-вторых, психолог говорит, что «эти импульсы могут быть осознанными, но в большинстве случаев они не осознанны»[4]. В-третьих, деструктивное поведение является частью личности, а значит, оно представляет собой устойчивую модель поведения. Доказывая, Э. Фромм констатирует следующее: «деструктивность и жестокость — это не инстинктивные влечения, а страсти, которые корнями уходят в целостную структуру человеческого бытия»[5]. Таким образом, демонстрируя взаимообусловленность деструктивности и жизнедеятельности индивида, автор приходит к выводу о социальной обусловленности разрушительной активности.

В своей работе «Бегство от свободы» Э. Фромм наглядно показал, что современное общество в большинстве случаев подавляет индивидуальность, свободу и автономию индивида, детерминируя развитие таких разрушительных форм поведения, как отчужденность и агрессивность. Безусловно, подобная специфика современного общества порождает патологические способы разрешения личностного кризиса,

---

[1] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности... С. 23–24.
[2] Там же. С. 24.
[3] Там же. С. 243.
[4] Там же. С. 27.
[5] Там же. С. 109.

что в итоге и приводит к деструкции. Не случайно, именно в обозначенной выше работе, он детально описывает три формы деструктивности, а именно авторитаризм, разрушительность и автоматизирующий конформизм.

Для человека с авторитарным формой деструктивности свойственно то, что он «восхищается властью и хочет подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему»[1]. Чрезмерная склонность подчиняться власти или доминировать над слабыми являются значимыми факторами для формирования разрушительной активности индивида. Противоречивость личности с данной формой заключается в наличии «тенденции сопротивляться власти и отвергать любое влияние «сверху»[2]. Безусловно, возникающий в результате подобной ситуации внутриличностный конфликт, усиливает деструктивную направленность и в критические периоды может привести к суицидальным попыткам.

Деструктивность проявляется в неудержимой тяге индивида к насилию и жестокости. Несмотря на то, что «в подсознании существует какая-то сила, заставляющая их чувствовать себя неполноценными или незначительными», они переносят возникающее у них состояние на внешние объекты, пытаясь заставить страдать других[3]. Вместе с тем, по мнению Э. Фромма, целью разрушительности является «не активный или пассивный симбиоз, а уничтожение, устранение объекта»[4]. Субъективно переживая данное состояние, человек воспринимает данную ситуацию как угрозу и действует по принципу: «Разрушить мир — это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру разрушить меня»[5]. При этом автор отмечает и формы рационализации деструктивного поведения, отнеся к ним любовь, долг, совесть и патриотизм.

Автоматизирующий конформизм, с точки зрения Э. Фромма, проявляется в том, что «индивид перестает быть собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть»[6]. Относительно данной формы деструктивности он отмечает, что подобное поведение связано с необходимостью «действовать именно так, и он сам считает своим долгом подчиняться

---

[1] Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Москва : АСТ, 2006. С. 173.
[2] Там же. С. 178.
[3] Там же. С. 152.
[4] Там же. С. 187.
[5] Там же. С. 188.
[6] Там же. С. 194.

приказу»[1]. Результат такой специфической формы социального приспособления выглядит следующим образом: «индивид превращается в робота, теряет себя, но при этом убежден, что он свободен и подвластен лишь собственной воле»[2]. Вместе с тем автор продолжает: «отказавшись от собственного Я и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги. Однако за это приходится платить утратой своей личности»[3].

В работе «Человек для себя» Э. Фромм было характеризует человека как максимально социальное существо, а значит его действия и поступки имеют внешнюю общественную детерминацию. Одним из значимых индикаторов «социальности» человека выступает его характер. Для обоснования своей авторской позиции он предлагает следующее определение данному понятию: «это относительно постоянная система всех неинстинктивных влечений (стремлений и интересов), которые связывают человека с социальным и природным миром»[4]. Продолжая размышлять, он утверждает, что «в социальный характер входит лишь та совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни.

Следует подчеркнуть, что, согласно автору, социальный характер формируется под влиянием культурных норм, ценностей общества и взаимоотношений. В то же время, как считает психолог, в современном мире «личные отношения между людьми приобрели тот же характер отчуждения; вместо человеческих отношений они стали напоминать отношения вещей»[5]. Таким образом, возникает отчуждение «когда личность теряет связь с собой и окружающим миром. Отчуждение проявляется в чувстве одиночества, бессмысленности существования и невозможности выразить свою истинную природу»[6]. Отчуждение представляет собой один из негативных вариантов личностного развития и зачастую проявляется в форме деструктивных поступков.

Исследуя природу человеческого характера, Э. Фромм предлагает классификацию типов социального характера, приводящие к формированию деструктивных поведенческих паттернов. Такие типа характера он назвал «неплодотворными», а, по сути, разрушительными. Деструктивное

---

[1] Фромм Э. Бегство от свободы... С. 268.
[2] Там же. С. 245.
[3] Там же. С. 194.
[4] Там же. С. 295.
[5] Там же. С. 130.
[6] Там же. С. 304.

начало рыночного типа социального характера, как считает Э. Фромм, обусловлено искажением ценностной сферы личности и проявляется в «превосходстве меновой ценности над полезной»[1]. Восприятие личности другого как товар, который можно продать или выгодно обменять, способствует становлению устойчивой тенденции использования других людей для достижения своих зачастую эгоистичных целей. В тоже время, «если человек чувствует, что его ценность определяется не его человеческими качествами, а успехом в рыночной конкуренции с ее постоянно меняющимися условиями, его самооценка непременно будет шаткой и постоянно будет нуждаться в подтверждении со стороны других людей»[2] Ожидание внешней поддержки и ориентация на социальное окружение ставит человека в зависимую позицию по отношению к реализуемой роли, которая не всегда отражает личностную идентичность, но во многом разрушает индивидуальное начало.

Социальный характер по типу эксплуататорской ориентации Э. Фромм характеризует следующим образом: «имеет в качестве основной предпосылки ощущение, что источник всех благ находится вовне и ничего нельзя создать самому»[3]. Руководствуясь принципом «краденый плод — самый сладкий», они оценивают каждого человека с точки зрения его полезности и рассматривают его как объект эксплуатации. Такие люди отличаются враждебностью, лидированием манипулятивных действий, подозрительностью, цинизмом, завистью и ревностью. Данные психологические особенности представляют набор черт, свойственных деструктивной личности. Вместе с тем, как утверждает Э. Фромм: «Поскольку они удовлетворяются только вещами, которые могут отнять у других, они склонны переоценивать то, что принадлежит другим, и недооценивать свое собственное»[4]. Это дает возможность говорить о разрушительной направленности человека с эксплуататорским типом социального характера.

Рецептивный социальный характер или рецептивная ориентаций проявляется в получении желаемого из внешнего источника. Представителей данного типа отличает зависимость и пассивность, а также неспособность самостоятельно делать что-либо. Э. Фромм дает им следующее описание: «мироощущение у людей рецептивной ориентации оптимистичное и дружелюбное; у них есть определенное доверие

[1] Фромм Э. Бегство от свободы... С. 380.
[2] Там же. С. 384.
[3] Там же. С. 375.
[4] Там же. С. 376.

к жизни и ее дарам, но они становятся тревожными и приходят в смятение, когда им грозит утрата «источника питания»[1]. Деструктивность данного типа социального характера заключается в преодолении состояний тревожности и подавленности путем реализации аддиктивного поведения (булимии и алкогольной зависимости). Однако, по мнению психолога, «у них часто есть искренняя сердечность и желание помочь другим, но делают они что-то для других также ради того, чтоб добиться их расположения»[2].

Стяжательский тип социального характера присущ лицам, которые подозрительны, упрямы, инертны, педантичны и сентиментальны. Они не питают иллюзий по поводу получения чего-то значимого для себя из внешнего источника, поэтому мотивированы на необходимость бережного и экономного отношения к объектам. Черты их характера также имеют деструктивную направленность, выраженную в потребности отстраниться от контакта с внешним миром и чрезмерной скупости, которая «распространяется как на деньги и материальные вещи, так и на чувства и мысли»[3]. Кроме того, разрушительные тенденции проявляются и в избыточной аккуратности. Э. Фромм так комментирует данную особенность: «внешний мир для него — это угроза вторжения в его оборонную позицию; аккуратность означает подчинение себе внешнего мира путем водворения его и удержания на надлежащем месте, чтоб избежать опасности вторжения»[4]. Данный тип социального характера тяготеет к прошлому, его отпугивает все новое.

Предложенные и подробно описанные Э. Фроммом типы характера отражают непродуктивные стратегии жизнедеятельности, вносящие деструктивное начало в структуру личности. Особенно следует подчеркнуть то, что социальный фактор заложил ученый в основу формирования, закрепления и реализации разрушительного поведения индивида. Однако, нельзя ограничивать представления о деструктивности только спецификой социального характера. Психолог говорил о влиянии экзистенциальных потребностей личности на формирование содержания разрушительного поведения. В частности, он утверждал, что «деструктивность возникает как возможная реакция на психические потребности, которые глубоко укоренились в человеческой жизни <...>

---

[1] Фромм Э. Бегство от свободы... С. 375.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 377.
[4] Там же. С. 377–378.

она — результат взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека»[1].

Подводя итоги, отметим что анализ социальных предпосылок деструктивного поведения криминогенной личности свидетельствует о сложности и взаимообусловленном влиянии комплекса факторов. Их описание осуществляется исследователями через призму различных методологических оптик, что позволяет выявить гетерогенную природу деструктивности. При этом социальная среда выступает катализатором и оформителем разрушительных тенденций индивида. Первые системные обоснования этой идеи были заложены А. Кетле, который рассматривал общество как инкубатор, подготавливающий почву для преступлений, где сам преступник является лишь орудием реализации заложенных в социуме противоречий. Эта мысль стала отправной точкой для понимания того, что изменение общественных условий является ключом к снижению уровня деструктивности.

На макросоциальном уровне теории аномии (Э. Дюркгейм) и структурной аномии (Р. Мертон) объясняют деструктивность как следствие рассогласования между провозглашаемыми обществом целями (например, богатство, успех) и легальными средствами их достижения, доступными для большинства. Состояние социальной дезорганизации, или «социального вакуума», когда старые нормы разрушены, а новые не сформировались, порождает аномические самоубийства и преступность. Р. Мертон выделил типы приспособления к этому противоречию: от конформизма до мятежа. Наиболее деструктивными являются инновация (достижение целей незаконными средствами), ритуализм (формальное соблюдение норм при утрате смысла), бегство (отказ от целей и средств, ведущий к маргинализации) и мятеж (попытка радикальной смены самой системы ценностей). А. Коэн развил эти идеи, введя понятие «фрустрации статуса», особенно актуальное для молодежи из низших слоев, которые, не имея возможности достичь признания законным путем, создают или вливаются в делинквентные субкультуры, где обретают альтернативный статус через противоправные действия.

Теория дифференцированной ассоциации Э. Сазерленда переносит акцент на микросреду, доказывая, что преступному поведению научаются в тесных группах. Человек становится делинквентом, если количество и интенсивность его контактов с носителями криминальных установок превосходит влияние сторонников закона. Этот процесс

[1] Фромм Э. Бегство от свободы... С. 283.

закрепляется через стигматизацию, описанную Ф. Танненбаумом, Э. М. Лемертом и Г. С. Беккером. Навешивание социальных ярлыков («преступник», «плохой») приводит к тому, что случайное (первичное) отклонение превращается в устойчивое (вторичное). Индивид принимает навязанную роль, его идентичность деформируется, и он вынужден искать поддержку в деструктивной субкультуре, что запускает порочный круг: общество своей реакцией само продуцирует то зло, которое пытается искоренить.

Культурные схемы и нормы, по мысли К. Гирца и Х. Хекхаузена, задают матрицу восприятия и поведения. Если культура транслирует образцы разрушения или если усвоенные индивидом смыслы вступают в конфликт с реальностью, возникает глубокий внутренний диссонанс, ведущий к саморазрушению или агрессии. Х. Хекхаузен показал, как фрустрация потребностей и отсутствие эмоциональной поддержки формируют устойчивую готовность к выбору деструктивных стратегий для снятия внутреннего напряжения и компенсации чувства неполноценности.

Важнейшим микросоциальным институтом, транслирующим социальные нормы или патологии личности, является семья. Исследования Г. Тарда, В. В. Собольникова и Н. Н. Васягиной показывают, что дисфункциональная семья, характеризующаяся жестокостью, культом силы, эмоциональной депривацией и асоциальными ценностями, формирует у ребенка деструктивные модели поведения как единственно возможные для выживания и адаптации. Депривация, особенно в детском возрасте, ведет к искажению социализации, усвоению криминальных навыков и формированию таких черт, как индифферентность к общечеловеческим ценностям, жестокость и отсутствие чувства вины. Г. Тард детально описал механизм криминализации, запускаемый социальным окружением: от подражания и формирования привычки к насилию — к эгоизму, омертвению сердца и, наконец, к полной самоидентификации с криминальным миром, где человек начинает считать себя существом «иной породы», не подчиняющимся общим законам. Механизмами здесь выступают подражание и повторение, которые закрепляют разрушительные паттерны на уровне привычки и убеждения.

Интегративный взгляд на деструктивность представлен в работах Э. Фромма, который, синтезируя клинические и психологические концепции, создал теорию социальной обусловленности «злокачественной агрессии». Он утверждал, что деструктивность коренится

не в инстинктах, а в самом характере человеческого существования, которое всегда социально.

Формируясь под давлением общества, социальный характер может принимать неплодотворные (деструктивные) формы: рецептивную (пассивное ожидание, ведущее к аддикциям), эксплуататорскую (использование других как объектов), стяжательскую (накопительство и отчуждение от мира) и рыночную (восприятие себя и других как товара). Эти типы характера являются прямым следствием отчуждения, царящего в современном обществе, где личные отношения заменяются вещными, а свобода оборачивается одиночеством. Деструктивность, таким образом, выступает как патологический способ справиться с давлением социума, восстановить утраченное чувство идентичности или отомстить миру за свою несостоятельность. Она является не биологическим роком, а социальным диагнозом, указывающим на глубинные болезни общественного организма.

В дополнение к выводам о социальной обусловленности деструктивного поведения представляется целесообразным обращение к антропологии деструктивности криминогенной личности, поскольку именно антропологический подход позволяет преодолеть возможную односторонность социально-детерминистских объяснений, показав особенности деструктивности, присущие криминогенной личности.

2.2. Антропологический подход к объяснению деструктивности криминогенной личности

Как уже отмечалось в параграфе 1.1. приоритет в разработке феноменологии деструктивности в полной мере принадлежит психоаналитическому направлению, представителями которого был предложен термин и даны первые научные объяснения необусловленного агрессивного отношения человека к себе и окружающим. Однако еще задолго до психологических исследований проблематика деструктивности личности подвергалась осмыслению.

Так, еще в антропологии Эмпедокла врожденной и бесцельной вражде, присущей личности, придавалось детерминирующее значение[1]. Именно она, по мнению философа является причиной настоящего порядка вещей во вселенной, а не Любовь, как полагали другие мыслители античности. Вся физика Эмпедокла строится на идее

[1] См.: Семушкин, А. В. Эмпедокл. Москва : Мысль, 1985. 191 с.

постепенного убывания совершенства мира (Космоса) до распада сущего на взаимно враждебные друг другу элементы (Хаоса). Под яростью Вражды власть Любви над вещами ослабевает до той поры пока Космос не перестает быть собой – в нем нет ни порядка, ни смысла, ни родства. Таким образом, мир, в котором живет философ и его современники, идет на убыль, обречен на вырождение и гибель. Завершением цикла развития становится уничтожение всего живого, служащее началом нового цикла развития. Интересно, что отголоски взглядов Эмпедокла встречаются и у Аристотеля, хотя не занимают существенного места в его концепции общества и личности. Вместе с тем учение о деструктивности как глобальном свойстве всего живого сохраняется в антропологии, получая разработку по мере появления и развития наук об обществе. Однако единой теории деструктивности с античности до середины XX века (работы Э.Фромма — «Антропология человеческой деструктивности») не формируется, а деструктивность выступает факультативным объектом при исследовании характеристик общества и государства. При этом разработка деструктивности проводится в морально-нормативной плоскости, в котором обращение к личности выступает иллюстрацией, взывающей либо к необходимости социального контроля и воспитания, либо свидетельствующей о проблемах и упущениях свойственных конкретной модели общественного и государственного устройства.

Осмысление деструктивности под этим углом зрения характерно философии Нового времени, и в первую очередь - учению Томаса Гоббса. Если у Эмпедокла значение вражды принимало космологический масштаб, то Т. Гоббс антропологизирует деструктивность, используя для обоснования модели государства как института поддержания социального порядка. В естественном состоянии (status naturalis), предшествующем образованию государства, индивид, по Гоббсу, движим тремя неискоренимыми побуждениями: соперничеством (конкуренция за ресурсы), недоверием (забота о безопасности) и жаждой славы (стремление к признанию и боязнь быть недооцененным)[1]. В совокупности они побуждают личность к деструктивному поведению — погружая общество в состояние «войны всех против всех».

Принципиальным для настоящего обзора является то, что Гоббс впервые формулирует механизм *сдерживания* деструктивности через «надличностное» принуждение. В его концепции появления государства

[1] См.: Skinner Q. Hobbes on Civil Conversation // From Humanism to Hobbes: Studies in Rhetoric and Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P. 162–189.

страх смерти и инстинкт самосохранения побуждают людей к «общественному договору», в результате которого они отказываются от части своих прав в пользу абсолютного суверена — «Левиафана»[1]. Государство принимает на себя функцию подавления врожденной деструктивной природы подданных посредством террора законом.

Таким образом, деструктивность в концепции Гоббса является не следствием неудач государственной политики (как в более поздних морально-нормативных трактовках) роли государства в воспроизводстве деструктивности (например, у М. Фуко), а напротив обоснованием необходимости государства, как регулятора разрушительных импульсов, свойственных индивиду.

Противоположностью гоббсовской антропологии выступает концепция Жан-Жака Руссо, предлагающая принципиально иную этиологию деструктивности. Руссо решительно отвергает тезис о врожденной агрессивности человека. В естественном состоянии человек пребывает как «благородный дикарь», движимый не разрушительными страстями, а двумя изначальными принципами: себялюбием (amour de soi), направленным на самосохранение, и врожденным состраданием (pitié) к другим[2]. Деструктивность, агрессия и стремление к господству не являются природными — они возникают *вместе* с обществом и развитием цивилизации.

Ключевым механизмом порождения деструктивности у Руссо выступает возникновение частной собственности и социального неравенства. Именно с появлением статуса «гражданского состояния» естественное себялюбие трансформируется в искусственное самолюбие (amour-propre) — стремление утверждать себя за счет унижения других, желание быть не просто равным, а *лучше* других. Это чувство порождает конкуренцию, зависть и вражду. Как отмечает Дж. Чарве, попытка перевести естественный эгоизм (безобидный) в социальные формы неизбежно производит деструктивную и коррумпированную картину человеческих отношений[3]. Таким образом, Руссо закладывает основание традиции, которая будет развита впоследствии марксизмом и Франкфуртской школой социальной философии: деструктивность — это не врожденное свойство индивида, а следствие *социальной патологии*.

---

[1] См.: Паняшин А. А., Захарова О. В. Соотношение либерального и тоталитарного в политико-правовом учении Томаса Гоббса // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 47–57.

[2] См.: Charvet J. The Social Problem in the Philosophy of Rousseau. Cambridge : Cambridge University Press, 1974. 150 p.

[3] Charvet J. Op. cit.

Общество не сдерживает зло (как у Гоббса), а активно его производит, развращая изначально добрую природу человека.

Следует отметить, что в дальнейшем, в работах XIX–XX вв., деструктивность личности используется для критики институтов правоприменения, образования, социальной защиты государства. Соответственно представление о деструктивности оказывается зависимым от структуры явления, негативной характеристикой которого она является. Учитывая, что деструктивность свойственна не личности в общем, а личности криминогенной, деструктивность становится свидетельством неудач формирования личности, которая в свою очередь понимается как государственный проект. Личность является предметом государственной политики, а ее деструктивность — результатом ее провала.

Первая трактовка деструктивности строится на принципе отрицания, заданной Г. В. Ф. Гегелем в качестве фундаментального принципа познания сущего и восходит к идее о государстве (как объективном духе) — высшей форме развития разума. Следует заметить, что в таком представлении Гегель реализует по сути гоббсовскую идею о сдерживании деструктивности надличностными механизмами социального контроля.

Индивид обретает подлинную свободу и смысл существования только тогда, когда он встраивается в социальные институты (семью, гражданское общество, государство) и выполняет функцию, назначенную ему этим институтом.

В подобной интерпретации деструктивность это момент отрицания криминогенной личностью конкретной социальной формы, но отрицание разрушительное, поскольку оно направлено против закона а, в глобальном смысле — способности общества создавать закон, диктуя тем самым необходимость подчинения. Отрицание это не станет определенным, оставаясь «дурной бесконечностью» (нем. *schlechte Unendlichkeit*)[1], поскольку у криминогенной личности нет возможности предложить новый закон взамен отрицаемому. Объяснение этому кроется в неразумности — неспособности понять «разумность действительности», возвысится от субъективного духа к объективному. Как следствие, деструктивность обращается против субъекта этого действия, поскольку общество, против которого он выступает, не признает

[1] См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики / [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. Санкт-Петербург : Наука, 2002. 799 с.

его, а отчуждает его посредством лишения свободы и ограничения взаимодействия.

Вторая трактовка деструктивности, констатирующая неспособность криминогенной личности встроится в общество в качестве элемента социальной структуры с определенной ролью (функцией), может быть иллюстрирована взглядами Ф. Ницше, прямо противоположными идеям Гегеля. Деструктивность криминогенной личности есть нежелание подчинятся государству, которое создавая социальные структуры защищает слабых людей от сильных. Криминогенная личность может быть движима двумя видами морали - морали рабов или морали господ. Мораль рабов обосновывает деструктивность слабых людей, неспособных ни выполнять навязываемые социальные роли ни противостоять государству и выражающих его в форме рессентимента (озлобленности, подавленной агрессии), тогда как мораль господ («Сверхчеловека») поощряет деструктивность, считая ее инструментом созидания нового мира через уничтожение ценностей старого мира[1].

Третья и основная трактовка деструктивности личности, предлагаемая Франкфуртской школой философии (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и Э. Фромм) объясняет ее появление ошибочностью идеи Просвещения – построения общества за счет порабощения природы, преувеличения роли рациональности и перерождения общества в индустрию.

Единым для представителей этого направления мнением о деструктивности является признание ее свойством, вызванным организацией общества, тогда во взглядах на ее функции их мнения различаются. Так, деструктивность признается способом существования общества и человека в нем, ее культивирование служит задачам подчинения индивида и установления контроля над ним, наконец деструктивность может выступать стратегией самоопределения личности и самоутверждения посредством причинения насилия окружения. Поскольку деструктивность является результатом социализации индивида, деструктивность криминогенной личности является частным случаем ее выражения, а не особым проявлением отношения личности к обществу.

Возникновение деструктивности в обществе обусловлено по мнению Г. Маркузе, организацией общества, которая характеризуется

[1] См.: Васюков Р. В. Концепция рессентимента в философии Ницше: социально-философские поиски и экстремистские интерпретации // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 8897. https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-88-97

подавлением инстинктов человека, отчуждением труда и навязыванием потребностей, не соответствующих природным. В результате отношение к человеку формализуется и абстрагируется, личность теряет уникальность и становится объектом манипуляции, ее духовность подавляется. В работе «Эрос и цивилизация» он, опираясь на идеи З. Фрейда, утверждает, что цивилизация основана на подавлении влечений, и мера этого подавления в современном обществе превышает необходимую. Деструктивность личности формируется «*избыточным подавлением*» и служит способом удовлетворения социально-репрессированных потребностей[1].

Деструктивность и криминогенность становятся параллельными и относительно независимыми друг от друга характеристиками личности. Обе порождаются обществом, однако деструктивность является культивируемой у человека формой отношения к себе, окружению и обществу, тогда как криминогенность может быть вызвана и превышением уровня деструктивности у конкретного индивида и ее снижением, в равной мере способствующими вытеснению субъекта за границу нормы в область девиации.

Предложенная Э. Фроммом идея человеческой деструктивности отчасти основывается на положениях франкфуртской школы социальной философии, но в большей мере на его взглядах и жизненном опыте. Деструктивность в его представлении это специфическое человеческое стремление к абсолютному господству и разрушению ради разрушения, не связанное с выживанием[2].

Деструктивность в трактовке Э.Фромма является метаперсональной — она возникает вследствие ущербности социальной структуры общества, утраты подлинных (природоособразных) отношений человека с окружающим его миром – и распространяется в той или иной мере на всех членов общества[3]. Поэтому деструктивность не может быть разделена на деструктивность криминогенной личности или правопослушной — в равной мере она задается нормами и ценностями общества, поддерживается представлениями о возможности применения насилия к себе, другим людям и обществу и миру.

Основным механизмом деструктивности становится деиндивидуализирующая идентификация, к которой прибегает человек, спасающийся от одиночества, вызванного встречей с самим собой.

---

[1] См.: Маркузе Г. Указ. соч.

[2] См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности…

[3] Там же.

Деиндвидуализация как отказ от понимания себя позволяют личности избавиться от негативных переживаний, но выхолащивают взаимодействия с другими людьми, порождая чувство внутренней пустоты и приводя к некрофилии (любви к мертвому). Важным для понимания влияния общества на личность выступает понятие «социальный характер», предложенное Э. Фроммом в работе «Бегство от свободы»[1].

Социальный характер — это результат воздействия структурных социальных условий на индивида, благодаря которым они формируют личность и находят в ней выражение в виде деструктивных проявлений. Э. Фромм показывает, что деструктивность и садомазохистские черты авторитарной личности не являются врожденными, а производятся обществом, в котором индивид не может реализовать свою потребность в свободе и спонтанности. Иллюстрируя эту идею Э. Фромм описывает ключевую черту «рыночного характера» — восприятие личностью себя как товара, чья ценность и значение определяются внешне. Деструктивность восполняет личности отсутствующее у нее содержание, давая возможность к самоопределению и самоутверждению посредством применения насилия. Деструктивное насилие, не имея оправданной цели, выполняет гедонистическую функцию. Оно предоставляет личности удовольствие, компенсируя этим неспособность извлекать его биофилическим (жизнелюбивым) способом.

Таким образом, представление о деструктивности, разработанное философами франкфуртской школы, объясняет ее существование социальными структурами и культурными допущениями в большей мере, чем индивидуальными и патологическими факторами[2]. Они исходят из идеи того что «экономическая и социальная структура общества являются наиболее мощными силами, формирующими человеческое сознание, психическое здоровье и благополучие»[3]. Деструктивность понимается приобретенным личностью в процессе социализации социально-культурным образованием, необходимым для существования в обществе, но нежелательным с точки зрения психологического благополучия личности и ее окружения.

Заслуживают внимание взгляды на деструктивность, предложенные последующими поколениями представителей франкфуртской школы (Ю. Хабермас, А. Хоннет, Р. Ягги).

---

[1] См.: Фромм Э. Бегство от свободы…

[2] См.:Horkheimer M. Traditional and Critical Theory // Horkheimer M. Critical Theory: Selected Essays. New York : Continuum, 1972. P. 188–243.

[3] См.: Celikates R., Flynn J. Critical Theory (Frankfurt School) // Zalta E. N. (ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/archives/fall2025/entries/critical-theory (дата обращения: 10.03.2026).

С позиции коммуникативной теории Хабермаса, деструктивность — реакция личности на «колонизацию» ее жизненного мира системами (институтами) общества. Причисляя к патологиям современного ему общества бюрократический аппарат государства и рыночные отношения, Хабермас показывает что деструктивность возникает в ответ на потерю коммуникативного взаимопонимания личности и ее окружения. Не имея возможности восстановить его, личность предпринимает деструктивные действия в отношении социальных структур, вторгшихся в установленный им порядок взаимодействия и нарушивших его[1].

Создание А. Хоннетом теории признания позволяет объяснить причины деструктивности личности отсутствием выражения обществом индивиду трех форм поддержки – любви, уважении и солидарности[2]. Согласно его мнению, когда общество систематически отказывает индивиду в признании в любой из этих сфер, наступает «моральная травма», приводящая к деструктивности и криминогенности. В частности, А. Хоннет выделяет три формы проявления деструктивности для каждой разновидности признания:

– форма физического насилия (издевательства, пытки) лишает индивида базового доверия к миру, что ведет к потере контроля над собственным телом, создавая предпосылки утраты способности управления собственной жизнью;

– форма правового исключения (лишение прав) — приводит к нарушению способности представлять себя в социальном взаимодействии. Субъект перестает чувствовать себя равноправным партнером по взаимодействию, что порождает отчуждение от социальных норм и противоправное поведение;

– форма социального обесценивания (оскорбление образа жизни) — унижение достоинства индивида или способностей приводит к снижению социальной ценности и провоцирует к антиобщественным реакциям. Субъект готов разрушать социальные связи, в которых его вклад не замечается[3].

---

[1] См.: Злоказов К. В., Прядеин В. П. Деструктивность личности…

[2] См.: Михайлова И. А. Моральная грамматика социальных конфликтов Акселя Хоннета // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, вып. 3 (37). С. 248–261.

[3] См.: Хоннет А. Борьба за признание. Идея признания в социально-критической теории / пер. с нем. И. А. Михайлова // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / под ред. И. И. Блауберг. Москва : ИФ РАН, 2012. С. 66–106.

Признание, следуя А. Хоннету, не является только инструментом подтверждения существования индивида (легитимации), оно выполняет функцию формирования личности.

Мера социализации прямо зависит от оценки обществом личности — «...для того чтобы кто-то был ответственным за себя и свою собственную идентичность, он должен быть также признан теми, кто его окружает...»[1]. В этой связи отсутствие признания негативно влияет на формирование правопослушности личности, стимулируя ее антиобщественную направленность и готовность к совершению преступления.

Криминогенное влияние дефицита признания по А. Хоннету выражается в предпочтении личностью взаимодействия внутри криминальных, а не правопослушных сообществ[2]. Объяснением этому видится, во-первых, утрата моральных оснований для соблюдения норм общества, которое его не признает. Во-вторых, реагируя на потерю своей социальной значимости личность ищет признания в антигосударственных субкультурах, компенсируя тем самым свою самооценку. В-третьих, А. Хоннет полагает, что индивиды совершая преступления для того, чтобы стать «заметным» для общества, привлекая внимание к себе в ситуации отсутствия признания. Обобщая идеи теории признания о возникновении деструктивности личности, следует отметить, что отсутствие признания (опыт «неуважения») выступает фактором деструктивного и криминогенного поведения как в конкретно-ситуативном смысле, так и социализирующем-долгосрочном. Субъект, подвергнутый физическому и психическому насилию, лишенный правового статуса и обесцениваемый обществом готов к поиску альтернативных — деструктивных — способов самоутверждения.

Развитие критических идей о деструктивности личности как социальной патологии в работах Р. Ягги расширяет представление об отчуждении личности[3]. Отчуждение описывается ею как «отношение безотносительности» - утрата индивидом внутренней связи с социальными практиками, институтами и нормами, в которых он тем не менее вынужден участвовать. Утрата возникает тогда когда практики теряют значимость для личности, в т. ч., когда они перестают отвечать на его потребности в самореализации. Деструктивность по отношению

---

[1] См.: Хоннет А. Указ. соч.

[2] См.: Yar M. Recognition as the grounds of a general theory of crime as social harm? // Recognition theory as social research : Investigating the dynamics of social conflict. London : Palgrave Macmillan UK, 2012. С. 109–126.

[3] См.: Jaeggi R. Critique of forms of life. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 416 p.

к социальным структурам, с этой точки зрения, детерминирована предшествующим ей отчуждением личности от социальных структур. Когда структуры государства, организации, коллектива, семьи становятся чуждыми и враждебными личности, разрушение становится предпочтительным способом взаимодействия с ними.

Деструктивность и криминогенность через призму представлений Р. Яггги о механизме отчуждения отождествляются. Так, криминальное поведение это способ взаимодействия с обществом, воспринимаемым игнорирующим и чуждым. Мотивацией для совершения преступления становится «отношение безотносительности», которое базируется на отсутствии моральных обязательств перед структурами (институтами) общества, которые перестали отвечать на запросы о помощи в удовлетворении потребностей. Существенное значение имеет и неспособность социальных структур общества к удовлетворению потребности в самореализации личности. Отсутствие легальных стратегий (в рамках учебной, профессиональной деятельности и общественной жизни) самореализации приводит к поиску неформальных и антиобщественных, а деструктивное действие — способ блокирования, исключения или уничтожения обременения со стороны недействующих социальных структур.

Рассмотрение предпосылок деструктивности личности не будет полным без обращения к концепции «социального ускорения», предложенным немецким социологом Х. Розой[1].

Следуя его проекту «социологии отношения к миру» деструктивность является реакцией личности на «общество ускорения». Современная социальная формация характеризуется потребностью в постоянном расширении, увеличении производства и потребления, росте и инновациях. В совокупности они представлены как «потребность ускорения» (определяемых как рост объемов ресурсов и производства в единицу времени) в количественном и качественном изменении[2]. Ускорение требует от вовлеченных в него лиц мобилизации материальных, социальных и духовных возможностей и выражается в психологическом кризисе, наступающем при их истощении. Кроме того, следование практикам ускорения вынуждает отказываться от морали (признавая допустимость аморальных действий ради ускорения) и пребывания

[1] См.: Rosa H. Resonance: A sociology of our relationship to the world. Hoboken : John Wiley & Sons; 2019. 554 p.

[2] См.: Катаев Д. В. Макс Вебер и Новая критическая теория Хартмута Розы: актуализация классики // Социология власти. 2020. Т. 32, № 4. С. 146–166.

в состоянии конкуренции с себе подобными. Согласно Х. Розе, это ведет к систематическому уничтожению резонансных отношений, понимаемых как способность личности устанавливать эмоционально насыщенные, отзывчивые связи с миром, другими людьми и самим собой.

Состояние резонанса выражается в переживании личностью эмоций от взаимодействия с миром (проявляющихся в чувствах удовлетворения, гнева, радости, сопротивления и др.)[1]. Потеря резонанса ощущается субъектом как стадия «онемения» мира, в котором теряется переживание эмоций в ответ на совершаемые действия (Человек как бы смотрит на жизнь через толстое стекло: он видит события, но не чувствует их связи с собой). В результате личность перестает воспринимать окружающих как субъектов жизни, а социальные нормы как ценности, осознавая лишь собственную безучастность. В состоянии начинающейся аффективной депривации деструктивность — это попытка с помощью ответных сигналов вновь ощутить собственную способность влиять на мир, тогда как в состоянии тестирования реальности — деструктивность становится способом понимания своего существования в принципе. Разрушение оказывается негативным способом получить от мира обратную реакцию, а деструктивность личности — это состояние невозможности образовывать социальные отношения необходимого личности качества и вызванное этим стремление к агрессивно-враждебным действиям.

Рассмотрение социально-философских предпосылок деструктивности было бы тенденциозным и неполным без краткого обращения к концепции власти М. Фуко. Отчасти руководствуясь идеями Т. Гоббса о существовании надличностной инстанции, осуществляющей контроль над деструктивными импульсами, Фуко иначе представляет отношения между государством и личностью.

Дисциплинарные механизмы государства у Фуко конструируют деструктивность, в отличие от механизма суверенной власти Гоббса, вычисляющей и уничтожающей деструктивность. Также, в отличие от представителей Франкфуртской школы, Фуко не рассматривает власть как исключительно репрессивную инстанцию, подавляющую природные влечения. Власть в его интерпретации не уничтожает личность, а производит ее используя для этого дискурсы и нормы, создаваемые соответствующими институтами[2].

---

[1] См.: Rosa H. Op. cit.

[2] См.: Беляцкая Е. В. Дискурс и власть в концепции М. Фуко: точки пересечения //Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2022. №. 13. С. 100–104.

Деструктивность личности в этой парадигме представлена не как реакция на подавление (Г. Маркузе) или отсутствие признания (А. Хоннет), а как результат дисциплинарной практики государства. Современное общество, согласно М. Фуко, осуществляет контроль не через насилие, а через «дисциплинарную власть», которая внедряется в тела и сознания, нормализуя поведение. Ее инструментом становится классификация и сегрегация. Государство а затем и общество конституирует «безумца», «преступника» или «девианта» через дискурс психиатрии, криминологии и права. Соответственно, тюрьма и психиатрическая клиника выступают не инструментами исправления, а механизмами производства «делинквентности» как особого типа субъективности.

Развивая эту логику, можно утверждать, что деструктивность криминогенной личности у Фуко обретает двойственный статус. С одной стороны, она является *результатом* властного дискурса, благодаря которым личность определяет себя в категориях, предписанных ему экспертами и институтами. С другой стороны, деструктивность может выступать формой сопротивления, однако, как уточняет Н. Виддер в интерпретации М. Фуко, сопротивление не является внешней силой по отношению к власти, а проистекает из самой разнородной природы властных отношений[1].

Деструктивность может быть попыткой субъекта вырваться из навязанной идентичности или, напротив, радикальным способом ее подтверждения. С учетом изложенного понятно, что М. Фуко деструктивность используется государством в качестве необходимого элемента дифференциации общества и поддержания тем самым контроля над поведением лиц вне зависимости от их индивидуально-психологических особенностей.

Подводя итог, отметим, что антропологический подход к деструктивности личности обнаруживает гетерогенность проблематики. В отличие от психологических концепций, нацеленных на поиск механизма деструктивности личности, антропологическая традиция демонстрирует, что содержание деструктивности, равно как и ее проявление изменчивы и по-разному осмысляются. В результате деструктивность выступает скорее смысловым конструктом чем эмпирически постигаемой реальностью. Данный конструкт не унитарен — существует как минимум три относительно независимых трактовки деструктивности, каждая из которых обладает достаточным объяснительным потенциалом.

---

[1] См.: Widder N. Foucault and power revisited // European Journal of Political Theory. 2004. Т. 3, №. 4. С. 411–432.

Первый подход — антропосоциальный исходит из обусловленности деструктивности природой человека. Деструктивность в нем считается первичной по отношению к обществу, поскольку представлена у каждого индивида в виде иррациональных побуждений к проявлению вражды и жестокости к окружающим. Государство выступает необходимым институтом ее сдерживания, контроля или упорядочивания, в меру возможности использует права и свободы населения. Государство не производит деструктивность, но ограничивает ее, придавая разрушительному поведению социально приемлемые формы либо изолируя тех, кто не способен к их контролю. Криминогенная личность, склонная к деструктивному поведению, воспринимается как не поддающаяся ресоциализации и вместо реинтеграции в общество подлежит изоляции от него.

Второй подход – социоцентрический – рассматривает деструктивность как следствие социальных патологий. Согласно ему личность изначально не является носителем деструктивности, она формируется под двойственным влиянием общества. Во-первых, в связи с социализацией, порождающей искаженную, оторванную от естественного начала природы и себя самой личность, во-вторых в следствие недостатков организации институтов общества и, в главенствующем смысле — государства, пропагандирующего и распространяющего личность как комплекс необходимых свойств и качеств.

Таким образом, общество становится источником деструктивности для личности как минимум дважды и представлена она для личности в двух формах — общественной (связанной с процессом и результатом социализации) и государственной (вызванной инструментами влияния на человека институтов государственной власти).

Общими для обоих форм производства деструктивности факторами ее формирования выступают отчуждение, подавление, отсутствие признания, колонизация жизненного мира личности или социальное ускорение. В рамках социоцентрической традиции деструктивность становится следствием неправильного общественного или государственного устройства, она возникает из-за разрыва между потребностями личности и легитимными возможностями их удовлетворения. Криминогенная личность выступает социальным конструктом, используемым государством и обществом для объяснения неудачи реинтеграции в общество, вызванной как внешними (относительно личности)

причинами, так и внутренними, в числе которых возможен и субъективный отказ от интеграции, несоответствующий внутренним представлениям о социальных условиях жизнедеятельности.

Третий подход — функционально-дискурсивный — снимает вопрос о первичности внутренних (врожденных) или внешних (общественных) сил, фокусируясь на механизмах формирования деструктивной личности.

Согласно ему, деструктивность является не свойством индивида и не следствием ошибок организации общества, а эффектом институциональных практик классификации, нормализации и сегрегации. Институты государства (правоохранительный, психиатрический) не исправляют деструктивность, а в большей мере утверждают ее, создавая деструктивную личность как элемент дисциплинарного порядка.

Важным результатом обращения к социально-философским представлениям о деструктивности становится понимание необходимости изучения условий ее возникновения и институциональных механизмов ее образования.

Социально-философские исследования франкфуртской школы показывают, что деструктивность личности может быть следствием государственного контроля над поведением, выступать результатом социальной патологии, влияющей на социализацию личности, ее адаптацию к социальным условиям жизнедеятельности в современном обществе.

Ограниченность антропологического подхода, однако, заключается в неизбежной редукции индивидуально-психологической динамики. За скобками анализа остаются вопросы о роли раннего опыта, бессознательных механизмов, иррациональных влечений. Конечно, социально-философский подход не учитывает психологических обстоятельств деструктивности, в т. ч., влияние иррациональных побуждений, индивидуально-психологических особенностей, побуждающих и регулирующих разрушительные действия и, наконец — потребность в формировании собственной идентичности, как ключевого механизма реализации индивидуальности личностью.

Таким образом, социально-философский анализ деструктивности создает необходимую рамку для понимания социальной обусловленности разрушительных проявлений личности, задавая контекст, в котором уместно осуществлять анализ психологических механизмов побуждения деструктивности.

Выводы второй главы

Деструктивность личности через призму различных философских и психологических теорий становится разнородной предметной областью познания, однако центром внимания в объяснении деструктивности становится общество и государство.

Антропологический подход уводит деструктивность из области клинических проявлений (где она выступает одним из симптомов расстройства) и из биологизаторских объяснений (где она объясняется иррациональной, до-социальной психикой человека).

Деструктивность в антропологической перспективе немыслима вне социального контекста. Тем самым деструктивность, во-первых, преодолевает модели агрессии, рассматривающие ее свойством десоциализированного индивида, во-вторых, благодаря идее социального контекста деструктивность получает символическое и функциональное значение.

В антропологической перспективе показано, что разрушению подвергаются объекты, обладающие социальной ценностью, а целью деструктивности выступает не только разрушение внешнего по отношению к субъекту объекта, сколько приращение общественного к личности. Деструктивное действие придает субъекту дополнительное значение, приобретаемое за счет оценки окружающими его способности к разрушению. В результате, за счет демонстрации разрушения его личность получает новое качество, характеризующее или общественную опасность его поступков, признание его способности в уничтожении или разрушительном преобразовании. Поскольку социальная ценность разрушения может превысить ценность разрушенного, а риск потери общественного контроля над уничтожением (преодоления запрета на разрушение) будет ниже чем польза для общества, деструктивность может быть признана и конструктивной[1].

Таким образом, благодаря разработке социального контекста деструктивность надстраивается над агрессией, придавая ей функцию формирования личности, где разрушение является способом получения признания, подтверждения, самореализации.

---

1 Например, экономическая польза от повышения уровня наблюдаемого насилия в кино, компьютерных играх, в т. ч. повлекшая за собой развитие индустрии развлечений (через появление рабочих мест, повышение производства и потребления) приводит к тому, что никто не собирается запрещать демонстрацию насилия, даже при очевидной связи между наблюдаемой и воспроизводимой агрессией (*прим. авт.*).

Формирование деструктивной личности описывается комплексом внешних по отношению к ней процессов общественного воздействия, таких как маргинализация (лишение обществом возможности личности по удовлетворению ее потребностей), стигматизация (развитие и закрепление негативных социальных представлений), легитимизация насилия (создание культурных норм, поощряющих насилие).

Деструктивность становится нормативным, хотя и негативным проявлением процесса развития личности в обществе, лишенном однородности и устойчивости. Несмотря на то, что условием формирования деструктивности выступает социальная дезорганизация, для криминогенной личности деструктивность становится не просто атрибутом общественной опасности, она расширяет ее способности в достижении цели, за счет инструментализации насилия, уничтожения барьеров относительно его проявления и чувства вины за его причинение. Деструктивность позволяет криминогенной личности эффективно осуществлять общественно опасную деятельность, в т. ч. за счет блокирования внутриличностных механизмов контроля насилия в отношении социального окружения.

С учетом негативного значения деструктивности задачей исследования становится анализ психосоциальных предпосылок формирования деструктивности криминогенной личности в условиях социальной дезорганизации. На основе полученных результатов профилактика деструктивного социального поведения криминогенной личности возможна через организацию психологического воздействия которое способствовало бы выработке необходимых психологических механизмов реинтеграции в общество, способствовало бы самореализации ранее судимых лиц правопослушным, а не криминальным способом.

ГЛАВА 3
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

3.1. Психологическая характеристика криминогенной личности

В течение последних десятилетий проблема деструктивности криминогенных лиц остается одной из наиболее актуальных и сложных для психологической науки.

Реализация криминогенности в личности представляет собой серьезную угрозу не только для государства но и общества, поскольку увеличение количества лиц, готовых к совершению преступлений приводит к виктимизации их социального окружения. Как показывает анализ статистических данных, доля рецидивной преступности в общей структуре преступлений в Российской Федерации стабильно высока, при этом более двух третей всех преступлений совершается лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности[1].

Сопутствующим негативным эффектом криминогенности является вовлечение данной категорией лиц в совершение преступлений ранее несудимых несовершеннолетних и молодежи. В результате распространения антиобщественных ценностей и антигосударственных взглядов размывается ценность правопослушного поведения и значимость правопослушного образа жизни. Под влиянием криминогенных лиц формируется окружающая их околокриминальная среда, в той или иной мере склонная к оказанию им содействия в совершении преступлений, сокрытию его следов, поддержке и помощи в антиобщественных действиях.

Кроме того, проблематика антиобщественного поведения криминогенных лиц выражается в увеличении количества потерпевших, повышении общественной опасности совершенных ими деяний, осуществлении их в составе группы, в отношении пожилых или несовершеннолетних лиц, высокотехнологичными способами препятствующими выявление и изобличение причастных лиц. Применяемые методы профилактики криминогенности демонстрируют неудовлетворительную

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://media.mvd.ru/files/application/16902466 (дата обращения: 01.04.2026).

эффективность, о чем свидетельствует и устойчивость антиобщественного поведения лиц, ранее уже подвергнутых мерам уголовно-правового воздействия.

Отчасти объяснение этому видится в недостаточной проработке психологических аспектов криминализации личности, представленной в виде готовности к совершению преступления, а после его совершения — не только нежелания продолжать правопослушный образ жизни, но и стремления вновь совершать противоправные действия. Непонимание психологии криминализации снижает эффективность противодействия преступлениям и правонарушениям. Ясно, что психологические составляющие данного процесса проявляются в субъективной приемлемости совершения преступления, отказа от ответственности за собственные противоправные действия, вплоть до активного противодействия правоохранительным и судебным органам, а также непризнании вины и раскаяния за противозаконный поступок и его последствия. Несмотря на значительную научную и практическую работу проводимую с лицами, привлеченными к уголовному наказанию, решение задачи противодействия криминализации в настоящее время не найдено.

В частности, объяснительные модели криминализации лиц, которые ранее уже подвергались административному или уголовному преследованию, остаются разрозненными и представлены концепциями, разработанными в контексте философских, юридических, психологических и социологических наук. Каждая из них предлагает свое видение причин и условий формирования криминогенной личности. Однако маловероятно, чтобы какая-либо отрасль наук была способна предложить решение этой проблемы, поскольку криминализация является сложным психосоциальным явлением. В нем тесно переплетены присущие криминогенной личности (психологические и социально-психологические) причины и внешние — социальные, правовые, экономические условия. Поэтому, как представляется, многомерные причинно-следственные связи между ними не могут быть адекватно описаны инструментарием одной науки. Вследствие этого, приступая к разработке теории деструктивного поведения криминогенных лиц, целесообразно конкретизировать исследовательскую задачу.

В контексте данного исследования монографии ею является анализ деструктивного поведения криминогенной личности, как самостоятельной предпосылки криминализации, описывающей целенаправленное противостояние индивида обществу и государству, выражающееся

в направленности на разрушение социальных структур и формирования посредством этого собственной идентичности.

Разработка деструктивного аспекта криминогенности представляется перспективным направлением, дополняющим существующие теории и практики декриминализации и ресоциализации антиобщественно-направленных лиц. Изучение деструктивности как составляющей криминогенной личности позволяет объяснить распространение криминогенности, поскольку обращено к раскрытию психологических оснований противоправных действий, их привлекательности и устойчивости несмотря на уголовно-правовое противодействие. Изучение преступных групп и сообществ свидетельствует о возможности возникновения квазигосударственных преступных объединений, способных не только противостоять силам правопорядка отдельно взятой страны, уничтожая государство, но и устанавливать собственный политико-экономический режим[1]. Обращение к деструктивности позволяет описать социально-психологические аспекты формирования подобного сообщества, в котором деструктивность выступает свойством участников сообществ, нацеленных на разрушение государства.

Вместе с тем, для определения предметного поля исследования необходимо уточнить содержание понятия «криминализация» и «криминогенность», применительно к лицам, уже имеющим и опыт совершения преступления и отбывания уголовного наказания.

В уголовно-правовой науке криминализация выступает результатом оценки опасности социального поведения индивида, обстоятельств, отражающих общественную опасность деяния и свидетельствующих о необходимости введения уголовно-правового запрета[2]. Ключевыми параметрами криминализации выступают характер и способ совершения деяния, его последствия, отношение субъекта к содеянному и его мотивация.

При анализе рецидива уголовно-правовой подход акцентирует повторность как квалифицирующий признак, указывающий на устойчивую антиобщественную направленность личности, требующую ужесточения мер воздействия к ней. Таким образом, криминализация в уголовно-правовой трактовке подразумевает увеличение общественной опасности лица, подвергшегося уголовному преследованию

---

[1] См.: Чебыкина Н. Р., Молодавкин В. И. Failed states и квазигосударства: международно-правовой анализ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 3 (56). С. 54–58.

[2] См.: Криминализация // Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В. Б. Малинин. Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2005. Т. 1: Понятие уголовного права. 699 с.

и предполагает усиление карательного воздействия со стороны государства за криминальное поведение.

В социологической трактовке «криминализация» — это процесс наделения человека определенными характеристиками (например, статуса «рецидивиста»), играющих роль катализатора преступного поведенческого акта[1]. Предполагается, что социальное исключение и стигматизация, с которыми сталкивается освобожденный из мест лишения свободы индивид, побуждают его к антиобщественному образу жизни, а также поиску связей с криминогенными лицами, которые для него выступают единственным ресурсом адаптации к социальным условиям жизнедеятельности вне стен пенитенциарного учреждения.

В психологическом контексте понятие «криминализация» раскрывает внутриличностные предпосылки формирования преступного поведения. Процесс криминализации подразумевает формирование совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе взаимодействия с другими людьми[2] и завершается образованием криминальной личности.

Криминогенность личности представляет собой интегративное свойство, характеризующее потенциальную предрасположенность личности к совершению преступления[3].

В криминологии и криминальной психологии предпринято несколько попыток определить ее сущность через категории способности и готовности. В рамках многолетних эмпирических исследований проводимых под руководством А. И. Долговой, криминогенность определяется как особое качество личности, возникающее при достижении комплексом социально-нравственных черт и биопсихических особенностей человека некой «критической массы», которая порождает новое качество — способность действовать противоправным путем[4]. Важным обстоятельством выступает то, что данное свойство не является врожденным, а приобретается в процессе негативного взаимодействия

---

[1] См.: Социология преступности (Современные буржуазные теории) : сборник статей / пер. с англ. А. С. Никифорова, А. М. Яковлева ; под ред. Б. С. Никифорова ; вступ. ст. В. Н. Кудрявцева, Б. С. Никифорова. Москва : Прогресс, 1966. 368 с.

[2] См.: Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. Москва : Юристъ, 1996. 335 с.

[3] См.: Злоказов К. В. Самореализация криминогенной личности: значение социального окружения // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4, № 2. С. 204–222.

[4] См.: Долгова А. И. Избранные труды / [сост. В. В. Меркурьев, О. А Евланова, А. С. Васнецова, Д. А. Соколов ; вступ. ст. М. П. Клейменова, В. А. Номоконова, Э. Ф. Побегайло, В. Е. Эминова]. Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 423 с.

личности с микросредой, при этом оно существует как потенция еще до совершения преступления и может сохраняться после него, выступая качественным выражением соотношения негативной и позитивной направленности личности.

С позиций субъектного подхода криминогенность может быть рассмотрена как социально-негативная форма самореализации личности[1]. В этом представлении акцентируется активная, деятельная природа человека: криминогенность проявляется через целенаправленное применение индивидом своих когнитивных и регулятивных способностей для достижения личностно значимых целей, при этом субъектность такого человека характеризуется дефектами морально-нравственной сферы, позволяющими ему в ситуации выбора предпочесть криминальное поведение правопослушному. Готовность к преступлению выражается в сформированности специфической системы субъективных отношений к себе, потерпевшему и наказанию, что в совокупности позволяет диагностировать риск криминализации личности[2].

В русле концепции тройной детерминации криминального поведения Н. Н. Губанов с соавторами предлагают понимать криминальную способность не как навык или мастерство совершения преступлений, а как глубинную предрасположенность личности к агрессивным поступкам, коренящуюся в наследственных задатках — определенной диспропорции выраженности эгоистических и альтруистических качеств[3]. Однако, согласно их подходу, наличие таких задатков не фатально предопределяет преступное поведение: человек, обладая свободной волей и разумом, может противодействовать и нейтрализовывать внутренние агрессивные импульсы, связанные как с наследственностью, так и с условиями жизни. Готовность к преступлению, следовательно, возникает тогда, когда свободная воля не реализует эту блокирующую функцию, и индивид поддается давлению как внутренних задатков, так и внешних обстоятельств. Ключевым признаком здесь выступает признание тройственной детерминации: биологической (задатки), социальной (среда) и личностной (свободная воля, осуществляющая выбор).

Д. А. Шестаков, рассматривая механизм взаимодействия личности и ситуации, также вносит вклад в понимание криминогенности.

---

[1] См.: Злоказов К. В. Самореализация криминогенной личности…

[2] См.: Злоказов К. В. Социальное пространство в представлении преступника : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 264 с.

[3] См.: Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Шорикова Е. С. Закономерности тройной детерминации криминального поведения // Гуманитарный вестник. 2017. № 4 (54). С. 1–17.

Он отмечает, что конкретное преступление выступает результатом взаимодействия преступных наклонностей личности и давления со стороны ситуации, при этом существует обратная зависимость между степенью этих наклонностей и уровнем давления: в меньшей степени склонный к преступлению человек совершает его лишь под давлением неблагоприятных обстоятельств, тогда как лицо с более выраженной готовностью нарушать уголовно-правовые запреты идет на это, более того ранее судимый преступник сам ищет или создает ситуацию, подходящую для осуществления преступления[1]. В этой логике криминогенность как готовность проявляется в независимости личности от внешних обстоятельств и ее способности активно создавать условия для реализации преступного замысла.

Обобщая представленные подходы, можно выделить следующие ключевые признаки криминогенности как способности и готовности к совершению преступления.

Во-первых, это криминогенность — это системное свойство личности, не сводимое к сумме отдельных черт, способствующих антиобщественному поведению, а представляющее собой их интеграцию; во-вторых, оно существует в потенциальной форме до совершения преступления и может сохраняться после него, выступая основой для прогнозирования рисков антиобщественного и преступного поведения; в-третьих, его ядром является специфическая нравственно-психологическая деформация —- искаженная система отношений к себе, наказанию и другим людям; в-четвертых, криминогенность проявляется в субъективной готовности индивида выбрать преступный путь для достижения целей, причем эта готовность может быть как пассивной (ожидание подходящей ситуации), так и активной (поиск и создание таких ситуаций); и, наконец, в-пятых, она детерминирована сложным взаимодействием биологических предпосылок, социальных влияний и личностного выбора, где решающая роль принадлежит свободному волеизъявлению человека.

Оценка криминогенности основывается на комплексе характеристик и к настоящему времени не имеет единой классификации. В криминологии и криминальной психологии существуют типологии, основанные на критериях антисоциальной направленности, психологических особенностей и мотивации. Так, в разработанной Ю. М. Антоняном, М. И. Еникеевым и В. Е. Эминовым типологии существенное

[1] См.: Шестаков Д. А. Возвращение к криминологической теории причинности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2. С. 88–97.

значение придается глубине и стойкости антиобщественной направленности личности[1]. В результате дифференциации этих характеристик тип криминогенности определяется в диапазоне от случайного до особо опасного. Как следствие, выделяются:

– «Случайный» тип, у которого криминогенность минимальна или ситуативна. Его социальная и правопослушная направленность преобладает над антиобщественной, поэтому часто преступление совершается однократно и под воздействием стечения обстоятельств, не связанного с устойчивыми антисоциальными взглядами.

– «Ситуационный» тип, криминогенность которого выше, чем у случайного типа, но реализуется только в определенных условиях. Ими выступают, например, состояние алкогольного опьянение, провокация со стороны окружения, потребность (состояние нужды), которая не может быть удовлетворена правопослушным способом, обстоятельства ситуации, подталкивающие к совершению преступления. Личность ситуационного преступника характеризуется неустойчивостью, колебаниями между социально приемлемым и антиобщественным поведением. Преступление совершается под значительным влиянием ситуации, однако субъект использует ее для достижения своих антиобщественных целей.

– «Неустойчивый» тип, криминогенность которого является устойчивой чертой личности, проявляющейся в готовности к совершению преступлений. У данного типа криминогенной личности антиобщественная направленность уже сформирована, но еще не стала доминирующей, что выражается в готовности к правонарушению, либо содействию в совершении преступления в ситуации ослабления внешнего социального контроля. Как следствие, во взаимодействии друг с другом лица неустойчивого типа могут совершать правонарушения и преступления.

– «Злостный» тип, криминогенность которого высока и устойчива. Личность данного типа характеризуется активной антиобщественной установкой, а преступное поведение становится привычным способом взаимодействия с окружающим миром, часто перерастая в профессионализацию. Личность самостоятельно ищет и создает условия для совершения преступлений.

– «Особо опасный» тип, характеризующийся максимальной криминогенностью. Антисоциальная направленность данного типа личности достигает максимальной степени. Преступное поведение связано

[1] См.: Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Указ. соч.

с антиобщественным образом жизни, что проявляется во-первых, в отказе от правопослушного поведения (отсутствии жилья, трудоустройства и получения законным образом средств к существованию), во-вторых, в стремлении к взаимодействию образованию и поддержанию связей с криминогенными лицами.

С позиции криминогенности ключевым становится вопрос об устойчивости этой совокупности свойств личности. Как отмечал М. И. Еникеев поведение устойчивых преступников определяют «*…не изолированные отдельные сознательные мотивы, а общая направленность и обобщенный способ поведения*»[1]. В этой связи обоснованной является характеристика, дифференцирующая криминогенных лиц по слиянию признаков общественной опасности и оказанию декриминализирующего воздействия, предложенная В. М. Трушем. Им выделяются «особо опасные» (активные антисоциальные); «десоциализированные опасные» (пассивные асоциальные) «неустойчивые», «ситуативные» типы преступников[2].

Для анализа социально-психологических особенностей криминогенной личности нами осуществлено эмпирическое исследование значительного контингента ранее судимых лиц (n = 950 человек).

В ходе исследования изучалось количество совершенных преступлений (наличие криминального опыта) а также субъективная структура последнего совершенного преступления (наличие плана преступления либо совершение преступления под влиянием ситуации, осуществление подготовки к преступлению либо спонтанного деяния, отсутствие соучастников либо их наличие, применение избыточного (необоснованного) насилия в момент совершения преступления, раскаяние в совершении преступления).

На основе эмпирического исследования представлений о событии преступления, отношения к его совершению и последствиям, а также себе, окружающим и обществу, можно выделить три их группировки, которые через призму личностных особенностей можно характеризовать как тип личности ситуативного преступника, а также устойчивый и злостный тип криминогенной личности.

---

[1] См.: Еникеев М. И. Юридическая психология : учебник. Москва : ИНФРА-М, 1999. 517 с.

[2] См.: Труш В. М. Анализ уровня выраженности криминогенной зараженности осужденных в зависимости от категорий противоправных действий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 8. С. 255–269.

Ситуативный преступник: лица, ранее не имеющие судимостей, совершившие преступление впервые под влиянием стечения обстоятельств, (доля в выборке опрошенных 22,2 % — 211 человек).

Устойчивый тип криминогенной личности: лица, имеющие одну или две судимости, для которых преступное поведение становится регулярным (доля в выборке 30,6 % — 291 человек).

Злостный тип криминогенной личности: лица с тремя и более предшествующими судимостями, для которых основным является преступный а не правопослушный образ жизни (47,2 % — 448 человек).

Оценка социально-демографических характеристик преступных типов в выборке свидетельствует о средне-благополучном состоянии случайных преступников и нарушениях социального функционирования, присущих преступникам злостного типа (таблица 1).

Таблица 1 – Социально-демографические характеристики преступных типов (по выборке, n = 950)

Характеристика	**Ситуативный, n=211 человек**	**Тип криминогенной личности**	
		Устойчивые, n=291 человек	**Злостные, n=448 человек**
Средний возраст	25–30 лет	35–40 лет	38–45 лет
Пол	Мужчины (77,3 %)	Мужчины (81,2 %)	Мужчины 96,4 %)
Образование	Высшее, незаконченное высшее	Высшее, среднее специальное	Среднее специальное, профессионально-техническое, начальное
Трудоустройство до преступления	Часто работали	Работали или подрабатывали	Часто безработные или случайные заработки
Жилищные условия	Съемное жилье, общежитие	Своя квартира или съем	Общежитие, съем, отсутствие жилья
Семейное положение	Часто состоят в отношениях	Находятся или были в семейных отношениях	Часто одиноки или разведены
Наличие детей	Часто есть	Часто есть	Редко или нет
Судимости ранее	Отсутствуют	1–2 судимости	Множественные судимости
Возраст первой судимости	После 30 лет	25–30 лет	До 25 лет

Социально-демографический портрет случайного преступника характеризуется средним возрастом 25–30 лет, наличием высшего или незаконченного высшего образования, наличием работы, семьи и детей, а также отсутствием судимостей в прошлом.

Социально-демографический портрет устойчивого преступника выражается средним возрастом 35–40 лет, преимущественно мужским полом, наличием среднего специального или высшего образование, наличием работы или подработки, собственная или съемная квартира, наличием в прошлом семьи и детей (в состоянии развода). В прошлом у них имеются одна-две судимости, первая из которых приходится на возраст 25–30 лет, что указывает на ранний криминальный опыт.

Социально-демографический портрет злостного преступника характеризуется средним возрастом 38–45 лет, преимущественно мужского пола, наличием среднего или начальное образование, отсутствием постоянной работы, проживание в общежитии, съемном жилье или без определенного места жительства. Они чаще одиноки или разведены, редко имеют детей, но характеризуются множественными судимостями, первая из которых приходится на возраст до 25 лет. Это указывает на раннюю криминализацию и устойчивый характер противоправного поведения на протяжении всей жизни.

При анализе события преступления изучался комплекс характеристик, соответствующих допреступному, преступному и постпреступному поведению, а также дополнительно измерялись индикаторы риска криминогенности, связанные с осмыслением наказания и планами на жизнь после освобождения (таблица 2).

Изучение содержания таблицы и его психологическая интерпретация позволяет конкретизировать особенности допреступного, преступного и постпреступного поведения случайных, устойчивых и злостных типов преступника.

Тип случайного преступника характеризуется несформированностью личностных свойств, обеспечивающих преступное поведение. В силу этого поведение имеет ситуативный характер и осуществляется не как реализация внутренней направленности, а как форма уголовно запрещенного реагирования в ответ на внешние по отношению к личности обстоятельства.

Планирование преступления у них либо полностью отсутствует, либо имеет минимальный характер (что подтверждается низкими показателями по блоку организации преступления, составляющими до 20–30 %, тогда как у злостных преступников до 100 %). Замысел

преступления не обсуждается с окружающими, что свидетельствует об изолированном, индивидуальном характере принятия решения, что подтверждается также отсутствием соучастников. Отметим, что по данным выборки, первое преступление совершено в возрастном промежутке 25–30 лет, что также подчеркивает ситуативность криминального поведения.

Таблица 2 – Организация преступления, его совершение и субъективное переживание различными преступными типами

Блоки анализа	**Ситуативный, n=211 человек**	**Устойчивые, n=291 человек**	**Злостные, n=448 человек**
I. Организация преступления (измерялось: наличие плана, необходимость совершения преступления, соучастие, обсуждение, оценка риска преступления)	Отсутствие или частичный план, преступление не необходимо, соучастников нет, замысел не обсуждался, риск не оценивался. 20–30 %*	Частичный или полный план, преступление частично необходимо, возможны соучастники, замысел частично обсуждался, риск оценивался частично. 50–60 %*	Полный продуманный план, преступление абсолютно необходимо, соучастники присутствуют, замысел обсуждался, риск игнорируется. 90–100 %*
II. Совершение преступления и постпреступное поведение (измерялось: осознание преступления, применение насилия, достижение цели, соответствие результата замыслу. На постпреступном этапе — сотрудничество со следствием)	Осознают последствия, насилие отсутствует или ситуативно, цель достигнута частично, замыслу не соответствует. Сотрудничают со следствием преимущественно все. 20–30 %*	Осознание последствий неполное, насилие применялось, цель достигнута частично. Результат частично соответствует замыслу. Сотрудничают со следствием частично. 50–60 %*	О последствиях не задумываются, насилие при совершении преступления присутствует, цель считают достигнутой полностью, результат полностью соответствует замыслу. Сотрудничество со следствием отсутствует или минимально. 80–90 %*

Окончание таблицы 2

Блоки анализа	Ситуативный, n=211 человек	Устойчивые, n=291 человек	Злостные, n=448 человек
III. Переживание события преступления и наказания (измерялось: ухудшение мнения о себе, переживание за близких, раскаяние за содеянное)	Мнение о себе ухудшилось, о близких — ухудшилось или не изменилось, раскаяние частичное или полное. 80–90 %*	Мнение о себе не изменилось или улучшилось, о близких — не изменилось, раскаяние частичное. 40–50 %*	Мнение о себе улучшилось или не изменилось, о близких — не изменилось или улучшилось, раскаяние отсутствует. 5–10 %*
IV. Риск криминогенности (рецидивоопасность) (измерялось отношение к наказанию, отношение к власти, планы, соответствие жизни)	Считают себя заслуживающими меньшего наказания, отношение к власти ухудшилось, планы конкретные или отсутствуют, жизнь частично соответствует представления. 20–30 %*	Частично признают справедливость наказания, отношение к власти не изменилось или улучшилось, планы конкретные, жизнь частично или полностью соответствует представлениям. 50–60 %*	Наказания не признают, отношение к власти ухудшилось или не изменилось, планы далекие или отсутствуют, жизнь частично или не соответствует представлениям 90–100 %*
Примечание — * – доля лиц, соответствующих характеристике.			

Субъективными факторами, способствующими преступлению, выступают не криминальная направленность, а дефекты регуляции правопослушного поведения (особенности воспитания, привычки, внезапная провокация или невозможность иным способом разрешить конфликт), послужившие причиной выбора противоправной модели поведения.

В момент совершения преступления случайные преступники не применяют насилия либо используют его лишь в ответ на агрессию, что принципиально отличает их от анализируемых нами типов. Достижение цели носит частичный характер, а само преступление, как правило, не соответствует первоначальному замыслу, поскольку замысел

как таковой отсутствует. После совершения деяния они активно сотрудничают со следствием, полностью или частично осознают последствия своих действий и демонстрируют высокий уровень рефлексии. Эмпирически это подтверждается максимальными показателями по блоку переживания 80–90 %, что выражается в ухудшении самооценки, чувстве вины и глубоком раскаянии. Мнение о близких также часто ухудшается, что говорит о переоценке значимых связей и социальных ожиданий.

Риск рецидива у случайных преступников минимален и оценивается на уровне 20–30 % поскольку они признают справедливость наказания, хотя часто считают, что заслуживают меньшего. Отношение к органам власти после отбытия наказания ухудшается, но не приобретает враждебного характера в отличие от устойчивого типа преступника. У большинства из них имеются конкретные планы на жизнь после освобождения, а представления о жизни частично или полностью соответствуют реальности.

Тип устойчивого преступника составляет около трети выборки, характеризуется неоднократным прохождением стадий допреступного, преступного и постпреступного поведения. Для личности преступника свойственно образование свойств, способствующих осуществлению преступного поведения. К преступлению побуждают комплекс личностных особенностей, проблем социальной адаптации, препятствующих полноценному и правопослушному социальному функционированию.

Планирование преступления носит частичный характер (прогнозируется отдельные стадии либо обобщенно представляется весь замысел, но без детализации) Замысел может обсуждаться с окружением, что свидетельствует о включенности в криминогенную социальную среду. Более того, по данным анкет у 60 % обследованных к совершению преступления привлекались соучастники. Необходимость совершения преступления обосновывается трудностями жизнедеятельности.

В процессе совершения преступления устойчивые преступники допускают применение насилия, но оно не является обязательным а выступает реакцией на отклонение ситуации от замысла. Цель достигается частично или полностью, а само деяние в той или иной степени соответствует замыслу. После преступления они склонны к частичному сотрудничеству со следствием и демонстрируют осознание последствий. Событие преступления переживают 40–50 % устойчивых преступников. При этом их самооценка либо не меняется, либо

незначительно улучшается, мнение о близких остается стабильным, а раскаяние носит частичный, часто формальный характер.

Риск рецидива у устойчивых преступников оценивается как средний — 50–60 % поскольку они лишь отчасти признают справедливость наказания, их отношение к правоохранительным органам, государственной власти и законам может как ухудшаться, так и оставаться нейтральным или даже улучшаться при конструктивном взаимодействии. Помимо этого, планы на жизнь после освобождения у них, как правило, конкретны, а представления о будущем основываются на реальных возможностях, что задает предпосылки для успешной реинтеграции в общество после освобождения.

Тип злостного преступника являются наиболее криминально-ориентированной частью выборки. Присущие им личностные свойства создают основания для совершения преступления даже при условии сурового уголовного наказания. Причиной этому является антисоциальная направленность, отвержение общественных норм, законов и традиций и глубокой интеграцией в криминальную субкультуру.

Планирование у злостных преступников носит полный, тщательно продуманный характер, преступление оценивается как абсолютно необходимое, а наличие соучастников является нормой. Замысел предварительно обсуждается с доверенными лицами из числа ближайшего окружения. Риск быть пойманным и подвергнутым уголовному преследованию либо игнорируется, либо оценивается как минимальный в силу готовности быть повергнутым лишению свободы. Субъективная оценка лицами степени организованности преступления достигает 90–100 %, что является максимальным значением в сравнении с устойчивым и ситуативным типами преступника. Как следствие, цель преступления по субъективным оценкам реализуется полностью, процесс совершения преступления полностью соответствует замыслу, что говорит о высоком уровне самоконтроля и способности к реализации намеченного данной категории лиц.

После преступления они не сотрудничают со следствием либо делают это минимально, последствий уголовного преследования и уголовного наказания не оценивают. Это свидетельствует о глубоких личностных деформациях, отсутствии эмпатии и неспособности к рефлексии.

Риск рецидива у злостных преступников оценивается как крайне высокий — 90–100 %. Они не признают справедливости наказания, их отношение к власти либо ухудшается, либо остается враждебно-нейтральным. Планы на жизнь после освобождения либо отсутствуют,

либо носят абстрактный, далекий от реальности характер, а представления о жизни частично или полностью не соответствуют действительности.

Эмпирическая характеристика типов преступников позволяет утверждать существование различий между ними в предпреступном, преступном и постпреступном поведении. Если случайным преступникам свойственна минимальная организация преступления, максимальное переживание событий связанных с ним и рефлексия последствий, то устойчивых преступников наблюдаются более организованные преступные действия и менее эмоциональная оценка последствий. Злостных преступников характеризует максимальная организация преступления, в т. ч. с вовлечением соисполнителей. Им свойственно отсутствие эмоциональных переживаний ситуации преступления и оценки собственных преступных действий, что в совокупности свидетельствует о высоком риске рецидива.

Наряду с оценкой поведения случайных, устойчивых и злостных преступников, целесообразно охарактеризовать внутренние (психологические) особенности совершения преступления и отношений к нему.

Ситуативных преступников отличает от криминогенных лиц непрогнозируемый (случайный) характер совершения преступления. Данная категория лиц как правило, не имеет криминального опыта и после содеянного испытывает чувство вины, стремится деятельно выразить свое раскаяние. Психологически они характеризуются эмоциональной неустойчивостью и импульсивностью, однако выражают способность к эмпатии по отношению к потерпевшим и рефлексии собственного поступка. Их самооценка после преступления заметно снижается, что свидетельствует о внутреннем конфликте между моральными нормами и совершенным преступлением.

Мотивировка случайных преступников чаще всего носит защитный характер: это может быть стремление защитить себя или близких, восстановить попранную справедливость (пусть и в искаженной форме) либо желание разрешить материальную проблему без оценки последствий собственных действий. Важно подчеркнуть, что деструктивность как устойчивая черта поведения у них также отсутствует.

Устойчивые преступники занимают промежуточное положение типологии обследованных нами криминогенных лиц. Их антиобщественная позиция сформирована, но еще не достигла уровня полного противопоставления с обществом в виде антиобщественной направленности. Преступление для них является результатом ранее усвоенных моделей поведения, признаваемых более целесообразными

(субъективно выгодными) нежели правопослушное деяние. Несмотря на то, что для преступников, относимых к устойчивому типу, преступление является продолжением криминального жизненного пути, на этой стадии криминализации они сохраняют частичное взаимодействие с правопослушными лицами, в т. ч. даже готовы содействовать следствию на этапе уголовного преследования.

В психологическом плане устойчивые преступники более стабильны, чем случайные: их самооценка после преступления не ухудшается, а в ряде случаев даже улучшается благодаря механизмам самооправдания. Способность к рефлексии у них снижена, но не отсутствует полностью, они могут планировать свои действия и проявлять умеренную агрессивность. Социальная адаптация таких лиц вне криминала оценивается как средняя или даже высокая.

Мотивировка совершения преступления у устойчивого типа преступников преимущественно корыстная, связанная с поддержанием статуса в группе или решением личных проблем, таких как долги или зависимости. Ими также движет искаженное стремление к справедливости, понимаемой не в общесоциальном, а локальном смысле, оцениваемом применительно к членам социального окружения данной криминогенной личности.

Деструктивность у преступников устойчивого типа носит инструментальный характер, поскольку проявляется для достижения намеченных целей. Формами ее выражения выступают намеренное воздействие на потерпевшего и свидетелей, правоохранительные органы и социальное окружение с целью самореализации — создания представления о себе (посредством демонстрации власти над окружением, способности к контролю), получения подтверждения и признания от социального окружения. Инструментальная роль деструктивности проявляется в поведении в избыточном (неоправданном) физическом и психологическом насилии по отношению к социальному окружению, завышенной самооценке и искаженному самовосприятию, сочетающемся с обесцениванием социального окружения, отрицанием моральных норм и ценностей правопослушного образа жизни.

Злостные преступники являются наиболее общественно опасными в сравнении с другими типами преступников, выделенными на основании обследования в выборке.

Их антисоциальная направленность носит устойчивый и последовательный характер — этапы криминализации становятся для них

стадиями жизненного пути, а преступления — способом получения социального признания и внутреннего (само)утверждения.

Злостные преступники отвергают ценности правопослушного образа жизни, поддерживают и пропагандируют криминальные представления относительно других людей и мира в целом. При оценке собственного преступления не испытывают чувств стыда, вины и, как следствие — раскаяния. Вредоносные последствия собственных деяний эмоционально не переживаются. В отношении к социальному окружению находят проявление эмоциональная холодность, сниженная эмпатия, нарциссические и психопатические проявления. Важным обстоятельством отношения к социальному окружению выступает его категоризация – разделение окружения по критерию правопослушности — противоправности. Правопослушные лица рассматриваются в качестве объектов криминальных посягательств, совершение в их отношении преступлений признается допустимым. Лица с противоправной направленностью характеризуются субъектами взаимодействия и конкуренции, при этом совершение преступлений в их отношении регулируется субкультурными нормами. Несоблюдение норм влечет применение наказания со стороны криминальных лиц, разделяющих сходные убеждения. Принадлежность к преступной группе для злостных преступников служит основанием самоопределения и демаркации отношений к социальному окружению.

Самооценка злостных преступников стабильно высокая или даже завышенная и не зависит от внешней оценки, что указывает не недостатки механизма ее корректировки. Они обладают достаточными способностями к планированию преступления и его инструментальному воплощению, способны к контролю ситуации и манипуляции окружающими, при этом страх перед наказанием у них отсутствует или недооценен.

Мотивация злостных преступников отражает их деструктивность, характеризуется разнородностью сферы побуждений. Очевидными мотивами являются корысть, стремление к власти и контролю, однако сопутствующими и детерминированными деструктивностью мотивами выступают побуждения к самоутверждению и самореализации через проявление насилия, намеренного противопоставления себя обществу и создание ситуаций риска. О деструктивности злостных преступников могут свидетельствовать мотивировки (объяснения причин преступлений), которые репрезентируют не только корысть, но

и мотивы вражды и ненависти по отношению к отдельным группам лиц, мотивы мести и стремления к причинению страданий.

С учетом изложенного ясно, что криминогенность для каждой из рассмотренных категорий выражается в разном уровне общественной опасности поведения, что предполагает разные модели декриминализирующего воздействия.

Случайные преступники нуждаются в социально-психологической поддержке, направленной на укрепление уже имеющихся у них социально ценных качеств, а также восстановление взаимодействия с некриминализированной частью социального окружения.

В отличие от случайного преступника криминогенный тип личности нуждается в более интенсивном социальном сопровождении. В частности, личность устойчивого криминогенного типа требует контроля над проявлениями антиобщественного поведения со стороны социального окружения и сотрудников органов внутренних дел, блокирующего побуждение к совершению правонарушений и преступлений. Криминогенный тип личности злостного преступника особо нуждаются в мерах контроля уголовно исполнительных инспекций и осуществления административного надзора со стороны органов внутренних дел за их поведением, оказания индивидуализированного психологического сопровождения для поддержки реинтеграции в общество. Высокая общественная опасность данной категории лиц объясняется не только отсутствием соответствующих социальных связей, которые бы удерживали от совершения преступления, но и психологических предпосылок для их образования.

Учитывая, что степень общественной опасности криминогенной личности может быть установлена путем анализа формальных и содержательных характеристик отношений к социальному окружению, целесообразно обратиться к их изучению.

3.2. Отношения криминогенной личности к социальному окружению

Изучение отношений криминогенной личности к социальному окружению осуществляется в данной работе по трем направлениям — влияния на совершение преступления, влияния на реинтеграцию в общество и противодействие рецидиву преступления а также влияния на формирование личности.

Влияние социального окружения на совершение преступления криминогенными лицами изучалось на основании эмпирического исследования выборки лиц, отбывающих наказание, связанное с лишением свободы (n = 950).

Влияние дифференцировалось с учетом типов криминогенной личности. Поэтому категория опрашиваемых подразделялась на ситуативных преступников, а также на устойчивых и злостных типов криминогенной личности. План анализа предполагал:

(а) оценку взаимоотношения криминогенных лиц с семьей и родственниками (по параметрам совместного проживания и характера отношений);

(б) изучение мотивирующего значения социального окружения при совершении преступления, выражающегося в прямом побуждении к совершению преступления;

(в) обусловливающего значения социального окружения, выполняющего функции регулятора совершения преступления (в виде провокации, потворства или невнимания членов семьи или близких родственников).

Результаты анализа представлены в таблице 3.

Результаты анализа показывают о наличии нескольких общих тенденций во взаимодействии криминогенных лиц с социальным окружением. По мере увеличения криминогенности снижается уровень позитивных отношений с семьей и социальным окружением. Вместе с тем растет мотивация совершения преступлений вследствие желания помочь близким, знакомым. Подобное объяснение может быть вызвано стремлением снизить уровень вины за совершенные действия, объяснив их необходимость не личными нуждами, а потребностью окружающих людей. Наконец, вместе с ростом значения окружения для совершения преступлений, растет и его деструктивное влияние, выражающееся в конфликтах, провокациях, потворстве и прямом побуждении к антиобщественным действиям. Рассмотрим специфику проявлений отношений для каждого типа отдельно.

Ситуативный тип личности преступника. Для данного типа характерно сохранение прочных социальных связей с окружением. Более половины ситуативных преступников (52,6 %) проживают совместно с семьями, что является максимальным показателем среди сравниваемых типов.

Социальное окружение для ситуативного типа выступает преимущественно в качестве объекта преступного посягательства: почти две

трети (63,2 %) совершают преступления в отношении знакомых им лиц. При этом мотивация, связанная с помощью близким, выражена минимально: только 42,1 % указывают на стремление помочь семье, и лишь 31,6 % — знакомым.

Таблица 3 – Влияние социального окружения на совершение преступления криминогенными лицами

в процентах

Категория	**Характеристика**	**Ситуативные**	**Тип криминогенной личности**	
			Устойчивые	**Злостные**
Взаимодействие с семьей	Проживание с семьей	52,6	34,8	33,3
	Проживание вне семьи	47,4	65,2	66,7
	Характер взаимоотношений: – позитивный	56,9	42,4	32,5
	– негативный	33,1	46,1	55,7
Социальное окружение как объект и мотив совершения преступления	Потерпевший — член семьи (близкий, знакомый)	63,2	52,2	46,7
	Мотив преступления: – помог семье	42,1	47,8	60,0
	– помог родственнику, знакомому, близкому человеку	31,6	43,5	46,7
Условия и обстоятельства совершения преступления	Провокация близкого человека на совершение преступления	52,6	65,2	60,0
	Разрыв связей с окружением	31,6	43,5	53,3
	Некритичное отношение (потворство) семьи	42,1	56,5	46,7

Внешние условия и обстоятельства играют умеренную роль. Провокации со стороны окружения значимы для 52,6 % ситуативных преступников, тогда как разрыв социальных связей как криминогенный фактор отмечается лишь у 31,6 %.

В сравнении с психологическими факторами (склад характера — 68,4 %) влияние окружения выражено слабее. Поскольку преступление является следствие личного выбора или стечения обстоятельств, взаимодействие с семьей выполняет преимущественно сдерживающую функцию, однако в момент совершения преступления семейные связи утрачивают свое регулятивное значение. Потворствующее отношение семьи фиксируется лишь в 42,1 % случаев, что ниже, чем в других группах.

Устойчивый тип криминогенной личности демонстрирует максимальную чувствительность ко всем формам влияния социального окружения.

Проживание с семьей свойственно лишь 34,8 % опрошенных, что почти в полтора раза ниже показателя ситуативных преступников. При этом роль окружения в совершении преступления напротив повышается — потворствующее отношение близких достигает максимальных значений (56,5 %), что свидетельствует о повышении криминогенности социального окружения либо об утрате им функций контроля и регуляции поведения.

Социальное окружение для устойчивых преступников выступает одновременно и объектом криминальных посягательств, и мотивом для совершения преступления. Доля потерпевших из числа социального окружения составляет 52,2 %, возрастает инструментальная мотивация: 47,8 % руководствуются стремлением помочь семье, а 43,5 % — знакомым. Таким образом, для устойчивого типа преступление мотивировано интересами ближнего круга лиц, его мотивировкой выступает обязательность субъекта перед референтными лицами.

Условия совершения преступления характеризуются максимальным влиянием социального окружения. Провокации значимы для 65,2 % устойчивых преступников (абсолютный максимум в сравнении с ситуативными и злостными преступниками), а разрыв связей с окружением мотивирует 43,5 % преступников на совершение противоправного деяния.

В совокупности с высокими показателями некритичного отношения семьи (56,5 %) это создает криминогенный эффект, в котором

окружение провоцирует, поддерживает и оправдывает противоправное поведение преступника с устойчивым типом криминогенности.

Злостный тип криминогенной личности. Для данной категории характерна изоляция от правопослушного окружения, сочетающаяся с взаимодействием исключительно криминогенными и маргинальными лицами.

Проживание с семьей указывается лишь 33,3 % опрошенными лицами (минимальный показатель в сравнении с ситуативными и устойчивыми преступниками). Две трети опрошенных (66,7 %) не поддерживают связей с семьей и родственниками. Как следствие, роль семьи как сдерживающего фактора нивелируется полностью; потворство окружения в отношении к совершению преступления (46,7 %) объясняется их равнодушием либо криминогенностью.

Социальное окружение перестает быть объектом преступления — более половины злостных преступников (53,3 %) не знают потерпевшего, что характерно для спонтанной преступности. При этом мотивация, связанная с помощью семье, достигает максимальных 60,0 %, а помощь знакомым — 46,7 %. Данный парадокс объясняется нами изменением представлений о категории «близких»: в условиях исправительного учреждения ряд функций семьи выполняет неформальное окружение. Соответственно и после освобождения преступление становится способом получения необходимых материальных, социальных, психологических ресурсов для самого субъекта и значимой части его социального окружения.

Условия совершения преступления определяются разрывом связей с правопослушным социальным окружением, который признают 53,3 % опрошенных злостных преступников. Для них совершение преступления перестает зависеть от личного выбора или условий ситуации, преступление становится рутинизированным элементом жизнедеятельности. Соответственно, они как и их социальное окружение (представленное в основном криминальными лицами) формулируют нормы поведения и руководствуются ценностями, которые, во-первых не соответствуют правопослушным, а во-вторых, оправдывают противоправное поведение. Фактически, существуя в состоянии аномии по отношению к нормам и ценностям правопослушного общества, они вынуждены создавать культуру, которая бы позволяла вести антиобщественный образ жизни.

Вторым аспектом анализа стали особенности реинтеграции криминогенной личности в общество. Процесс реинтеграции связан

с возвращением к правопослушному образу жизни и снижением криминальной направленности. О достижении ожидаемого результата свидетельствует ряд преобразований в жизнедеятельности, к которым относится, например, наличие места постоянного проживания, трудоустройство, восстановление связей с членами семьи, соблюдение запретов и ограничений, если таковые были введены судом, правопослушное поведение.

Нами изучались стратегии реинтеграции в общество, свойственные ситуативному преступнику а также устойчивому и злостному типам криминогенной личности.

Для ситуативных преступников характерна стратегия реинтеграции, опирающаяся на сохраненные семейные и дружеские связи. Так, 94,7 % представителей данной группы считают необходимым поддерживать общение с семьей после освобождения — это максимальный показатель среди других типов криминогенной личности. Более половины ситуативных преступников 52,6 % проживают с семьей, что создает основания для восстановления социального функционирования после отбывания наказания, связанного с лишением свободы. К ним относится предоставление жилья и средств к существованию на период поиска работы и трудоустройства после освобождения, оказание информационной, правовой, социально-психологической поддержки, требующейся в ситуации адаптации к жизнедеятельности вне пенитенциарного учреждения.

Важным индикатором, указывающим на выбор правопослушной, а не противоправной стратегии жизнедеятельности выступает ее планирование. Согласно опросу, 52,6 % ситуативных преступников строят планы на жизнь после освобождения, что вдвое превышает аналогичный показатель у криминогенных лиц злостного типа.

Следует отметить и высокий уровень раскаяния для ситуативных преступников (84,2 % от числа опрошенных), что свидетельствует о сохранности морально-нравственных регуляторов поведения у этой категории лиц. Особенностью данной группы является низкая потребность в оправдании перед близкими – лишь 52,6 % считают это необходимым. Это объясняется тем, что их преступление не воспринимается окружением как потеря доверия. Отношение к наказанию преимущественно конструктивное: 89,5 % признают его заслуженность, а негативное отношение к органам власти отмечается лишь у 42,1 % опрошенных.

Таким образом, социально-психологическими ресурсами реинтеграции в общество после отбывания наказания для ситуативных преступников выступают: сохраненная семья, наличие жизненных планов, связанных с правопослушным поведением, раскаяние в совершенном деянии, сохраняющееся доверие к правоохранительным институтам.

Устойчивому криминогенному типу личности свойственна противоречивая стратегия взаимодействия с социальным окружением, отражающая их промежуточное положение между правопослушным и криминальным миром.

С одной стороны, они сохраняют приверженность семье, поскольку 87,0 % лиц, отнесенных к устойчивому криминогенному типу считают необходимым поддерживать общение с родственниками, что лишь незначительно ниже показателя ситуативных. Однако на фактическое проживание с семьей указывают лишь у 34,8 %, что свидетельствует на противоречие между реальным положением дел и идеальным представлением.

Вместе с тем значение социального окружения у данной категории лиц выше, чем у ситуативных преступником. Так, характерной чертой является усиление чувства вины и потребности в оправдании. В частности, 65,2 % опрошенных считают необходимым оправдываться перед близкими — это промежуточный показатель между ситуативным преступником и злостным криминогенным типом личности. Уровень раскаяния остается высоким (87,0 % опрошенных), однако способность к конкретному планированию снижается: лишь 47,8 % строят конкретные планы на будущее, тогда как доля указывающих на обобщенные и размытые представления возрастает до 30,4 %.

Особенностью данной группы в сравнении со ситуативными преступниками является рост критического отношения к правоохранительным органам и институтам власти. Ухудшение отношения к органам власти свойственно 45,3 % опрошенных, что очевидно создает барьер для использования институциональных механизмов интеграции. Признание заслуженности наказания остается высоким для устойчивого типа 91,3 %, но это признание сочетается с ощущением несправедливости и отчуждения от правопослушной части общества.

Подводя итоги, отметим, что для данной категории лиц свойственно противоречие между декларативной приверженностью семье и реальной изоляцией, снижение способности к конкретному планированию, нарастающее отчуждение от институтов власти.

Завершая анализ характеристикой социального взаимодействия злостного типа криминогенной личности отметим присущий им разрыв просоциальных связей и ориентацию на криминальную среду.

Для злостных преступников свойственна стратегия изоляции от нормативного общества при одновременной интеграции в криминальную среду. Об этом свидетельствует, во-первых, снижение готовности поддерживать общение с близкими родственниками (указали 53,7 % опрошенных), во-вторых, фактическое проживание с семьей отмечается лишь 33,3 % опрошенных. При этом две трети (66,7 %) опрошенных не имеют (не образуют или не восстанавливают) отношений с членами семьи.

Следует отметить потребность в оправдании перед близкими, которая отмечается 73,3 % опрошенных. Это может объясняться либо декларированием признания вины и демонстрацией раскаяния, которые являются формальным условием для изменения срока или условий отбывания наказания. Вместе с тем, данное стремление наряду с отсутствием реальных связей с семьей и родственниками может интерпретироваться как противоречие.

Следует отметить и минимальный уровень раскаяния, свойственный данной категории опрошенных лиц в сравнении с ситуативными преступниками и криминогенной личностью устойчивого типа. Как показывают результаты опроса, уровень раскаяния достигает 66,7 %, что указывает на деформацию морально-нравственной сферы и адаптацию к криминальному образу жизни. Можно заключить, что возможности реинтеграции в общество для злостного типа криминогенной личности снижены вследствие дефекта моральной регуляции поведения.

Следует подчеркнуть выявленное в ходе опроса минимальное планирование собственной жизни вне стен пенитенциарного учреждения. Планы на ближайшее будущее строят лишь 33,3 % отбывающих наказание криминогенных лиц изучаемого типа, тогда как как 40,0 % ограничиваются неконкретными планами с неясными перспективами в их осуществлении. 26,7 % опрошенных не строят планов вовсе. Интерпретируя результаты исследования можно прийти к выводу, во-первых о влиянии условий отбывания наказания и длительных сроков, к которым приговорены респонденты этой категории, во-вторых, об очевидном проявлении криминогенной трансформации личности злостного преступника, которой характерен пессимизм относительно собственного будущего и нежелание вести правопослушный образ жизни. В совокупности они сказываются на представлении криминогенной личности

о возможностях самореализации, формируясь в виде убеждения о краткосрочности пребывания «на свободе», фокусировки на криминальном образе жизни.

Подтверждают данное предположение и результаты опроса относительно отношения к институтам власти и правоохранительными органам. Так, 53,3 % опрошенных данной категории лиц отмечают ухудшение отношения к органам власти после наказания, что является максимальным показателем в сравнении с ситуативными преступниками и устойчивым криминогенным типом личности. Кроме того, данная категория лиц фактически не соглашается с наказанием, считая его несправедливым и незаслуженным (86,7 % опрошенных лиц) Данный результат свидетельствует о криминогенной направленности злостного типа криминогенной личности, демонстрируя ее стремление противостоять правоохранительным органам, нарушать нормы закона и отрицать правопослушный образ жизни.

Подводя итоги, можно сформулировать закономерности, характерные взаимодействию криминогенных лиц с социальным окружением, которые оказывают влияние на реинтеграцию в общество и противодействие рецидиву преступления.

1. По мере роста количества совершенных преступлений и отбывания наказаний (циклов криминализации) последовательно снижаются готовность поддерживать семью и взаимодействовать с близкими родственниками.

2. Увеличивается разрыв между декларируемой приверженностью семье и реальным взаимодействием с нею. Устойчивые и злостные криминогенные лица по результатам опроса стремятся поддерживать семью но не проживают с нею (для устойчивого типа криминогенной личности 87,0 % и 34,8 %; для злостного типа 73,3 % и 33,3 %). Можно полагать, что данное противоречие демонстрирует барьер реинтеграции в общество, указывая на то, что семья перестает являться ресурсом социально-психологической поддержки даже при сохранении психологической потребности в ней.

3. Потребность в оправдании перед близкими увеличивается пропорционально уровню криминогенности, достигая максимума у злостного типа криминогенной личности (рост с 52,6 % до 73,3 %).

4. Уровень раскаяния уменьшается в связи с ростом криминогенности (с 84,2 % до 66,7 %), что свидетельствует о нарушении механизма регуляции противоправного поведения, облегчающего совершение правонарушений и преступлений. Наибольший уровень раскаяния

присущ ситуативным преступникам (87,0 %), которые сохраняют связь с нормативными ценностями, но уже утратили просоциальные ресурсы для реинтеграции. Кроме того, наряду со снижением уровня раскаяния, растет негативное отношение к органам власти и правоохранительным органам (с 42,1 % до 53,3 %). Это создает дополнительное препятствие для ведения правопослушного образа жизни, побуждает к поддержанию связей с криминогенными лицами, совершению правонарушений и преступлений.

3.3. Проявления деструктивного социального поведения криминогенной личности

Криминогенность не всегда является следствием социально-экономических факторов или клинических отклонений, а чаще связана с устойчивой противоправной направленностью личности, сформированной и подкрепленной длительным пребыванием в криминогенной социальной среде. Кроме того, категория «криминогенность» отражает не только общественно-опасный статус личности, характеризующийся стремлением к совершению противоправных действий, но и процесс его формирования. Таким образом, криминогенность может быть представлена не только как статус, но и как процесс формирования индивидуально-психологических особенностей (мотивов, ценностей, представлений) личности, позволяющих совершить криминальное деяние.

С криминологической точки зрения, криминогенная личность представляет собой родовое понятие, описывающее субъекта антиобщественного поведения от предкриминального становления через совершение правонарушения и отбывание наказания до постпенитенциарной адаптации к обществу. Онтологический статус такой личности раскрывается через систему социальных связей и отношений, носящих двойственный характер. С одной стороны, это объективные, социально-структурные связи, предписанные положением индивида в обществе (статус, социальные роли, членство в группах). С другой — субъективные отношения, представляющие собой внутренние диспозиции, установки, смыслы и ценностные ориентации личности.

Деструктивное поведение возникает при сопряжениях тенденций отчуждения от нормативных социальных структур и активного конструирования идентичности, зачастую противопоставленной обществу. В онтологическом ключе деструктивность предстает как форма

активности субъекта, направленная на разрушение наличных внешних социальных структур (институтов, норм, отношений) ради выстраивания и утверждения собственного, отличного от других, структурного образа «Я». Следовательно, онтологическим основанием деструктивного поведения криминогенной личности выступает разрыв связи «личность — общество», при которой личность, будучи продуктом общества, одновременно использует деструкцию в качестве инструмента самоопределения. Синтез данных аспектов позволяет увидеть деструктивное социальное поведение криминогенной личности как процесс борьбы за самоопределение в социальном пространстве, которое воспринимается как враждебное, несправедливое или недоступное.

Отчуждение, вызванное разрывом социальных связей актуализирует потребность в утверждении новой идентичности, которая, в условиях дефицита просоциальных ресурсов самоопределения, достигается через деструктивные практики. Можно заключить, что центральным психологическим механизмом здесь выступает деструктивность как способ формирования и модификации идентичности. В тех случаях, когда легитимные каналы для становления позитивной, просоциальной идентичности оказываются блокированными (вследствие социальной депривации, стигматизации, дефектов социализации) инициируется деструктивное поведение. Криминогенная личность, ощущая дефицит ресурсов и трудности самореализации, обращает свою активность на разрушение окружающих социальных объектов и связей. Такое разрушение выполняет две функции:

– выступает способом контроля над депривирующей или фрустрирующей социальной средой (через насилие, манипуляцию, обесценивание), обеспечивая доступ к ресурсам, необходимым для функционирования;

– позволяет личности конституировать собственную идентичность. Так, субъект, уничтожая или отрицая навязанные извне структуры (нормы, роли, ожидания), определяет себя как нечто отличное от них, обретая, пусть и асоциальную, но определенную идентичность с ясным представлением о способах ее реализации.

Следует подчеркнуть, что деструктивное поведение может приводить к двум типам эффектов: *асоциальному* (разрушающему социальные связи и изолирующему субъекта) и *просоциальному*. Последний возникает, когда деструкция старых, дезадаптивных связей и идентификаций служит основой для последующей реинтеграции и усвоения новых,

социально приемлемых норм и ролей (например, в процессе ресоциализации).

Здесь деструктивное поведение может быть рассмотрено не в качестве следствия или сопутствующего признака криминогенной личности, а в виде психологического механизма, играющего роль связующего звена в архитектуре внутреннего мира субъекта и движущей силой в цикле рецидивной преступности. Ее роль выходит за рамки поведенческого симптома и пронизывает всю систему отношений личности с социальным миром, определяя динамику криминализации.

Специфика криминогенности, рассмотренная в предшествующем параграфе, свидетельствует о криминальной трансформации многих компонент личности, раскрывающих процесс отчуждения от общественно значимых социальных ценностей и правопослушного образа жизни. Деструктивное поведение криминогенной личности является важным показателем реализации этого процесса, поскольку оно не является общественно опасным, однако уже содержит признаки изменений личности (в т. ч. и криминогенной), повышающих уровень готовности личности к разрушению социальных структур. Различая интра, интер- и мета контексты проявления деструктивности, выявленные у правопослушных лиц[1], полагаем что у криминогенной личности они будут похожи. Вместе с тем, их углубленное изучение позволит понять детерминанты деструктивности, нацеленной против общества.

Изучая соотношение деструктивного и криминального поведения правопослушной личности, было установлено, что они ортогональны друг другу, рост деструктивности не приводит к росту криминальных проявлений, выражаясь в социально-нормативных формах поведения[2]. Хотя данный вывод был сделан на выборке в т. ч. и лиц, совершавших преступления, он является противоречивым, поскольку итогом деструктивного поведения выступает нарушение функционирования, разрушение или полное уничтожение социальной ценности объектов. В конкретных формах деструктивного поведения субъект посягает на охраняемые уголовным законом права личности, общества и государства (таблица 4)[3].

---

[1] См.: Злоказов К. В. Деструктивное поведение в различных контекстах…

[2] Там же.

3 Например, уничтожая имущество, оскорбляя или унижая, призывая к массовым беспорядкам или непосредственно участвуя в них (*прим. авт.*).

Таблица 4 – Контексты, функции и проявления деструктивного поведения

Параметры	Контексты деструктивного поведения		
	Интраперсональный	**Интерперсональный**	**Метаперсональный**
Сфера отношений	Отношение к себе и собственному телу (здоровью)	Отношение к окружающим людям	Отношение к социальной группе, сообществу, общественному институту
Функция деструктивного поведения	Регуляция внутреннего состояния через физическое или социальное саморазрушение (в формах снятия напряжения, изменения самоощущения, получения временного облегчение)	Регуляция своего межличностного статуса через символическое подчинение партнера (в формах доминирования, контроля, управления)	Регуляция социального статуса посредством поддержания или изменения социальной идентичности через отношение к институтам общества. Выделяются формы: а) отказа от социально-предписанной роли; б) слияния с социально-предписанной ролью
Конкретные формы деструктивного поведения	Самоповреждение (порезы, удары); суицидальное поведение; самоизменение (татуировки, пирсинг, модификации тела); пренебрежение гигиеной и витальными потребностями;	Критика (деструктивная), обесценивание и оскорбления в т. ч. посредством сплетен, угрозы (в т. ч. анонимные); злоупотребление социальными связями (родственными, дружескими)	А. Отказ от роли: саботаж (учебный, трудовой, служебный); пассивное невыполнение требований к социальной роли и/или должности (отказ от действий,

Продолжение таблицы 4

Параметры	Контексты деструктивного поведения		
	Интраперсональный	**Интерперсональный**	**Метаперсональный**
	рискованное поведение (скорость, опасные трюки); употребление психоактивных веществ; публичное самообвинение и самокритика	с нанесением ущерба партнеру; несправедливое взаимодействие с подчиненными партнерами; неподчинение высокостатусному партнеру; безразличное или сверхопекающее поведение (как деструктивное)	порча имущества и оборудования, членовредительство), активное невыполнение (неподчинение) требований (забастовка, массовые беспорядки, захват имущества и управления). Б. Слияние с ролью: моббинг, буллинг; аутгрупповая ненависть; сверхнормативная защита организации; эксплуатация образа врага
Результат деструктивного поведения	Восстановление контроля над психическим состоянием, телом, через причинение боли или оказание стрессового воздействия на организм	Повышение самооценки и самоуважения субъекта посредством их снижения у партнера по взаимодействию. Может быть неагрессивным по форме, но разрушительным по результату	При отказе от роли результатом является рост автономии личности, выход (исключение) из группы и снижение (нарушение) ее функционирования. При слиянии с ролью результатом является сплочение членов группы,

Продолжение таблицы 4

Параметры	Контексты деструктивного поведения		
	Интраперсональный	**Интерперсональный**	**Метаперсональный**
			повышение результативности группы, укрепление ценностно-ориентационного единства
Деструктивные последствия	Ухудшение или разрушение функций организма, приобретение хронических заболевания; утрата социального статуса вследствие самоповреждений (татуировок, шрамирования), суицид	Распад дружбы, семей; разрушение межличностных отношений; снижение продуктивности труда; негативное развитие личности (особенно у детей при опеке)	Метаперсональное поведение для группы (института) усиливает динамику отношений и конфликтность, нарушает взаимодействие, приводит к пересмотру норм и ценностей. При отказе от роли: контрпродуктивное поведение, исключение/ увольнение, дисциплинарная и иная ответственность за несоблюдение обязанностей члена группы. При слиянии с ролью: разрушение деловых и межличностных отношений,

Окончание таблицы 4

Параметры	Контексты деструктивного поведения		
	Интраперсональный	Интерперсональный	Метаперсональный
			межгрупповая вражда, радикализация и экстремизм

Характеризуя представленные в таблице проявления деструктивного поведения видно, что они приведены без учета антиобщественной направленности криминогенной личности и ее готовности к правонарушающему поведению. Принятие их во внимание позволит сопоставить с феноменологией деструктивного поведения правопослушной личности, обнаружив тем самым и общие предпосылки формирования деструктивности и специфические проявления. Понимание психологии криминального и деструктивного модусов поведения личности может способствовать предупреждению их распространения и профилактике у криминогенных лиц. Последний аспект является существенно важным, учитывая высокий уровень рецидива преступлений, свойственных криминогенной личности.

Признавая деструктивное поведение криминогенной личности угрозой общественной безопасности и вызовом правоохранительным институтам государства, необходимо рассмотреть представления о проявлении деструктивности в поведении. Сложившиеся подходы, хотя и сформулированы в контексте объяснения деструктивного поведения в целом, предлагают разные объяснения психологических механизмов антиобщественного и разрушительного поведения.

1. Клинико-психологическая концепция представляет деструктивность симптомом дезорганизации психики криминогенной личности. Данное направление связывает генез деструктивного поведения с эндогенными психическими расстройствами, органическими поражениями центральной нервной системы, генетическими аномалиями и стойкими личностными деформациями[1]. Личность, совершающая деструктивные действия, рассматривается как потенциально криминогенная с дефицитарностью механизмов волевого контроля, эмпатии и моральной регуляции. Так, в биопсихосоциальной модели

[1] См.: Прядеин В. П., Смирнов А. В., Чернышева Е. В. Мотивация правонарушений у социально нормативных лиц. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2023. 252 с.

профилактики противоправного поведения О. А. Макушкина и Е. А. Панченко детерминантой криминального поведения определяют органическое поражение мозга, психопатию и шизофрению[1]. К. О. Саддарова показывает, что осужденные с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, демонстрируют устойчиво более высокий уровень деструктивных проявлений, нежели осужденные не имеющие таких расстройств[2]. В исследовании А. И. Ерзина на материале больных параноидной шизофренией показано, что деструктивное поведение возникает вследствие дезорганизации иерархии психологических защит[3]. К. В. Гузенко с соавторами анализируют деструктивное поведение пациентов после первого психотического эпизода и приходят к выводу, что именно острая фаза психоза является прямым триггером гетеро- и аутоагрессии, а сам деструктивный акт выступает маркером тяжести психической дезорганизации[4].

Характеризуя нейропсихологические предпосылки деструктивного поведения, исследователи демонстрируют влияние дофаминовой системы[5], дефицита регулирующих функций лобных долей головного мозга, ухудшающих способности к планированию поведения, контролю и гибкости в ситуациях конфликта[6]. Указывается на ряд личностных особенностей, позволяющих характеризовать предрасположенность к деструктивному поведению[7].

2. Социализирующая концепция репрезентирует деструктивность следствием негативного влияния социального окружения, связывая

---

[1] См.: Макушкина О. А., Панченко Е. А. Современная концепция комплексной профилактики противоправного поведения лиц с психическими расстройствами // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2018. № 1 (98). С. 49–56.

[2] См.: Саддарова К. О. Особенности осужденных, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, и работы с ними в исправительных колониях // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 4. С. 205–209.

[3] См.: Ерзин А. И. Психологические особенности деструктивного поведения у больных шизофренией // Психология и психотехника. 2013. № 3 (54). С. 288–293.

[4] См.: Гузенко К. В., Пишель В. Я., Полывяная М. Ю. Особенности деструктивного поведения пациентов, перенесших первый психотический эпизод // Таврический журнал психиатрии. 2009. Т. 13, № 2 (47). С. 54–61.

[5] См.: Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Денисова Е. Г., Куприянов И. В. Генетические предикторы деструктивных и конструктивных форм информационного поведения молодежи // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2021. № 3. С. 101–107.

[6] См.: Нейропсихологический подход в профилактике деструктивного поведения подростков/ Братчикова Ю. В., Герасименко Ю. А., Лозгачева О. В., Галагузова Ю. Н. [и др.] // Педагогическое образование в России. 2024. № 6. С. 316–323.

[7] См.: Плугина М. И., Абакарова Э. Г., Лукьянов А. С. Личностные особенности предрасположенности субъекта к деструктивным формам поведения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № 3S. С. 3804. https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3804

формирование деструктивных моделей поведения с нарушениями первичной и вторичной социализации.

В рамках данного направления деструктивность рассматривается как результат дефицита воспитания, его искажений, допускаемых родителями и близкими родственниками (жестокость, гиперопека, игнорирование, асоциальное поведение), а также социальным окружением.

Семейный аспект деструктивного влияния социализации представлен Л. Р. Аванесян, демонстрирующей что деформации семейного воспитания (гиперопека, гипоопека, эмоциональное отвержение, жестокое обращение, противоречивое воспитание) формируют стиль деструктивности[1]. Так, согласно ее представлениям, при гипоопеке агрессия становится способом привлечения внимания к собственным проблемам, при гиперопеке, напротив, субъекту характерно пассивно-агрессивное сопротивление, а при жестоком обращении проявление аутоагрессия и враждебность к миру. Е. Э. Бойкина и Р. В. Чиркина анализируют деструктивные последствия социального остракизма (отвержения, игнорирования, исключения)[2]. Остракизм для несовершеннолетних становится триггером агрессии, буллинга и массовых убийств. Схожим образом описывает деструктивные последствия буллинга Л. Н. Тимерьянова, показывая, что буллинг-поведение не является врожденной склонностью, а возникает и закрепляется там, где деструктивные действия подкрепляются вниманием группы и повышением статуса агрессора[3]. А. Г. Самохвалова демонстрирует, как коммуникативные трудности подростка (неумение строить отношения и низкая социальная компетентность) толкают его к поиску альтернативных субкультур, многие из которых носят деструктивный характер — таким образом, деструктивность оказывается следствием неспособности несовершеннолетнего вписаться в нормативные социальные структуры[4]. В этой связи актуальной и своевременной является исследование Ж. В. Садовниковой, формулирующей организующие задачи

---

[1] См.: Аванесян Л. Р. Деструктивное поведение ребенка как следствие деформации процесса семейного воспитания // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-2. С. 4–8.

[2] См.: Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 152–164.

[3] См.: Тимерьянова Л. Н. Буллинг как деструктивное поведение в подростковой среде // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-3. С. 367–370.

[4] См.: Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности подростка: субкультурный аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4-3 (44). С. 157–160.

образовательной организации по профилактике деструктивного поведения подростков[1].

Комплекс исследований свидетельствует о том, что различные стили семейного воспитания формируют специфические деформации личности, в т. ч. деструктивной идентичности[2].

На уровне потребностно-мотивационной сферы это может проявляться в антиобщественных потребностях (в доминировании через насилие, в паразитическом обогащении); на уровне регуляции — в неспособности усвоить и интериоризировать социальные нормы, отстрочить удовлетворение желаний, контролировать агрессию. Однако, в отличие от детерминизма медико-биологического подхода, социализационный подход предполагает обратимость деструктивных установок. Их трансформация рассматривается как задача «перевоспитания» или «ресоциализации», которая может осуществляться различными социальными институтами (для криминогенных лиц — институтами административного надзора, пробации) через принуждение к правопослушному поведению, получение образования и трудоустройство, психологическую профилактику негативных проявлений дефектов воспитания. Таким образом, деструктивное поведение видится как усвоенная, а потому потенциально способная быть замещенной, модель взаимодействия с миром.

3. Концепция депривации и неравенства представляет деструктивность личности в качестве инструмента компенсации социальных условий, препятствующих социальному функционированию.

Подход концентрируется на переживаемом личностью материальном и социальном неравенстве, ограниченном доступе к ресурсам и социальной исключенности. Деструктивное как и криминальное поведение выступают в качестве стратегии адаптации к субъективно враждебным условиям существования личности.

Поддержка данных положений получена на материале макросоциального исследования социального самочувствия населения Ю. И. Жегусовым[3]. Так, им установлена связь между социальным самочувствием населения (удовлетворенностью жизнью, уверенностью в будущем, восприятием справедливости) и проявлением деструктивного

---

[1] См.: Садовникова Ж. В. Система работы школы по профилактике деструктивного поведения подростков. Москва : Издательский дом Вахромеева, 2025. 240 с.

[2] См.: Самойлик Н. А. Структура личности осужденных с деструктивной идентичностью // Юридическая психология. 2025. № 4. С. 23–27.

[3] См.: Жегусов Ю. И. Влияние социального самочувствия населения на динамику деструктивных социальных процессов в России // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 4. С. 15–26.

поведения (преступности, суицидов, алкоголизации, протестной активности). Автор показывает, что ухудшение социального самочувствия с временным лагом в 6–12 месяцев ведет к росту деструктивных проявлений, и интерпретирует этот феномен так: деструктивность становится экстремальной стратегией совладания, когда личность не может изменить невыносимые условия легальными способами.

Однако содержательно влияние депривации и неравенства в большей мере изучено на несовершеннолетних, чем взрослых людях. Н. Г. Сушко расширяет понятие депривации за пределы материальной нужды, обозначая его посредством конструкта «скрытого социального сиротства» — ситуации, когда ребенок формально живет в семье, но испытывает хроническую эмоциональную и психологическую депривацию (отсутствие поддержки, принятия)[1]. Деструктивность в таком случае интерпретируется как компенсаторный протест против депривирующих условий, а «скрытое социальное сиротство» ведет к тем же последствиям, что и асоциальное поведение.

Деструктивность становится реакцией личности на депривацию и фрустрацию, а соответствующее поведение выступает получения необходимых ресурсов. Эмпирическое подтверждение этому предоставляет А. С. Рахимкулова которая методом кластерного анализа выборки из 732 подростков характеризует профиль с высоким уровнем депривации по признакам материального неблагополучия, низкого социального статуса семьи, отсутствия доступа к ресурсам развития[2]. Именно этот кластер демонстрирует максимальную выраженность деструктивных форм поведения: агрессию, употребление психоактивных веществ, делинквентность, суицидальные мысли. Автор отмечает, что депривация является самостоятельным предиктором деструктивности, не сводимым к семейному неблагополучию (которое также коррелирует, но статистически независимо от депривации).

Таким образом, можно заключить, что деструктивная направленность порождается противоречиями между общественно навязываемыми нормами (стандартами) социального успеха и реальной возможностью их достижения, а также между декларируемыми функциями социальных институтов помощи и их ограниченной эффективностью. Концепция депривации и неравенства демонстрирует, что деструктивное

---

[1] См.: Сушко Н. Г. Скрытое социальное сиротство как социально-психологический феномен // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. № 2 (13). С. 269–276.

[2] См.: Рахимкулова А. С. Кластеризация рискового поведения подростков: анализ результатов исследования // Суицидология. 2018. Т. 9, № 2 (31). С. 60–71.

поведение — это ответ на условия жизнедеятельности, в которых легальные каналы удовлетворения потребностей личности оказываются заблокированы.

4. Социально-моральная концепция: деструктивность как результат моральной дезинтеграции личности с обществом. Четвертое объяснение, предлагаемое социально-когнитивной психологией, делает акцент на дефектах механизмов моральной регуляции. Деструктивное поведение трактуется как результат моральной дезинтеграции личности с обществом, но ключевым отличием от предыдущих концепций является то, что личность в целом сохраняет способность к моральному суждению, однако в определенных ситуациях применяет когнитивные стратегии для «отключения» или заглушения моральных запретов.

Макросоциологическое обоснование этого механизма представлено А. П. Бандуриным[1]. Он показывает, что в современном обществе институты формирования морали (семья, церковь, школа) ослабевают, а нормы повседневной реальности становятся размытыми, ситуативными, противоречивыми. Возникает моральный вакуум, в котором механизмы морального отстранения активируются легче, а внутренний запрет на деструкцию ослабевает.

Социально-психологическое обоснования деморализации как причины деструктивного поведения предложено А.Бандурой в теории морального отчуждения[2], а также Дж. Сайкс и Д. Матца, описавшими приемы нейтрализации морали, позволяющими преступникам совершать противоправные поступки[3]. Можно выделить несколько когнитивных тактик морального отстранения, составляющих стиль криминального мышления — моральное оправдание («я был вынужден», «у меня не было выбора»), эвфемистическое переименование («позаимствовал» вместо «украл»), выгодное сравнение («я не такой, как те убийцы»), диффузию ответственности («все так делают», «мне приказали») и обесценивание жертвы («она сама виновата», «она не человек»)[4]. Данные когнитивные тактики позволяют совершать деструктивные действия без чувства вины и стыда, «выключая» механизм моральной регуляции социального поведения.

---

[1] См.: А. П. Усиление регулирующего влияния норм повседневной реальности в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11. С. 7–14.

[2] См.: Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves. New York : Macmillan, 2016. 544 p.

[3] См.: Sykes G. M., Matza D. Techniques of neutralization: a theory of delinquency // American Sociological Review. 1957. Vol. 22, No. 6. P. 664–670.

[4] См.: Злоказов К. В. Стили криминального мышления как диагностический конструкт // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 76–80.

Характеризуя данный феномен, Е. Н. Рядинская и Н. И. Ковальчишина используют понятие «токсичное сознание» — устойчивый когнитивно-аффективный паттерн, при котором человек воспринимает мир как враждебный, а других людей — как инструменты или препятствия[1]. Такая разновидность сознания характеризуется моральной дезинтеграцией, поскольку нормы «хорошо/плохо» заменяются на «выгодно/невыгодно» а эмпатия блокируется.

Соответственно, криминальное поведение рассматривается как инструмент достижения личностно-значимых целей, где риск просчитывается, а моральные императивы игнорируются. М. П. Ефимова с соавторами развивают данную идею применительно к правосознанию подростков[2]. Они утверждают, что деструктивное поведение напрямую коррелирует с присущими им дефектами правосознания (незнанием норм, размытостью границ допустимого, отсутствием внутреннего запрета на нарушение). Важно, что эти дефекты являются результатом несформированности моральной и правовой компетентности. Соответственно, целенаправленное формирование правосознания выступает ключевым аспектом профилактики деструктивного поведения.

А. В. Шувалов связывает проявления деструктивности современной молодежи с антропологическим сдвигом от эгоцентризма к деструктивности с разрывом моральной связи между субъектом и Другим[3]. По его мнению, современные цифровые среды способствуют формированию личности, для которой другой человек перестает быть субъектом (существом, страдающим как и я) и становится объектом или симулякром, что и делает моральное отстранение почти автоматическим. Деструктивность поддерживается специфическими когнитивными схемами (например, установками на враждебность атрибуции, перфекционистские требования к другим), позволяющими сохранять позитивное самоотношение, несмотря на причиняемый вред. В частности, Ю. Р. Тагильцева и М. Р. Бабикова показывают, каким образом экстремистский дискурс активирует и закрепляет механизмы морального отстранения[4].

---

[1] См.: Рядинская Е. Н., Ковальчишина Н. И. Токсичное сознание как результат нарушений психологического здоровья личности // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5 (154). С. 224–229.

[2] См.: Ефимова М. П., Уарова Н. А., Новожилова Е. С. Значение формирования устойчивого правосознания у подростков для предотвращения актов деструктивного поведения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 595–597.

[3] См.: Шувалов А. В. Современные антропологические тенденции: от эгоцентризма к деструктивности // Народное образование. 2023. № 4 (1499). С. 33–48.

[4] См.: Тагильцева Ю. Р., Бабикова М. Р. Лингвистические компоненты конфликтогенного поликодового текста в формировании установки на экстремистское поведение в молодежной среде // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 3. С. 290–295.

Они показывают, что через эвфемизацию насилия (террор как «борьба», убийства как «очищение», жертвы как «враги») экстремистская пропаганда помогает читателю или зрителю отключить естественное моральное отвращение к насилию. Деструктивность детерминируется здесь путем усвоения чужой моральной логики, для которой деструкция перестает быть табуированной.

Соответственно, деструктивность детерминирована не незнанием норм, а способностью нейтрализовывать механизмы самоосуждения, достигая необходимого уровня морального отчуждения и дегуманизации жертвы. Таким образом, в контексте данного подхода объясняется, почему криминогенная личность успешно адаптируется к формальным нормам (например в условиях пенитенциарного учреждения), но воспринимают их исключительно как внешние и чуждые ограничения, с которыми следует считаться лишь из соображений личной выгоды и избегания наказания. Профилактика и коррекция деструктивности криминогенной личности направлены не на «перевоспитание» в широком смысле, а на реконструкцию искаженных когнитивных и морально-оценочных процессов, развитие эмпатии и принятие личной ответственности.

Подводя итоги, можно утверждать, что разнообразие теоретических подходов к объяснению криминализации личности отражает многомерную природу ее формирования. Однако, как нами уже отмечалось в предыдущем параграфе, наиболее продуктивным представляется психосоциальный подход. Он позволяет синтезировать ряд факторов (биосоциальных предпосылок, последствий дефектной социализации) и сфокусироваться на определении роли идентичности криминогенной личности. В целом, психосоциальный подход создает предпосылки для разработки программ психологической профилактики, нацеленных на психологические механизмы, лежащие в основе деструктивной направленности поведения. Именно это понимание составляет методологическую основу для анализа особенностей деструктивного поведения и разработки методов диагностике и мер по его профилактике.

Считая, в след за Э. Эриксоном, что результатом психосоциального развития становится идентичность личности, ее деструктивный характер проявляется в том, что она формируется и утверждается путем разрушения участвующих в ее создании социальных структур. Соответственно, идентичность раскрывает своеобразие потребностно-мотивационной и ценностно-смысловой сфер криминогенной личности, ответственных за осуществление и регуляцию деструктивного взаимодействия.

Деструктивность криминогенной личности детерминирует комплекс отношений личности с миром, формирующийся в ходе психосоциального развития. Ведущим аспектом операционализации деструктивного поведения криминогенной личности выступает объяснение ее отношений к социальному окружению. Теоретическим основанием для различения форм отношений служит понимание деструктивности как специфического способа контроля над активностью партнера, направленного на его подчинение, подавление или устранение. Этот контроль реализуется либо через применение физической силы (насилие), либо посредством инструментального использования вербальных средств (клевета, систематическое обесценивание, оскорбление). В противоположность деструктивной конструктивная форма отношений ориентирована на повышение активности и потенциала партнера через оказание помощи, поддержки и предоставление ему отсутствующих ресурсов (материальных, информационных, психологических). Таким образом, если деструктивность нацелена к ограничение автономии Другого и разрушении его идентичности, то конструктивность направлена на ее расширение и укрепление.

В академической литературе преобладает взгляд, согласно которому разрушительные последствия такого взаимодействия для партнера не являются побочным эффектом, но чаще выступают ожидаемым и желательным результатом. Так, Н. Н. Обозов определяет подобные паттерны как взаиморазрушающие отношения, ведущие к ухудшению состояния и позиций всех вовлеченных сторон[1]. Е. В. Коротаева подчеркивает, что деструктивное взаимодействие, вне зависимости от его непосредственных целей, объективно приводит к подавлению личности и деградации системы взаимоотношений[2]. Даже в интимных отношениях членов семьи, как отмечают некоторые исследователи, деструктивные действия могут не иметь прямой цели уничтожения, но систематически преследуют цель оказания негативного воздействия для удержания контроля или компенсации собственной неуверенности[3].

Анализ результатов позволяет выдвинуть предположение о том, что содержание и распространенность деструктивных и конструктивных форм отношений будут различаться у лиц с разным уровнем

---

[1] См.: Обозов Н. Н. Психология межличностных отношений. Киев : Наукова думка, 2006. 192 с.

[2] См.: Коротаева Е. В. Организация взаимодействий в образовательном процессе школы. Москва : Сентябрь, 2016. 192 с.

[3] См.: Тащева А. И. Деструктивные взаимоотношения в семье // Психо-логический вестник РГУ. 2000. Вып. 5, Ч. 1-2. С. 132–140.

криминогенной направленности. В частности, можно ожидать, что у лиц с криминогенной направленностью деструктивные формы взаимоотношения будут носить тотальный, инструментальный и целенаправленный характер, пронизывая все сферы взаимодействия — от межличностных до социально-средовых. Их конструктивные проявления, напротив, будут редки, избирательны и, вероятно, также подчинены инструментальной логике (например, «помощь» как способ создания обязательств или манипуляции).

Для лиц с ситуативно-криминогенной направленностью деструктивность может носить реактивный характер, интенсифицируясь в условиях конфликта или фрустрации. Конструктивные отношения в этой группе могут быть более выражены, но неустойчивы и легко замещаются деструктивными при изменении социальных условий жизнедеятельности. У правопослушных лиц конструктивные формы взаимодействия должны выступать доминирующей, устойчивой стратегией, в то время как деструктивные проявления, если и возникают, носят, как правило, аффективный, несистемный и осуждаемый самим субъектом характер.

Важным является также сфера приложения этих форм. Деструктивность криминогенной личности должна быть наиболее концентрированно и опасно выражена в сфере межличностных и внутригрупповых отношений (семья, друзья, ближайшее окружение), где достигается максимальный эффект контроля и где нарушение или несоблюдение социально-предписанного поведения наносит наибольший урон. Конструктивность может демонстрировать тенденцию к более широкой, в т. ч. просоциальной (межгрупповой и социально-средовой) экспансии взаимодействия, распространяясь на малознакомых людей и обезличенные социальные группы.

Следует акцентировать внимание между деструктивностью отношений, образом «Я» криминогенной личности и ее самоотношением. Логично предположить, что доминирование деструктивных форм внешнего взаимодействия коррелирует с негативным, конфликтным и фрагментированным самоотношением. Дефицит конструктивных отношений с окружением лишает криминогенную личность важнейшего источника позитивной обратной связи, что ведет к искажениям в восприятии собственной уникальности, компетентности и социальной ценности. В свою очередь, искаженный, уязвимый образ «Я» провоцирует использование деструктивных паттернов как защитного механизма для утверждения своего статуса и контроля над угрожающей,

с точки зрения личности, социальной средой. Таким образом, формируется замкнутый цикл, где деструктивное поведение и негативное самоотношение взаимно обусловливают друг друга, находя выражение в деструктивном взаимодействии с социальным окружением. В этой связи деструктивное поведение криминогенной личности может быть оценено через призму представлений о стратегиях взаимодействия.

С этой целью нами было проведен теоретический анализ форм деструктивного и конструктивного отношения к социальному окружению, сформирована шкала утверждений репрезентирующих формы деструктивного взаимодействия, выполнена оценка надежности и валидности, установлены психометрические свойства. В результате эмпирического исследования получены новые сведения о деструктивном взаимодействии криминогенной личности с социальным окружением.

Теоретической базой шкалы деструктивного взаимодействия служит комплекс теорий взаимодействия личности с социальным окружением, объясняющих индивидуальные-психологические особенности их регуляции. Выбор комплекса теорий а не одной объясняется отсутствием в каждой из них разработанных представлений о деструктивном поведении. Поскольку каждая в определенной мере позволяет его характеризовать, в целях разработки шкалы был использован максимально широкий спектр теорий, которые, в то же время согласуются друг с другом. Их относительная сопряженность объясняется близостью к идее психосоциального подхода о становлении личности под влиянием общества.

Первым основанием является теория морального развития Л. Колберга[1]. Согласно этой теории, становление личности проходит три уровня моральных суждений: а) преконвенциональный (ориентация на наказание и поощрение, эгоцентризм), б) конвенциональный (ориентация на социальные нормы и одобрение значимых других) и в) постконвенциональный (ориентация на универсальные этические принципы, совесть, диалог). Дж. Гиббс развил представления Л. Колберга, введя понятие «зрелое моральное суждение», которое предполагает способность учитывать намерения другого человека, контекст ситуации и возможность примирения[2]. Дефицит зрелого морального суждения, проявляется в эгоцентричных реакциях на конфликт, приводящих

[1] См.: Kohlberg L. The psychology of moral development: Essays on moral development. San Francisco : Harper & Row, 1984. 720 p.

[2] См.: Gibbs J. C. Moral development and reality: beyond the theories of Kohlberg, Hoffman, and Haidt. New York: Oxford University Press; 2019. 419 p.

к встречной агрессии. Данные реакции операционализируются нами как деструктивные, поскольку немедленный разрыв отношений, отказ от прощения, силовой ответ на несправедливость, прекращение заботы при отсутствии выражения благодарности являются причинами прекращения взаимодействия.

Вторым основанием разработки шкалы деструктивного взаимодействия выступает теория межличностных отношений, предложенная Ф. Хайдером[1] и дополненная Б. Вайнером, описавшим три независимых измерения атрибуции отношений — их локус (внутренний или внешний), их стабильность (постоянство или изменчивость) и контролируемость (возможность управления)[2]. Позже Л. Абрамсон с коллегами было установлено, что атрибуция могут характеризоваться дезадаптивностью, сопровождающейся переживанием чувства беспомощности, совмещенной с агрессией[3]. У криминогенной личности дезадаптивная атрибуция сопровождается не только отказом от поиска правопослушного решения сложившейся ситуации, но и пассивно-агрессивным отношением к себе и окружающим. Соответственно, их изучение расширяет возможность выявления деструктивного поведения, вызванного объяснением жизненных неудач собственной слабостью или негативным влиянием окружения.

Третьим теоретическим источником является межличностная теория Г. Салливана, согласно которой личность формируется в межличностных отношениях, а психопатология представляет собой деформацию этих отношений[4]. К. Хорни описывая базовые стратегии совладания с тревогой, которые она назвала «невротическими тенденциями», представила их в виде движения к людям (поиск любви и зависимости), движения против людей (агрессия, власть, контроль) и движения от людей (уход, изоляция, самообеспеченность)[5]. Соответственно, изучение деструктивного взаимодействия предполагает в терминах К. Хорни выявления стратегий движения против людей и от них.

---

[1] См.: Heider F. The psychology of interpersonal relations. Psychology Press, 2013. 336 p.

[2] См.: Weiner B. An Attributional Theory of Achievement Motivation and Emotion // Psychological Review. 1985. Vol. 9, No 4. P. 548–573.

[3] См.: Abramson L. Y., Metalsky G. I., Alloy L. B. Hopelessness depression: A theory-based subtype of depression // Psychological review. 1989. Vol. 96, No. 2. C. 358.

[4] См.: Sullivan H. S. The interpersonal theory of psychiatry. New York : W.W. Norton & Co., 1953. 423 p.

[5] См.: Horney K. Our inner conflicts: a constructive theory of neurosis. London : Routledge; 2013. 250 p.

Четвертым основанием выступает теория привязанности Дж. Боулби[1] и ее последующие разработки М. Эйнсворт с соавторами[2]. Согласно исследователям, ранний опыт взаимодействия с заботящимся взрослым формирует у ребенка модели отношений — устойчивые ожидания относительно доступности и отзывчивости других людей. Ненадежная привязанность (избегающая, тревожно-амбивалентная или дезорганизованная) предрасполагает к враждебности, импульсивному разрыву отношений и трудностям с прощением. Поскольку эмпирически подтверждено, что отсутствие отца (как фигуры привязанности) является предиктором делинквентности и психопатического развития[3], данный пункт включен в конструкт шкалы деструктивных взаимоотношений.

Пятым источником операционализации шкалы деструктивного взаимодействия являются исследования когнитивных моделей криминального мышления, обосновывающие его допустимость. Г. Уолтер в теории криминального мышления, описал восемь его стилей (закрытость, импульсивность, экстернальность, моральное отстранение, склонность к силовому решению проблем и др)[4], а А. Бек предложил объяснение криминального поведения действием дезадаптивных когнитивных схем («Мир враждебен», «Мои потребности превыше всего», «Если я не нападу первым, нападут на меня»)[5]. Соответственно в шкале деструктивного взаимодействия данные утверждения были также использованы в качестве показателей, связывающих представления криминогенной личности с деструктивным поведением.

Шестым основанием для разработки шкалы деструктивного взаимодействия выступила общая теория преступности М. Готтфредсона и Т. Хирши, согласно которой ведущей психологической детерминантой криминогенности личности является низкий самоконтроль[6]. Исследователи определяют его функцию как способность воздерживаться от импульсивных действий, предвидеть долгосрочные последствия,

---

[1] См.: Bowlby J. [et al.]. The effects of mother-child separation: a follow- up study // British Journal of Medical Psychology. 1956. Vol. 29, No. 3- 4. P. 211–247.

[2] См.: Ainsworth M. D. S., Blehar M. C., Waters E., Wall S. N. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. New York : Halsted (Wiley), 1978. 392 p.

[3] См.: Cassidy J., Jones J. D., Shaver P. R. Contributions of attachment theory and research: A framework for future research, translation, and policy // Development and psychopathology. 2013. Vol. 25, No. 4pt2. C. 1415–1434.

[4] См.: Walters G. D. Criminal thinking styles: A review and extension of the theory // Journal of Forensic Psychology Practice. 2006. Vol. 6, No. 4. P. 45–67.

[5] См.: Beck A. T. Prisoners of hate: The cognitive basis of anger, hostility, and violence. New York : HarperCollins, 1999. 354 p.

[6] См.: Gottfredson M., Hirschi T. A General Theory of Crime. Stanford : Stanford University Press, 1990. 297 p.

переносить фрустрацию и учитывать интересы других. Низкий самоконтроль проявляется в предпочтении простых, сиюминутных решений сложным, в склонности к риску, в эгоцентризме и в плохой способности преодолевать фрустрацию. Подтверждая данные предположения ранее полученными нами данными о том, что деструктивность отчасти детерминирована импульсивностью, радикальностью и агрессивностью[1], нами были использованы данные показатели в шкале деструктивного взаимодействия.

Седьмым и основополагающим теоретическим основанием для разработки шкалы выступила теория отношений, созданная В. Н. Мясищевым[2]. Согласно В. Н. Мясищеву, личность представляет собой систему отношений к миру, к другим людям и к себе, совокупность отношений (описанная различными социально-когнитивными и криминологическими теориями и концепциями) репрезентирует их в виде единства — криминогенной личности. Кроме того, поскольку негативные проявления этих отношений (гипертрофированное эгоцентрическое отношение, враждебное отношение к людям и дефицит рефлексивного отношения к себе) приводят к деструктивным формам поведения, показатели отношений также были включены в шкалу.

Целью исследования выступила психометрическая валидизация этой шкалы на выборке лиц, отбывающих наказание, с проверкой ее внутренней согласованности, факторной структуры, дискриминативной способности (в частности, способности различать ситуативных, устойчивых и злостных преступников) и связей с ключевыми социально-демографическими и криминологическими переменными.

Исследование проведено на выборке из 480 мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Все участники дали информированное согласие. Средний возраст составил 35,2 года (SD = 9,8). В исследовании использовалась оригинальная шкала деструктивности, включающая утверждения, описывающие поведенческую дилемму в межличностном конфликте. Пункты касаются реакций на угрозу дружбе, неоцененную заботу, предательство и насилие со стороны партнера, объяснение собственных неудач и несправедливость со стороны другого человека. Респонденты выбирали один из трех вариантов ответа, которые кодировались в числовую шкалу от 1 (просоциальный,

[1] См.: Злоказов К. В. Психологический анализ деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов : монография. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2011. 182 с.

[2] См.: Мясищев В. Н. Психология отношений : избранные психологические труды / под ред. А. А. Бодалева ; вступ. ст. А. А. Бодалева. Москва : МОДЭК, 1998. 363 с.

конструктивный ответ) до 3 (деструктивный, дезадаптивный ответ). Общий балл деструктивности вычислялся как среднее арифметическое по семи пунктам. Дополнительно собирались данные о возрасте, образовании, количестве судимостей, составе семьи, хронических заболеваниях, употреблении психоактивных веществ, чувстве вины за совершенное преступление и других переменных.

Статистическая обработка включала расчет α-Кронбаха для оценки внутренней согласованности, факторный анализ (метод главных компонент с вращением Varimax), ранжирование респондентов с разделением на три группы (ситуативные преступники, устойчивые и злостные типы криминогенной личности, критерий Краскела – Уоллиса для сравнения групп, ROC-анализ с определением площади под кривой (AUC), а также множественный регрессионный анализ (пошаговый метод) для выявления предикторов деструктивности. Все расчеты выполнены в среде R (версия 4.3).

Внутренняя согласованность шкалы деструктивности, оцененная расчетом α-Кронбаха, составила 0,74, что свидетельствует о приемлемой надежности для психологического инструмента из семи пунктов. Ни один из пунктов при удалении не повышал значение α-Кронбаха более чем на 0,01, что подтверждает целесообразность включения всех семи утверждений.

Факторный анализ установил двухфакторную структуру, объясняющую 66 % общей дисперсии. Первый фактор (42 % дисперсии) объединил пункты, относящиеся к реакциям на межличностные угрозы — готовность разорвать дружбу, прекратить заботу, отказаться от перестройки отношений и не прощать предательство. Второй фактор (24 % дисперсии) включил пункты, отражающие когнитивно-силовую деструктивность: силовой ответ на несправедливость, отпор на внешнее давление и объяснение неудач через слабость или злонамеренные действия других людей.

На основе распределения общего балла все респонденты были разделены на три группы: ситуативные преступники (балл от 1,00 до 1,67), устойчивые преступники (от 1,68 до 2,33) и злостные преступники (от 2.34 до 3.00).

Медианные значения составили 1,29, 2,00 и 2,57 соответственно. Межквартильные интервалы групп не пересекались, что указывает на достаточную дискриминативную способность шкалы. Критерий Краскела – Уоллиса показал статистически значимые различия между группами ($H = 74,3$, $df = 2$, $p < 0,001$). Post-hoc сравнения с поправкой

Бонферрони выявили значимые различия между всеми парами групп: ситуативные и устойчивые ($p < 0,01$), ситуативные и злостные ($p < 0,001$) и устойчивые и злостные ($p < 0,05$).

Для проверки диагностической точности шкалы был проведен ROC-анализ при различении злостных преступников и всех остальных. Площадь под кривой (AUC) составила 0,96 (95 % доверительный интервал 0,92–0,99), что соответствует выдающемуся качеству классификации. Оптимальный порог отсечения по индексу Юдена — 2,30. При этом пороге чувствительность достигла 92,3 %, специфичность — 92,9 %, общая точность — 92,7 %.

Для крайних групп (ситуативные и злостные) AUC составила 0,99, что говорит об уверенном их разделении. Различение устойчивых и злостных преступников также оказалось хорошим (AUC = 0,91), хотя и несколько ниже, что естественно ввиду большей психологической близости этих групп.

Анализ корреляций общего балла деструктивности с другими переменными показал следующие значимые связи. Наиболее сильной оказалась обратная корреляция с чувством вины за совершенное преступление ($r = -0.53$, $p < 0,001$): чем выше деструктивность, тем реже респонденты сообщают о переживании вины. Положительная корреляция обнаружена с количеством судимостей ($r = 0,52$, $p < 0,001$) и с наличием алкогольной или наркотической зависимости ($r = 0,48$, $p < 0,001$). Обратная корреляция зафиксирована с уровнем образования ($r = -0,41$, $p < 0,001$). Слабая, но значимая связь отмечена с возрастом ($r = 0,28$, $p = 0,006$), отсутствием совместного проживания с семьей ($r = -0,31$, $p = 0,002$) и оптимизмом в отношении будущего ($r = -0,30$, $p = 0,003$). Корреляция с участием в боевых действиях оказалась слабой, но статистически значимой ($r = 0,21$, $p = 0,04$). Наличие материнской фигуры и группа инвалидности не показали значимых связей.

Для выявления независимых предикторов деструктивности была построена множественная линейная регрессия с пошаговым включением предикторов. В итоговую модель вошли пять переменных, объясняющих 67 % дисперсии деструктивности (скорректированный $R^2 = 0,64$, $F(5,90) = 31,2$, $p < 0,001$).

Стандартизованные коэффициенты (β) показали, что наиболее сильным предиктором выступает количество судимостей ($\beta = 0,42$, $t = 6,20$, $p < 0,001$), затем отсутствие чувства вины ($\beta = -0,34$, $t = -4,67$, $p < 0,001$), отсутствие отцовской фигуры ($\beta = 0,26$, $t = 3.14$, $p = 0,002$), низкое образование ($\beta = -0,23$, $t = -3.00$, $p = 0,003$) и наличие алкогольной

или наркотической зависимости (β = 0,21, t = 2.71, p = 0,008). Остальные переменные, включая возраст, участие в боевых действиях и проживание с семьей, не достигли статистической значимости и были исключены из модели.

Диагностика регрессионной модели не выявила нарушений: мультиколлинеарность отсутствовала (VIF < 2,5), остатки гомоскедастичны (тест Бройша – Пагана, p = 0,21), автокорреляция не обнаружена (статистика Дарбина – Уотсона = 1,94), распределение остатков близко к нормальному (критерий Шапиро-Уилка p = 0,08).

Разработанная шкала деструктивного взаимодействия (приложение) представляет собой краткий и психометрически обоснованный инструмент, который может быть использован для изучения деструктивного взаимодействия с социальным окружением.

Полученные результаты уточняют унитарное представление о деструктивности за счет эмпирического подтверждения двух ее взаимосвязанных компонент и обоснования двух ее предпосылок.

Первый компонент — *дефект привязанности* — связан с готовностью разрывать отношения, прекращать заботу и не прощать предательство. Он соответствует представлениям теории привязанности[1] и теории ранних межличностных отношений[2] о том, что ранний опыт депривации формирует избегающий или тревожный тип привязанности, который во взрослом возрасте проявляется в упреждающем разрыве слабых связей и враждебности при наступлении фрустрации от действий партнера.

Второй компонент — *предпочтение насилия* — характеризует склонность объяснять неудачи через слабость или внешние силы, а также отвечать на несправедливость силой. Этот компонент напрямую связан с теорией атрибуции Б. Вайнера[3] и с когнитивными моделями криминального мышления[4], выделяющими склонность к насилию, жестокость и моральное отстранение в качестве критериев криминализации.

Таким образом, изъяны привязанности, возникшие на раннем этапе развития личности, приводящие к искажению представлений о ценности другого человека дополняясь готовностью к избыточному применению силы в отношениях с партнерами по взаимодействию

---

[1] См.: Horney K. Op. cit. ; Sullivan H. S. Op. cit.

[2] См.: Bowlby J. [et al.]. Op. cit.

[3] См.: Weiner B. Op. cit.

[4] См.: Злоказов К. В. Стили криминального мышления… ; Walters G. D. Op. cit.

выступают двумя психологическими детерминантами деструктивности в межличностных отношениях.

Разделение респондентов на три группы (ситуативных преступников, устойчивых и злостных типов криминогенной личности) получило эмпирическое подтверждение в различиях средних баллов и анализе ответов.

Ситуативные преступники демонстрируют низкий уровень деструктивности в межличностных отношениях, поскольку склонны восстанавливать отношения, прощать окружающих при объяснении причин совершения неуместных по их мнению поступков, а свои неудачи объяснять временными, ситуационными факторами. Это соответствует конвенциональному уровню морального развития по Л. Колбергу.

Каковы проявления деструктивности у лиц, отнесенных к криминогенной личности устойчивого и злостного типа? Устойчивые преступники находятся на границе среднего уровня деструктивности в межличностных отношениях. Они оправдывают разрыв взаимоотношений и применение насилия к партнерам по взаимодействию, но не всегда, а с условием присущих им индивидуальных представлений об отношениях. Злостные преступники демонстрируют самый высокий уровень деструктивности в межличностном взаимодействии. Исходя из содержания ответов они не прощают партнеров и разрывают отношения с ними, объясняют неудачи слабостью или злым умыслом других и отвечают на несправедливость силой. Этот стиль взаимодействия соответствует предконвенциональному уровню морального развития, а также полностью соответствуют представлениям об особенностях криминального мышления в части жестокости и низкой эмпатии[1]

Достаточная дискриминативная способность шкалы (AUC = 0,96) показывает, что она может быть использована как скрининговый инструмент. Порог отсечения 2,30 позволяет с минимальными ошибками (менее 8 %) относить респондента к категории криминогенных лиц. При этом сама по себе шкала не заменяет диагностического интервью, но позволяет быстро отобрать лиц, нуждающихся в углубленной диагностике.

Множественная регрессия выявила пять предикторов деструктивности в межличностных отношениях, которые в совокупности объясняют 67 % ее дисперсии. При этом количество судимостей оказалось ведущим по статистической значимости предиктором. Это позволяет предположить, что деструктивность не только предшествует преступному

[1] См.: Злоказов К. В. Стили криминального мышления…

поведению, но и усиливается с каждым новым сроком — возможно, через механизмы привыкания к криминальной субкультуре, обучения деструктивным стратегиям в местах лишения свободы или когнитивного диссонанса (оправдание своих действий). Отсутствие переживания вины, также вошедшее в модель, может пониматься как следствие деструктивных установок или как их независимая причина. С психопатологической точки зрения это сближает лиц, получивших высокие баллы по шкале с оценками по фактору психопатии Р. Хэра (отсутствие раскаяния)[1].

В заключение отметим что разработанная и валидизированная шкала деструктивного взаимодействия (см. приложение) представляет собой краткий психометрический инструмент, который может быть рекомендован для использования для изучения риска осуществления деструктивного поведения и его профилактики.

Выводы третьей главы

Проблема деструктивного поведения криминогенных лиц, особенно в контексте рецидивной преступности, представляет собой сложное явление, интегрирующее социальные, правовые, экономические и психологические факторы. Неэффективность применяемых мер уголовно-правового воздействия указывает на необходимость изучения механизмов криминализации и психологии деструктивного поведения криминогенной личности. Основные направления понимания предпосылок деструктивности в данном контексте находятся в области интерпретаций криминализации и деструктивности криминогенной личности.

Криминализация как многоуровневый процесс раскрывается не только как уголовно-правовая квалификация деяния, но и как:

а) процесс социального исключения, который снижает возможности социального функционирования, побуждая к криминальным стратегиям самореализации;

б) процесс формирования устойчивой противоправной направленности личности, системы деформированных мотивов, ценностей и когнитивных схем, оправдывающих деструктивное поведение.

[1] См.: Hare R. D., Neumann C. S. Structural models of psychopathy // Current psychiatry reports. 2005. Vol. 7, No. 1. P. 57–64.

Психологической основой формирования деструктивного поведения криминогенной личности является разрыв связи «личность-общество», благодаря которому деструктивное поведение выступает искаженным, но результативным способом восстановления субъектности в условиях социального отчуждения. Деструктивное поведение порождается психологическим механизмом конструирования и поддержания идентичности. После отбывания наказания связанного с лишением свободы и освобождения, деструктивные формы взаимодействия с окружающими становятся для личности проверенным способом поддержания социального функционирования.

Проявление деструктивности в межличностных отношениях выступают показателем криминализации и антиобщественной направленности криминогенной личности. Так, у злостно криминогенных лиц представлены проявления, направленные на контроль и подавление Другого, при минимальной конструктивности. У устойчиво криминогенных лиц деструктивность имеет вариативный характер, обусловленный индивидуальными представлениями о допустимости антиобщественных действий и правопослушности, тогда как у ситуативных преступников представлены в основном конструктивные отношения, ориентированные на поддержку и развитие партнера. Можно полагать, что эффективность профилактики рецидива будет выше при подходе, учитывающем не только формально-юридический, но и тип криминогенности личности (злостный, устойчивый, ситуативный) и свойственную им форму проявления деструктивных отношений.

Таким образом, противодействие деструктивному поведению и рецидиву преступлений требует комплексных программ, направленных не только на внешний контроль, но и на реконструкцию идентичности через создание условий для формирования новых, просоциальных связей, коррекцию искаженных когнитивно-моральных схем и предоставление реальных возможностей для легальной самореализации, тем самым восстанавливая разорванную связь личности с обществом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии осуществлен теоретико-эмпирический анализ деструктивного социального поведения криминогенной личности как вида социальной активности, связанного с антиобщественным поведением. В работе последовательно раскрываются теоретические основания исследования данного вида поведения, описывается специфика криминогенной личности как субъекта деструктивного поведения, изучаются характеристики криминогенной личности и особенности ее деструктивного поведения.

Деструктивное социальное поведение характеризуется как совокупность устойчивых антиобщественных поведенческих форм взаимодействия криминогенной личности с социальным окружением. На основе выполненного анализа современных психологических концепций становится возможной концептуализация деструктивного социального поведения применительно к криминогенной личности. Ее разработка является своевременным шагом, существенно усиливающим возможности теоретического и эмпирического изучения деструктивности. Выполненное описание позволяет еще более операционализировать феномен деструктивности для последующего изучения.

Опираясь на результаты теоретического анализа, можно утверждать, что деструктивное социальное поведение выполняет для криминогенной личности компенсаторную функцию возмещения утрачиваемых возможностей реализации себя, одновременно являясь и следствием, и причиной социально-психологического отчуждения от общества.

Проявление криминогенной личностью форм деструктивного поведения обусловлено невозможностью построения собственной идентичности конструктивным путем, причины которой отчасти связаны с психосоциальными проблемами ее формирования, в т. ч. опытом раннего детского отвержения, враждебностью ближайшего окружения, неспособностью к восстановлению социального функционирования после отбывания наказания, связанного с лишением свободы. На это указывает выполненное исследование отношений с социальным окружением лиц, относимых к устойчивому и злостному криминогенному типу личности.

С его помощью установлено, что проявления деструктивности в межличностных отношениях являются показателем риска анти-

общественного поведения криминогенной личности. Так, у злостного типа криминогенной личности представлены проявления, направленные на контроль и подавление партнера по взаимодействию, у устойчивого типа деструктивность варьируется в зависимости от индивидуальных представлений о допустимом отношении к партнеру, тогда как у ситуативных преступников представлены в основном конструктивные отношения, ориентированные на поддержку партнера.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение пороговых уровней и «точек невозврата» в динамике деструктивного поведения, когда оно приобретает тотальный и необратимый характер. Любые попытки блокировки такого поведения и переход к просоциальным моделям невозможны без целенаправленного создания отношений поддержки, формирования новых смыслов и развития навыков правопослушной самореализации. Важным направлением выступает углубленный анализ влияния личностных особенностей на специфику и интенсивность поведенческих проявлений деструктивности криминогеннной личности.

Наконец, актуальной задачей, продолжающей заданную в этой работе линию, является разработка и апробация дифференцированных психокоррекционных программ, направленных не на симптоматические проявления, а на психологические детерминанты деструктивного социального поведения у различных типов криминогенных личностей.

Ограничения исследования. Описанное в монографии исследование имеет ряд ограничений. Первое теоретическое ограничение заключается в трудности проведения демаркационной линии между деструктивным социальным поведением криминогенной личности и аналогичными поведенческими проявлениями у правопослушных лиц. В этой связи, методически правильным является определение уровня криминогенности а вслед за этим – выявление деструктивности. Представляется целесообразной дальнейшая проработка критериев дифференциации деструктивности криминогенных/правопослушных лиц и уточнение концепции деструктивности с позиции ее сопряжения с антиобщественным и противоправным поведением.

Второе теоретическое ограничение заключается в том, что в настоящее время, идея деструктивности имеет индивидуалистическую а не антиобщественную трактовку, хотя результаты и выводы данной монографии показывают, что намеренное разрушительное поведение служит индивидуализации посредством уничтожения общественного. Таким образом, дальнейшая разработка деструктивности

правопослушных лиц не исключает выделения противоправной формы ее воплощения.

Методическое ограничение заключается в намеренном невнимании авторов к клинико-психологическим теориям и концепциям деструктивного поведения, и, как следствие, отсутствие оценки значения психических аномалий в детерминации и регуляции деструктивного поведения криминогенных лиц.

Эмпирическое ограничение выражается в отсутствии соответствующих фактов, поддерживающих либо опровергающих гипотезы авторов и оставляющих их в качестве цели для последующих научных изысканий авторов, а также всех, кто в силу научного или практического интереса погружен в проблему деструктивности криминогенной личности.

Вместе с тем, несмотря на описанные ограничения, выполненное исследование деструктивного социального поведения криминогенной личности представляется полезным и своевременным, а полученные теоретические и эмпирические результаты способствуют расширению и уточнению представлений не только о сущности деструктивности, но и специфике ее возникновения и проявления у криминогенной личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Денисова Е. Г., Куприянов И. В. Генетические предикторы деструктивных и конструктивных форм информационного поведения молодежи // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2021. – № 3. – С. 101–107.

2. Аванесян Л. Р. Деструктивное поведение ребенка как следствие деформации процесса семейного воспитания // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58-2. – С. 4–8.

3. Адлер А. Наука жить. – Москва: АСТ, 2024. – 256 с.

4. Антонян Ю. М. Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди : монография. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 311 с.

5. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. – Москва : Юристъ, 1996. – 335 с.

6. Антропология деструктивности : коллективная монография / П. Е. Суслонов, А. А. Исаев, А. Г. Кислов [и др.]. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2012. – 214 с.

7. Асмолов А. Г. О предмете психологии личности // Вопросы психологии. – 1983. – № 3. – С. 118–125.

8. Бандура А. Теория социального научения. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – 320 с.

9. Бандурин А. П. Усиление регулирующего влияния норм повседневной реальности в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 11. – С. 7–14.

10. Беккер Г. С. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. – Москва : Элементарные формы, 2018. – 272 с.

11. Беляцкая Е. В. Дискурс и власть в концепции М. Фуко: точки пересечения //Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. – 2022. – №. 13. – С. 100–104.

12. Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. – Москва : Олма-пресс, 2002. – 512 с.

13. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. – Москва : Наука, 1994. – 400 с.

14. Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека / под ред. А. В. Брушлинского, В. А. Кольцовой. – Москва : Институт практической психологии, 1997. – 416 с.

15. Бехтерев В. М. Психопатия и ее отношение к вопросу о вменении. – Казань : Университетская типография, 1886. – 32 с.

16. Блясова И. Ю., Литвак Р. А. Субъектно-депривационный подход к проблеме предупреждения девиантного поведения подростков // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 2 (21). – С. 151.

17. Богдан С. С. Человеческая деструктивность как социокультурный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 124. – С. 310–320.

18. Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 152–164.

19. Братусь Б. С. Аномалии личности. – Москва : Мысль, 1988. – 301 с.

20. Нейропсихологический подход в профилактике деструктивного поведения подростков / Братчикова Ю. В., Герасименко Ю. А., Лозгачева О. В., Галагузова Ю. Н. [и др.] // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 6. – С. 316–323.

21. Буданова Е. А., Демидова О. В., Мальцев Е. П. Понятие и виды противоправных деяний несовершеннолетних, совершаемых с использованием социальных сетей и мессенджеров // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2022. – № 1. – С. 136–145.

22. Буняева М. В., Ковш Е. М. Агрессия и деструкция в фокусе психоанализа // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2015. – № 13-4. – С. 55–57.

23. Вагин Ю. Р. Теория деструктивного влечения Сабины Шпильрейн // Суицидология. – 2012. – № 1. – С. 43–49.

24. Васюков Р. В. Концепция ресентимента в философии Ницше: социально-философские поиски и экстремистские интерпретации // Современные философские исследования. – 2025. – № 4. – С. 8897. – https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-88-97

25. Васягина Н. Н. Делинквентное поведение подростков: феноменология, причины, возможности профилактики // Вестник практической психологии образования. – 2018. – № 1-2 (54-55). – С. 12–17.

26. Вершинин С. Е., Борисова Г. А. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ). – Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2009. – 126 с.

27. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений : в 6 т. Т – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 3.– С. 5–328.

28. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 799 с.

29. Гирц К. Интерпретация культур / перев. с англ. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

30. Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Шорикова Е. С. Закономерности тройной детерминации криминального поведения // Гуманитарный вестник. – 2017. – № 4 (54). – С. 1–17.

31. Гузенко К. В., Пишель В. Я., Полывяная М. Ю. Особенности деструктивного поведения пациентов, перенесших первый психотический эпизод // Таврический журнал психиатрии. – 2009. – Т. 13, № 2 (47). – С. 54–61.

32. Гурова О. В., Кружкова О. В. Вандализм как деструктивная стратегия реализации субъектности подростка // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 3. – С. 115–121.

33. Гусейнов А. Ш., Удачина П. Ю., Мисюнас К. А. Гармоничность ценностно-смысловой сферы как ресурс предупреждения деструктивных проявлений личности // Гуманизация образования. – 2023. – № 2. – С. 97–110.

34. Деррида Ж. Письмо и различие. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. – 432 с.

35. Долгова А. И. Избранные труды / [сост. В. В. Меркурьев, О. А Евланова, А. С. Васнецова, Д. А. Соколов ; вступ. ст. М. П. Клейменова, В. А. Номоконова, Э. Ф. Побегайло, В. Е. Эминова]. – Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 423 с.

36. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / перев. с фр. А. Б. Гофмана. – Москва : Канон, 1996. – 432 с.

37. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / перев. с фр., под ред. В. А. Базарова. – Москва : Мысль, 1994. – 399 с.

38. Еникеев М. И. Юридическая психология : учебник. – Москва : ИНФРА-М, 1999. – 517 с.

39. Ениколопов С. Н. Агрессия // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.

40. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. – Москва : РОССПЭН, 2014. – 492 с.

41. Ерзин А. И. Психологические особенности деструктивного поведения у больных шизофренией // Психология и психотехника. – 2013. – № 3 (54). – С. 288–293.

42. Ефимова М. П., Уарова Н. А., Новожилова Е. С. Значение формирования устойчивого правосознания у подростков для предотвращения актов деструктивного поведения // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 595–597.

43. Жегусов Ю. И. Влияние социального самочувствия населения на динамику деструктивных социальных процессов в России // Коммуникология. – 2018. – Т. 6, № 4. – С. 15–26.

44. Злоказов К. В. Психологический анализ деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов : монография. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2011. – 182 с.

45. Злоказов К. В. Самореализация криминогенной личности: значение социального окружения // Российский девиантологический журнал. – 2024. – Т. 4, № 2. – С. 204–222.

46. Злоказов К. В. Деструктивное поведение в различных контекстах его проявления // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26, № 4. – С. 67–73.

47. Злоказов К. В. Деструктивное социальное поведение. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2017. – 183 с.

48. Злоказов К. В. Деструктивность и идентичность личности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 61–73.

49. Злоказов К. В., Прядеин В. П. Деструктивность личности: социально-психологическое исследование. – Сургут : Сургутский государственный педагогический университет, 2014. – 178 с.

50. Злоказов К. В. Современные модели развития идентичности личности (в контексте эриксонианской традиции) // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 11. – С. 99–108.

51. Злоказов К. В. Стили криминального мышления как диагностический конструкт // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 76–80.

52. Злоказов К. В. Социальное пространство в представлении преступника : монография. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 264 с.

53. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 368 с.

54. Ильин В. А., Бонкало С. В. Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики // Социальная психология и общество. – 2015. – Т. 6, № 3. – С. 150–156.

55. Камалетдинова А. Я. Становление стадиального подхода в теории «цивилизации» от Л. Г. Моргана до Ф. Энгельса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 7 (477). – С. 68–78.

56. Каннабих Ю. В. История психиатрии. – Москва : Юрайт, 2025. – 384 с.

57. Катаев Д. В. Макс Вебер и Новая критическая теория Хартмута Розы: актуализация классики // Социология власти. – 2020. – Т. 32, № 4. – С. 146–166.

58. Кетле А. Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики. – Москва : RUGRAM, 2025. – 258 с.

59. Клочко В. Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме трансспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред.: В. В. Знаков, Г. В. Залевский. – Москва : Институт психологии РАН, 2008. – С. 41–61.

60. Криминализация // Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2005. – Т. 1: Понятие уголовного права. – 699 с.

61. Ковалев Ю. В. Расстройства личности и характера. – Ижевск : Ижевская государственная медицинская академия, 2021. – 108 с.

62. Комлев Ю. Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (24). – С. 6–14.

63. Коротаева Е. В. Организация взаимодействий в образовательном процессе школы. – Москва : Сентябрь, 2016. – 192 с.

64. Костромина С. Н., Филатова А. Ф. Детерминизм и самодетерминация в анализе личностной деструктивности // Вестник Удмуртского университета. – 2023. – Т. 33, № 3. – С. 232–244.

65. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. – 1965. – С. 519–550.

66. Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику. – Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2004. – 493 с.

67. Куликов В. Б., Злоказов К. В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 3 (27). – С. 89–92.

68. Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. – 1967. – № 6. – С. 118–130.

69. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – Москва : Смысл, 2003. – 487 с.

70. Липай Т. П., Магомедов А. К. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика : [сетевое издание]. – 2011. – № 1. – С. 7. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16367858.

71. Ломброзо Ч. Человек преступный. – Москва : Алгоритм, 2016. – 352 с.

72. Лоренц К. Так называемое зло. К естественной теории агрессии. – Москва : АСТ, 2016. – 416 с.

73. Макушкина О. А., Панченко Е. А. Современная концепция комплексной профилактики противоправного поведения лиц с психическими расстройствами // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2018. – № 1 (98). – С. 49–56.

74. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Ис-следование идеологии развитого индустриального общества / перев. с англ. А. А. Юдина. – Москва : АСТ, 2003. – 526 с.

75. Маслов В. А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 339–345.

76. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – Москва : АСТ, 2006. – 873 с.

77. Михайлов И. А. Моральная грамматика социальных конфликтов Акселя Хоннета // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции : сборник / отв. ред. И. И. Блауберг. – Москва : Институт философии РАН, 2012. – С. 64–102.

78. Мясищев В. Н. Психология отношений : избранные психологические труды / под ред. А. А. Бодалева ; вступ. ст. А. А. Бодалева. – Москва : МОДЭК, 1998. – 363 с.

79. Нятина Н. В., Головацкий Е. В. Социально-политические основания деструктивного поведения: особенности формирования подходов российской социологической исследовательской перспективы //

Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 501. – С. 85–96.

80. Обозов Н. Н. Психология межличностных отношений. – Киев : Наукова думка, 2006. – 192 с.

81. Паняшин А. А., Захарова О. В. Соотношение либерального и тоталитарного в политико-правовом учении Томаса Гоббса // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2023. – № 2 (79). – С. 47–57.

82. Плугина М. И., Абакарова Э. Г., Лукьянов А. С. Личностные особенности предрасположенности субъекта к деструктивным формам поведения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2023. – Т. 22, № 3S. – С. 3804. – https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3804

83. Прядеин В. П., Смирнов А. В., Чернышева Е. В. Мотивация правонарушений у социально нормативных лиц. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2023. – 252 с.

84. Рикерт Г. Философия жизни. – Киев : Ника-Центр, 1998. – 505 с.

85. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 508 с.

86. Руссо Ж.-Ж. Избранное. – Москва : Терра, 1996. – 664 с.

87. Рычкова Л. С., Кузнецова М. Н. Подходы к пониманию деструктивного поведения в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4. – С. 172–180.

88. Рядинская Е. Н., Ковальчишина Н. И. Токсичное сознание как результат нарушений психологического здоровья личности // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 5 (154). – С. 224–229.

89. Саддарова К. О. Особенности осужденных, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, и работы с ними в исправительных колониях // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2018. – № 4. – С. 205–209.

90. Садовникова Ж. В. Анализ причин деструктивного поведения детей и подростков в современном обществе. Способы профилактики // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2023. Т. 21, № 2. С. 120–139.

91. Садовникова Ж. В. Система работы школы по профилактике деструктивного поведения подростков. – Москва : Издательский дом Вахромеева, 2025. – 240 с.

92. Самойлик Н. А. Структура личности осужденных с деструктивной идентичностью // Юридическая психология. – 2025. – № 4. – С. 23–27.

93. Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности подростка: субкультурный аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 4-3 (44). – С. 157–160.

94. Сатыбалова Е. В. Метаморфозы человека в мире: между негативностью и позитивностью. Опыт анализа человеческой деструктивности : монография. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. – 104 с.

95. Светлов Р. В., Алымова Е. В., Варламова М. Н., Лощевский К. В. История античной философии : учебное пособие для вузов / под общей редакцией Р. В. Светлова. – Москва : Юрайт, 2024. – 288 с.

96. Семушкин, А. В. Эмпедокл. – Москва : Мысль, 1985. – 191 с.

97. Сергеев Д. В. Онтология культурного смысла : монография. – Новосибирск : Наука, 2009. – 164 с.

98. Серый А. В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня : сборник научных трудов.– Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. – Вып. 2. – С. 76–82.

99. Сидоренко И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. – Минск : БГУ, 2017. – 175 с.

100. Силаева Я. В. Психологические причины возникновения агрессивного поведения у подростков и условия его коррекции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. – 2009. – Вып. 3, ч. II. – С. 215–222.

101. Сироткин Ю. Л. Стигматизация как социокультурный феномен // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 2 (20). – С. 100–106.

102. Собольников В. В. Деструктивная семья как фактор делинквентной социализации несовершеннолетних // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2016. – Т. 5, № 5А. – С. 21–33.

103. Социология преступности (Современные буржуазные теории) : сборник статей / пер. с англ. А. С. Никифорова, А. М. Яковлева ;

под ред. Б. С. Никифорова ; вступ. ст. В. Н. Кудрявцева, Б. С. Никифорова. – Москва : Прогресс, 1966. – 368 с.

104. Сушко Н. Г. Скрытое социальное сиротство как социально-психологический феномен // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2009. – № 2 (13). – С. 269–276.

105. Тагильцева Ю. Р., Бабикова М. Р. Лингвистические компоненты конфликтогенного поликодового текста в формировании установки на экстремистское поведение в молодежной среде // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 290–295.

106. Тард Г. Преступник и преступление. – Москва : Алгоритм, 2016. – 196 с.

107. Тащева А. И. Деструктивные взаимоотношения в семье // Психологический вестник РГУ. – 2000. – Вып. 5, Ч. 1-2. – С. 132–140.

108. Тимерьянова Л. Н. Буллинг как деструктивное поведение в подростковой среде // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81-3. – С. 367–370.

109. Труш В. М. Анализ уровня выраженности криминогенной зараженности осужденных в зависимости от категорий противоправных действий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 8. – С. 255–269.

110. Фрейд З. Недовольство культурой. – Москва : Фолио, 2013. – 222 с.

111. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 251 с.

112. Фридмен М. Тирания статус-кво // Экономическая теория преступлений и наказаний. – 1999. – Вып. 1. – С. 99–104.

113. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – Москва : АСТ, 2015. – 618 с.

114. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Москва : АСТ, 2006. – 571 с.

115. Хайдеггер М. Бытие и время / перевод с немецкого В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.

116. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 860 с.

117. Хоннет А. Борьба за признание. Идея признания в социально-критической теории / пер. с нем. И. А. Михайлова // Западная

философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / под ред. И. И. Блауберг. – Москва : ИФ РАН, 2012. – С. 66–106.

118. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – Москва : Медиум, 1997. – 314 с.

119. Чебыкина Н. Р., Молодавкин В. И. Failed states и квазигосударства: международно-правовой анализ // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3 (56). – С. 54–58.

120. Шестаков Д. А. Возвращение к криминологической теории причинности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 2. – С. 88–97.

121. Шестакова Е. Г. Фрустрационные теории агрессии (к истории проблемы) // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 33. – С. 36–41.

122. Шпильрейн С. Н. Деструкция как причина становления // Антология российского психоанализа. – Москва, 1999. – Т. 1, № 5. – С. 118–142.

123. Шувалов А. В. Современные антропологические тенденции: от эгоцентризма к деструктивности // Народное образование. – 2023. – № 4 (1499). – С. 33–48.

124. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – 2-е изд. – Москва :Флинта, 2006. – 352 с.

125. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. – Москва : АСТ, 2023. – 496 с.

126. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. – Москва : Когито-Центр, 2013. – 352 с.

127. Юнг К. Г. Эон. – Москва : АСТ, 2009. – 411 с.

128. Abramson L. Y., Metalsky G. I., Alloy L. B. Hopelessness depression: A theory-based subtype of depression // Psychological review. – 1989. – Vol. 96, No. 2. – C. 358.

129. Ainsworth M. D. S., Blehar M. C., Waters E., Wall S. N. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. – New York : Halsted (Wiley), 1978. – 392 p.

130. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves. – New York : Macmillan, 2016. – 544 p.

131. Beck A. T. Prisoners of hate: The cognitive basis of anger, hostility, and violence. – New York : HarperCollins, 1999. – 354 p.

132. Bowlby J. [et al.]. The effects of mother-child separation: a follow-up study // British Journal of Medical Psychology. – 1956. – Vol. 29, No. 3-4. – P. 211–247.

133. Cassidy J., Jones J. D., Shaver P. R. Contributions of attachment theory and research: A framework for future research, translation, and policy // Development and psychopathology. – 2013. – Vol. 25, No. 4pt2. – C. 1415–1434.

134. Celikates R., Flynn J. Critical Theory (Frankfurt School) // Zalta E. N. (ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: https://plato.stanford.edu/archives/fall2025/entries/critical-theory (дата обращения: 10.03.2026).

135. Cohen J. R. Negative identity and conflict // Ohio State Journal on Dispute Resolution. – 2020. – Vol. 35, no. 5. – P. 737-752.

136. Duncan M. G. In Slime and Darkness: The Metaphor of Filth in Criminal Justice // Tulane Law Review. – 1994. – Vol. 68. – P. 725–761.

137. Edelstein W. A culture of threat: right-wing extremism and negative identity formation in German youth delstein // New Directions for Youth Development. – 2003. – № 98. – P. 81–97.

138. Gibbs J. C. Moral development and reality: beyond the theories of Kohlberg, Hoffman, and Haidt. – New York: Oxford University Press; 2019. – 419 p.

139. Gottfredson M., Hirschi T. A General Theory of Crime. Stanford : Stanford University Press, 1990. – 297 p.

140. Hare R. D., Neumann C. S. Structural models of psychopathy // Current psychiatry reports. – 2005. – Vol. 7, No. 1. – P. 57–64.

141. Heider F. The psychology of interpersonal relations. – Psychology Press, 2013. – 336 p.

142. Hihara S., Sugimura K., Syed M. Forming a Negative Identity in Contemporary Society: Shedding Light on the Most Problematic Identity Resolution // Identity. – 2018. – Vol. 18, no. 4. – P. 1–10.

143. Horkheimer M. Traditional and Critical Theory // Horkheimer M. Critical Theory: Selected Essays. – New York : Continuum, 1972. – P. 188–243.

144. Horney K. Our inner conflicts: a constructive theory of neurosis. – London : Routledge; 2013. – 250 p.

145. Isenhardt A. [et al.]. Identity Diffusion and Extremist Attitudes in Adolescence // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. – P. 711466.

146. Jaeggi R. Critique of forms of life. – Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. – 416 p.

147. Kohlberg L. The psychology of moral development: Essays on moral development. – San Francisco : Harper & Row, 1984. – 720 p.

148. Lemert E. M. Social pathology: a systematic approach to the theory of sociopathic behaviour. – New York : McGraw-Hill, 1951. – 470 p.

149. Rosa H. Resonance: A sociology of our relationship to the world. – Hoboken : John Wiley & Sons; 2019. – 554 p.

150. Skinner Q. Hobbes on Civil Conversation // From Humanism to Hobbes: Studies in Rhetoric and Politics. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – P. 162–189.

151. Sullivan H. S. The interpersonal theory of psychiatry. – New York : W.W. Norton & Co., 1953. – 423 p.

152. Sutherland E. H. Principles of Criminology. / Rev. by Donald R. Cressey. – 6th ed. – Chicago etc. : Lippincott, Cop., 1960. – 646 p.

153. Sykes G. M., Matza D. Techniques of neutralization: a theory of delinquency // American Sociological Review. – 1957. – Vol. 22, No. 6. – P. 664–670.

154. Wagoner J. A., Hogg M. A. Divided Groups, Polarized Identities, and Extremist Behavior: The Role of Exclusion-Contingent Self and Identity Uncertainty // Pfundmair M. (ed.). Exclusion and Extremism: A Psychological Perspective. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – P. 141–165.

155. Walters G. D. Criminal thinking styles: A review and extension of the theory // Journal of Forensic Psychology Practice. – 2006. – Vol. 6, No. 4. – P. 45–67.

156. Weiner B. An Attributional Theory of Achievement Motivation and Emotion // Psychological Review. – 1985. – Vol. 9, No 4. – P. 548–573.

157. Widder N. Foucault and power revisited // European Journal of Political Theory. – 2004. – Т. 3, №. 4. – С. 411–432.

158. Yar M. Recognition as the grounds of a general theory of crime as social harm? // Recognition theory as social research : Investigating the dynamics of social conflict. – London : Palgrave Macmillan UK, 2012. – С. 109–126.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Методика «Деструктивное взаимодействие» (ДВ-7) (автор: Злоказов К. В.)

1. Назначение

Оценка склонности к разрыву отношений, отказу от помощи и поддержки окружающим, непрощению и применению насилия в конфликтах, вызванных нарушением структуры социального взаимодействия.

Шкала содержит описание ситуаций межличностного взаимодействия, в которых субъект оказывается перед выбором возможных вариантов поведения. Среди них представлены следующие деструктивные проявления:

– разрыв межличностных и социальных отношений вместо стремления к их восстановлению;

– отказ от заботы при отсутствии благодарности со стороны близких;

– непрощение предательства близких;

– силовой отпор в ответ на попытки влияния со стороны социального окружения;

– самообвинительное объяснение неудач;

– восстановление справедливости посредством насилия.

2. Процедура проведения

Форма: индивидуально или в группе.

Время: 5–7 минут.

Инструкция: выбрать один из трех вариантов в каждой из 7 ситуаций.

3. Инструкция обследуемому

Уважаемый респондент! Вам предлагается семь ситуаций взаимодействия. В каждой дается три варианта поведения. Выберите один, который наиболее точно описывает Ваш типичный способ действий. Отвечайте искренне, долго не задумываясь. Для ответа подчеркните или обведите в бланке для ответов букву выбранного ответа.

4. Текст вопросов

1. Если друг больше не желает поддерживать дружбу, то следует:

а) самому сделать шаги для ее сохранения

б) обсудить с ним возможность восстановления дружбы

в) дать другу самому прекратить вашу дружбу/прекратить дружбу самому

2. Если окружающие не ценят заботу человека, то следует:

а) разобраться в причинах и объясниться

б) продолжить заботиться в той же мере, что и раньше

в) прекратить заботу об окружающих / в принципе не ждать от них благодарности

3. Если друг пользуется твоей дружбой в своих целях:

а) нужно перестроить отношения так, чтобы никто не пользовался дружбой

б) нужно разорвать такие отношения

в) нужно позволить другу так поступать

4. Простить предательство друга:

а) можно, если друг объяснится

б) можно ради дружбы

в) нельзя, т. к. опять предаст/нельзя без возмездия.

5. Стремление окружающих силой повлиять на человека:

а) должно приниматься им, если оно оправдано

б) должно встречать с его стороны отпор

в) должно восприниматься им как неизбежная часть жизни в обществе.

6. Собственные неудачи в жизни я объясняю себе:

а) непониманием ситуации/действиями других людей

б) желанием добиться лучшего в жизни

в) своей слабостью.

7. Если человек поступает несправедливо, то правильным будет:

а) подумать, почему он так себя ведет

б) простить ему его несправедливость/не обращать внимания

в) восстановить справедливость силой.

5. Обработка и интерпретация

5.1. Ключи: каждый ответ кодируется в баллы от 1 до 3:

Вопрос	Ответ		
	«а»	«б»	«в»
1	1	2	3
2	1	2	3
3	1	3	2
4	1	2	3
5	1	3	2
6	1	2	3
7	1	2	3

Важно: для пунктов 3 и 5 шкала «перевернутая» (вариант «б» — 3 балла, вариант «в» — 2 балла).

5.2. Подсчет: суммируйте баллы по всем 7 вопросам.

Минимум = 7, максимум = 21.

5.3. Процентильные диапазоны (по сырым баллам)

Балл	Процентиль	Уровень деструктивности
7–8	< 10	Очень низкий
9–10	10–30	Низкий
11–12	30–60	Средний
13–14	60–80	Средневысокий
15–16	80–90	Высокий
17–21	> 90	Очень высокий

5.4. Интерпретация результатов

Уровень деструктивности	Баллы	Краткая характеристика
Низкий (конструктивный)	7–10	Гибкость, ориентация на диалог, прощение, экстернальный локус контроля неудач
Средний (ситуативный)	11–14	Поведение зависит от контекста, возможно сочетание конструктивных и деструктивных реакций
Высокий (деструктивный)	15–21	Ригидность, разрыв, отказ, силовая реакция, интернальный самокритичный локус

5.5. Содержательная интерпретация

5.5.1. Низкий балл (7–10) — конструктивный стиль

Поведенческие проявления:

– Инициирует восстановление отношений, даже в условиях собственной правоты (ценит отношения выше справедливости).

– Готов обсуждать конфликт и способен прощать при объяснении причин конфликта.

– Объясняет неудачи влиянием обстоятельств, условиями ситуации.

– В конфликте предпочитает диалог применению насилия.

5.5.2. Средний балл (11–14) — ситуативный / неустойчивый стиль поведения.

Поведенческие проявления:

– Проявляет конструктивные или деструктивные формы реагирования в зависимости от контекста ситуации.

– Неустойчиво и нестабильно ведет себя в схожих обстоятельствах конфликта.

– Выбор деструктивной стратегии поведения обусловлен ситуацией стресса, неопределенности или конфликта.

5.5.3. Высокий балл (15–21) — деструктивный стиль поведения

Поведенческие проявления:

– Разрывает отношения вместо их восстановления.

– Отказывается от проявления заботы, помощи или поддержки, если она не ценится партнером.

– Не прощает предательства, склонен восстанавливать справедливость в отношениях применением насилия к партнеру.

– Отвечает отпором на попытки влияния окружения.

– Объясняет жизненные неудачи своей слабостью.

Научное издание

Злоказов Кирилл Витальевич,
доктор психологических наук, доцент;
Самойлик Наталья Анатольевна,
доктор психологических наук, доцент;
Чопик Ольга Артуровна,
доктор педагогических наук, доцент

ДЕСТРУКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Монография

Редактор *Артамонов Р. Е.*
Компьютерная верстка *Артамонов Р. Е.*

ISBN 978-5-00277-110-3

EDN: EVQZNZ

Подписано в печать 30.11.2026. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Печать цифровая. Объем 11 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 98/26.

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1